ВИЗАНТИЗМЪ И СЛАВЯНСТВО.

СОЧИНЕНІЕ

К. Н. ЛЕОНТЬЕВА.

ИЗДАНІЕ
Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ
при Московскомъ Университетѣ.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (Катковъ
на Страстномъ бульварѣ.
1876.

ЧТЕНІЯ

въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ 1875 г., кн. III.

ВИЗАНТИЗМЪ И СЛАВЯНСТВО.

ГЛАВА I.

Византизмъ древній.

Что такое Византизмъ?

Византизмъ есть прежде всего особаго рода образованность имѣющая свои отличительные признаки, свои общія, ясныя, рѣзкія, понятныя начала и свои опредѣленныя въ исторіи послѣдствія.

Славизмъ, взятый во всецѣлости своей, есть еще сфинксъ загадка.

Отвлеченная идея Византизма крайне ясна и понятна. Эта общая идея слагается изъ нѣсколькихъ частныхъ идей религіозныхъ, государственныхъ, нравственныхъ, философскихъ и художественныхъ.

Ничего подобнаго мы не видимъ во Всеславянствѣ. Представляя себѣ мысленно Всеславизмъ, мы получаемъ только какое-то аморфическое, стихійное, неорганизованное представленіе, нѣчто подобное виду дальнихъ и обширныхъ облаковъ, изъ которыхъ, по мѣрѣ приближенія ихъ, могутъ образоваться самыя разнообразныя фигуры.

Представляя себѣ мысленно Византизмъ, мы, напротивъ того, видимъ передъ собою какъ бы строгій, ясный планъ обширнаго и помѣстительнаго зданія. Мы знаемъ, на примѣръ, что Византизмъ въ Государствѣ значитъ Самодержавіе. Въ Религіи онъ значитъ Христіянство съ опредѣленными чертами, отличающими его отъ Западныхъ Церквей, отъ ересей и расколовъ. Въ нравственномъ мірѣ мы знаемъ, что Византійскій идеалъ не имѣетъ того высокаго и во многихъ случаяхъ крайне преувеличеннаго понятія о земной личности человѣческой, которое внесено въ исторію Германскимъ феодализмомъ; знаемъ наклонность Византійскаго нравственнаго идеала къ разочарованію во всемъ земномъ, въ счастьи, въ устойчивости нашей собственной чистоты, въ

способности нашей къ полному нравственному совершенству здѣсь, долу. Знаемъ, что Византизмъ (какъ и вообще Христіанство) отвергаетъ всякую надежду на всеобщее благоденствіе народовъ; что она есть сильнѣйшая антитеза идеѣ всечеловѣчества въ смыслѣ земнаго всеравенства, земной всесвободы, земнаго всесовершенства и вседовольства.

Византизмъ даетъ также весьма ясныя представленія и въ области художественной или вообще эстетической: моды, обычаи, вкусы, одежда, зодчества, утварь, все это легко себѣ вообразить нѣсколько болѣе, или нѣсколько менѣе, Византійскимъ.

Византійская образованность смѣнила Греко-Римскую и предшествовала Романо-Германской. Воцареніе Константина можно считать началомъ полнаго торжества Византизма (IV вѣкъ по Р. Х.). Воцареніе Карла Великаго (IX вѣкъ), его вѣнчаніе Императорское, которое было дѣломъ Папства, можно считать первой попыткой Романо-Германской Европы выдѣлить рѣзко свою образованность и изъ обще-Византійской, которая до тѣхъ подчиняла себѣ, хотя бы духовно, и всѣ Западныя страны...

Именно, въ слѣдъ за распаденіемъ искуственной Имперіи Карла, все яснѣе и яснѣе обозначаются тѣ признаки, которые составятъ, въ совокупности своей, картину особой, Европейской образованности, этой новой всемірной цивилизаціи.

Начинаютъ яснѣе обозначаться будущіе предѣлы позднѣйшихъ Западныхъ Государствъ и частныхъ образованностей Италіи, Франціи, Германіи, близятся крестовые походы, близится цвѣтущая эпоха рыцарства, феодализма Германскаго, положившаго тѣ основы чрезмѣрному самоуваженію лица (самоуваженію, которое, перейдя путемъ зависти и подражанія сперва къ буржуазіи, произвело демократическую революцію и породило всѣ эти нынѣшнія фразы о безпредѣльныхъ правахъ лица, а потомъ, дойдя до нижнихъ слоевъ Западнаго общества, сдѣлало изъ всякаго простого поденщика и сапожника существо, исковерканное нервнымъ чувствомъ собственнаго достоинства). Вскорѣ послѣ этого раздаются и первые звуки романтической поэзіи. Потомъ развивается Готическое зодчество, создается вскорѣ Католическая поэма Данта и т. д. Папская власть ростетъ съ того времени.

И такъ воцареніе Карла Великаго (9 вѣкъ)—вотъ приблизительная черта раздѣла, послѣ которой на Западѣ стала болѣе и болѣе выясняться своя цивилизація и своя государственность.

Византійская цивилизація утрачиваетъ съ этого вѣка изъ своего круга всѣ обширныя и населенныя страны Запада, но за то, вскорѣ за тѣмъ, пріобрѣтаетъ своему генію на Сѣверо-Востокѣ Юго-Славянъ, а потомъ и Россію.

Вѣка XV, XVI, XVII суть вѣка полнаго разцвѣта Европейской цивилизаціи и время полнаго паденія Византійской государственности на той почвѣ именно, гдѣ она родилась и выросла.

Этотъ же самый XV вѣкъ, съ котораго, началось цвѣтеніе Европы, есть вѣкъ перваго усиленія Россіи, вѣкъ изгнанія Татаръ, сильнѣйшаго противу прежняго пересажденія къ намъ Византійской образованности, посредствомъ укрѣпленія Самодержавія, посредствомъ большаго умственнаго развитія мѣстнаго духовенства, посредствомъ установленія придворныхъ обычаевъ, модъ, вкусовъ и т. д. Это пора Іоанновъ, паденія Казани, завоеваній въ Сибири, вѣкъ постройки Василія Блаженнаго въ Москвѣ, постройки странной, неудовлетворительной, но до крайности своеобразной, Русской, указавшей яснѣе прежняго на свойственной намъ архитектурный стиль, именно на Индійское многоглавіе, приложенное къ Византійскимъ началамъ.

Но Россія, по многимъ причинамъ, о которыхъ я не нахожу возможности здѣсь распространяться, не вступила тогда же въ періодъ цвѣтущей сложности и многообразнаго гармоническаго творчества, подобно современной ей Европѣ возрожденія.

Скажу лишь кратко.

Обломки Византизма, разсѣянные Турецкой грозой на Западъ и на Сѣверъ, упали на двѣ разныя почвы. На Западѣ все свое, Романо-Германское, было уже и безъ того въ цвѣту, было уже развито, роскошно, подготовлено; новое сближеніе съ Византіей и, черезъ ея посредство, съ античнымъ міромъ, привело немедленно Европу къ той блистательной эпохѣ, которую привыкли звать Возрожденіемъ; но которую лучше бы звать эпохой сложнаго цвѣтенія Запада; ибо такая эпоха Возрожденія была у всѣхъ государствъ и во всѣхъ культурахъ, эпоха многообразнаго и глубокаго развитія, объединеннаго въ высшемъ духовномъ и государственномъ единствѣ всего, или частей.

Такая эпоха у Медо-Персовъ послѣдовала за прикосновеніемъ къ разлагающимся мірамъ Халдейскому и Египетскому, т. е., эпоха Кира, Камбиза и особенно Дарія Гистаспа, у Еллиновъ во время и послѣ первыхъ Персидскихъ войнъ, у Римлянъ послѣ Ну-

ническихъ войнъ и все время первыхъ Кесарей, у Византіи во времена Константина, Өеодосіевъ и вообще во время борьбы противу ересей и варваровъ, у насъ Русскихъ со дней Петра Великаго.

Соприкасаясь съ Россіей въ XV вѣкѣ и позднѣе, Византизмъ находилъ еще безцвѣтность, и простоту, бѣдность, неприготовленность. По этому онъ глубоко переродиться у насъ не могъ, какъ на Западѣ, онъ всосался у насъ общими чертами своими чище и безпрепятственнѣе.

Нашу эпоху Возрожденія, нашъ XV вѣкъ, начало нашего болѣе сложнаго и органиченнаго цвѣтенія, наше, такъ сказать, единство въ многообразіи, надо искать въ XVII вѣкѣ, во время Петра I-го или, по крайней мѣрѣ, первые проблески при жизни его отца.

Европейскія вліянія (Польское, Голландское, Шведское, Нѣмецкое, Французское) въ XVII и потомъ въ XVIII вѣкѣ играли ту же роль (хотя и дѣйствовали гораздо глубже), какую играли Византія и древній Еллинизмъ въ XV и XVI вѣкѣ на Западѣ.

Въ Западной Еропѣ старый, первоначальный, по преимуществу религіозный, Византизмъ долженъ былъ прежде глубоко переработаться сильными мѣстными началами Германизма: рыцарствомъ, романтизмомъ, готизмомъ (не безъ участія и Арабскаго вліянія), а потомъ тѣ же старыя Византійскія вліянія, чрезвычайно обновленныя долгимъ непониманіемъ, или забвеніемъ, падая на эту, уже крайне сложную, Европейскую почву XV и XVI вѣковъ, пробудили полный разцвѣтъ всего, что дотолѣ таилось еще смутно въ нѣдрахъ Романо-Германскаго міра.

Замѣтимъ, что Византизмъ, падая на Западную почву въ этотъ второй разъ дѣйствовалъ уже не столько религіозной стороной своей (не собственно Византійской, такъ сказать), ибо у Запада и безъ него своя религіозная сторона была уже очень развита и безпримѣрно могуча, а дѣйствовалъ онъ косвенно, преимущественно Еллино-художественными и Римско-юридическими сторонами своими. Вездѣ тогда на Западѣ болѣе или менѣе усиливается Монархическая власть нѣсколько въ ущербъ природному Германскому феодализму, войска вездѣ стремятся принять характеръ государственный, болѣе Римскій, диктаторіяльный, монархическій, а не аристократически областной, какъ было прежде, обновляются несказанно мысль и искуство. Зод-

чество, вдохновляясь древними и Византійскими образцами, производить новыя сочетанія необычайной красоты, и т. д.

У насъ же со временъ Петра принимается все это уже до того переработанное по своему Европой, что Россія, по видимому, очень скоро утрачиваетъ Византійскій свой обликъ.

Однако это не совсѣмъ такъ. Основы нашего, какъ государственнаго, такъ и домашняго, быта остаются тѣсно связаны съ Византизмомъ. Можно бы, если бы мѣсто и время позволяли, доказать, что и все художественное творчество наше глубоко проникнуто Византизмомъ въ лучшихъ проявленіяхъ своихъ. Но такъ какъ здѣсь дѣло идетъ почти исключительно о вопросахъ государственныхъ, то я позволю себѣ только напомнить о томъ, что Московскій дворецъ нашъ своеобразнѣе зимняго, и былъ бы и лучше его, если бъ былъ пестрѣе, а не бѣлый, какъ сначала, и не песочный, какъ теперь, по тому что пестрота и своеобразіе болѣе Византійской (чѣмъ Петербургъ) Москвы плѣняетъ всѣхъ иностранцевъ. Cyprien Robert говоритъ съ радостью, что Москва есть единственный Славянскій городъ, который онъ видѣлъ на свѣтѣ; Ch. de Mazade, напротивъ того, говоритъ съ бѣшенствомъ, что самый видъ Москвы есть видъ Азіятскій, чуждый муниципально-феодальной картинѣ Запада и т. д. Кто изъ нихъ правъ? Я думаю оба, и это хорошо. Я напомню еще, что наша серебряная утварь, наши иконы, наши мозаики, созданія нашего Византизма, суть до сихъ поръ почти единственное спасеніе нашего эстетическаго самолюбія на выставкахъ, съ которыхъ пришлось бы намъ безъ этого Византизма бѣжать, закрывши лицо руками.

Скажу еще мимоходомъ, что всѣ наши лучшіе поэты и романисты: Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь, Кольцовъ, оба Графа Толстые (и Левъ и Алексѣй), заплатили богатую дань этому Византизму, той, или другой, его сторонѣ, государственной, или церковной, строгой, или теплой...

Но жарка свѣча
поселянина
Предъ иконою Божіей
Матери.[1]

[1] Кольцовъ.

Точно также Русскій Византизмъ, какъ и возгласъ Пушкина:

Иль Русскаго Царя безсильно слово?
Иль намъ съ Европой спорить ново?
Иль мало насъ?..

Семья?... Но что жь такое семья безъ Религіи? Что такое Русская семья безъ Христіанства? Что такое, наконецъ, Христіанство въ Россіи безъ Византійскихъ основъ и безъ Византійскихъ формъ?...

Я удержусь, и больше ничего здѣсь не скажу ни объ эстетическомъ творчествѣ Русскихъ, ни объ семействѣ нашей жизни.

Я буду говорить нѣсколько подробнѣе лишь о государственной организаціи нашей, о нашей государственной дисциплинѣ.

Я сказалъ, что у насъ при Петрѣ принялось многое цивилизующее, до того уже по своему переработанное Европой, что Государственная Россія какъ будто бы вовсе утратила не только обликъ Византизма, но и самыя существенныя стороны его духа.

Однако, сказалъ я, это не совсѣмъ такъ. Конечно, при видѣ нашей гвардіи (la guarde), обмундированной и марширующей (marschiren) по Марсову полю (Champ de Mars) въ Санктпетербургѣ, не подумаешь сейчасъ же о Византійскихъ легіонахъ.

При взглядѣ на нашихъ Флигель-Адъютантовъ и Каммергеровъ, не найдешь въ нихъ много сходства съ крещенными преторіянцами, палатинами [2] и евнухами Ѳеодосія, или Іоанна Цимисхія. Однако это войско, эти придворные, занимающіе при этомъ почти всѣ и политическія и административныя должности, покорются и служатъ одной идеѣ Царизма, укрѣпившейся у насъ со временъ Іоанновъ, подъ Византійскимъ вліяніемъ.

Русскій Царизмъ къ тому же утвержденъ гораздо крѣпче Византійскаго Кесаризма, и вотъ по чему:

Византійскій Кесаризмъ имѣлъ диктаторіяльное происхожденіе, муниципальный избирательный характеръ.

Цинциннатъ, Фабій Максимъ и Юлій Цезарь перешли постепенно и вполнѣ законно сперва въ Августа, Траяна и Діоклетіяна, а потомъ въ Константина, Юстиніяна, Іоанна Цимисхія.

Сперва диктатура въ языческомъ Римѣ имѣла значеніе законной, но временной, мѣры всемогущества, даруемаго священнымъ городомъ одному лицу; потомъ, посредствомъ законной же юридической фикціи священный городъ перенесъ свои полномочныя права, когда того потребовали обстоятельства, на голову пожизненнаго диктатора-Императора.

[2] Primicerius sacri cubiculi, castrensis и т. д.

Въ IV же вѣкѣ Христіянство воспользовалось этой готовой властью, привычной для народа, нашло въ ней себѣ защиту и опору, и помазало по Православному на новое царство этого пожизненнаго Римскаго Диктатора.

Естественность этой диктаторіяльной власти была такова, привычка народовъ къ ней такъ сильна, что подъ властью этихъ крещенныхъ и помазанныхъ Церковью диктаторовъ, Византія пережила Западный языческій Римъ на 1100 слишкомъ лѣтъ, т. е., почти на самый долгій срокъ государственной жизни народовъ (Болѣе 1200 лѣтъ ни одна государственная система, какъ видно изъ исторіи: не жила: многія государства прожили гораздо меньше).

Подъ вліяніемъ Христіянства законы измѣнились во многихъ частностяхъ; новое Римское Государство, еще и прежде Константина утратившее почти всѣ существенныя стороны прежняго конституціоннаго аристократическаго характера своего, [3] обратилось, говоря нынѣшнимъ же языкомъ, въ государство бюрократическое, централизованное, самодержавное и демократическое (не въ смыслѣ народовластія, а въ смыслѣ равенства; лучше бы сказать эгалитарное). Уже Діоклетіянъ, предшественникъ Константина, послѣдній изъ языческихъ Императоровъ, тщетно боровшійся противу наплыва Христіянства, былъ вынужденъ, для укрѣпленія дисциплины государственной, систематически организовать новое чиновничество, новую лѣстницу властей, исходящихъ отъ Императора (У Гизо можно найти въ «Histoire de la Civilisation» подробную таблицу этихъ властей, служившихъ градативно новому порядку).

Съ воцареніемъ Христіянскихъ Императоровъ, къ этимъ новымъ чиновническимъ властямъ прибавилось еще другое, несравненно болѣе сильное, средство общественной дисциплины—власть Церкви, власть и привилегія Епископовъ. Этого орудія древній Римъ не имѣлъ; у него не было такого сильнаго жрече-

[3] Я нарочно для ясности называю эти вещи по нынѣшнему приблизительно.

скаго, привилегированнаго сословія. У Христіанской Византіи явилось это новое и чрезвычайно спасительное орудіе дисциплины.

Итакъ, повторяю, Кесаризмъ Византійскій имѣлъ въ себѣ, какъ извѣстно, много жизненности и естественности, сообразной съ обстоятельствами и потребностями времени. Онъ опирался на двѣ силы: на новую религію, которую даже и бо́льшая часть не христіанъ (т. е., атеистовъ и деистовъ) нашего времени признаетъ наилучшей изъ всѣхъ дотолѣ бывшихъ религій, [1] и на древнее государственное право, формулированное такъ хорошо, какъ ни одно до него формулировано не было (на сколько намъ извѣстно, ни Египетское, ни Персидское, ни Аѳинское, ни Спартанское). Это счастливое сочетаніе очень древняго, привычнаго (т. е., Римской диктатуры и муниципальности) съ самымъ новымъ и увлекательнымъ (т. е., съ Христіанствомъ) и дало возможность первому Христіанскому Государству устоять такъ долго на почвѣ расшатанной, полусгнившей, среди самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ.

Кесарей изгоняли, мѣняли, убивали, но святыни Кесаризма никто не касался. Людей мѣняли, но измѣнять организацію въ основѣ ея никто не думалъ.

Относительно Византійской исторіи надо замѣтить еще слѣдующее. Въ нашей образованной публикѣ распространены о Византіи самыя превратныя, или, лучше сказать, самыя вздорныя, одностороннія, или поверхностныя, понятія. Наша историческая наука была до послѣдняго времени незрѣла и лишена самобытности. Западные писатели почти всѣ долго страдали (иногда и безсознательнымъ) пристрастіемъ или къ республиканству, или къ феодализму, или къ католичеству и протестанству, и по тому Византія самодержавная, Православная и вовсе уже не феодальная, не могла внушать имъ ни въ чемъ ни малѣйшаго сочувствія. Есть въ обществѣ, благодаря извѣстному складу школьнаго обученія-

[1] Шопенгауеръ предпочитаетъ Буддизмъ Христіанству, и извѣстный компиляторъ Бюхнеръ поддерживаетъ его въ этомъ. Но интересно, что Буддизмъ, не признающій личнаго Бога, по словамъ его же защитниковъ, во многомъ другомъ болѣе, нежели всякая другая религія, приближается къ Христіанству. На примѣръ: ученіемъ кротости, милосердія къ другимъ и строгости аскетизма къ себѣ.

Христіанство содержитъ въ себѣ все, что есть сильнаго и хорошаго во всѣхъ другихъ религіяхъ.

благодаря извѣстному характеру легкаго чтенія и т. п., привычка, не долго думая, чувствовать симпатію къ инымъ историческимъ явленіямъ и почти отвращеніе къ другимъ. Такъ, на прим., и школа, и стихи, и множество статей и романовъ, пріучили всѣхъ насъ съ раннихъ лѣтъ съ содроганьемъ восторга читать о Мараѳонѣ, Саламинѣ и Платеѣ и, отдавая все сочувствіе наше Еллинскимъ республиканцамъ, смотрѣть на Персовъ почти съ ненавистью и презрѣніемъ.

Я помню, какъ я самъ, прочтя случайно о томъ какъ, во время бури, Персидскіе вельможи бросались сами въ море, чтобы облегчить корабль и спасти Ксеркса, какъ они поочередно подходили къ Царю и склонялись передъ нимъ прежде, чѣмъ кинуться за бортъ... Я помню, какъ прочтя это, я задумался и сказалъ себѣ въ первый разъ (а сколько разъ приходилось съ дѣтства и до зрѣлаго возраста воспоминать о классической Греко-Персидской борьбѣ!): «Герценъ справедливо зоветъ это Персидскими Ѳермопилами. Это страшнѣе и гораздо величавѣе Ѳермопилъ! Это доказываетъ силу идеи, силу убѣжденія, большую, чѣмъ у самыхъ сподвижниковъ Леонида; ибо гораздо легче положить свою голову въ пылу битвы, чѣмъ обдуманно и холодно, безъ всякаго принужденія, рѣшаться на самоубійство изъ за религіозно-государственной идеи!»

Съ этой минуты, я сознаюсь, сталъ на древнюю Персію смотрѣть уже не такъ, какъ пріучила меня школа 40 и 50 годовъ, поэзія и большинство историческихъ, попадавшихся мнѣ, сочиненій. Я полагаю, что у многихъ есть какія ни будь подобнаго рода воспоминанія.

Мнѣ главная причина тутъ въ томъ, что Персія не оставила намъ такихъ хорошихъ литературныхъ произведеній, какъ оставила Еллада. Греки умѣли изображать все реальнѣе и осязательнѣе, теплѣе другихъ своихъ сосѣдей и современниковъ, и отъ того мы ихъ знаемъ лучше и любимъ больше, не смотря на всѣ ихъ пороки и ошибки.

Молчаніе не всегда есть признакъ безсодержательности. G. Sand хорошо называла иныхъ людей, исполненныхъ ума и души, но не одаренныхъ умѣньемъ выразить свою внутреннюю жизнь, les grands muets; къ такимъ людямъ она причисляла и извѣстнаго ученаго G. S-t.-Hilaire, который, по видимому, многое понималъ и предвидѣлъ глубже своего товарища и соперника,

Кювье, но не могъ никогда восторжествовать надъ нимъ въ спорахъ. Наука, однако, во многомъ въ послѣдствіи оправдала St.-Hilair'а. Быть можетъ и Персія была, сравнительно съ Греціей, такой же Grand Muet. Есть примѣры и ближе къ намъ. Если разсматривать жизнь Россіи со временъ Петра I и до нашихъ временъ, развѣ она многосложностью своихъ явленій не драматичнѣе, не поэтичнѣе, не богаче хотя бы исторіи и однообразно-перемѣнчивой Франціи XIX вѣка? Но Франція XIX вѣка говоритъ о себѣ безпрестанно, а Россія до сихъ поръ еще не выучилась говорить о себѣ хорошо и умно, и все еще продолжаетъ нападать на чиновниковъ, или заботиться о всеобщей пользѣ.

Римъ, средніе вѣка Европы, и тѣмъ болѣе Европа новѣйшаго, болѣе близкаго къ намъ, времени, оставили намъ также такую богатую, распространенную тысячами путей, литературу, что чувства, страданія, вкусы, подвиги и даже пороки Римлянъ, рыцарей, людей возрожденія, реформы, людей пудры и фижмъ, людей Революціи и т. д., намъ знакомы, близки, болѣе, или менѣе, родственны. Отъ временъ Пизистрата, или даже отъ Троянской войны до временъ Бисмарка и Седанскаго плѣна, передъ нами проходитъ великое множество лицъ привлекательныхъ, или антипатичныхъ, счастливыхъ и несчастныхъ, порочныхъ и добродѣтельныхъ, но во всякомъ случаѣ множество лицъ живыхъ и понятныхъ намъ. Одинъ изъ насъ сочувствуетъ одному лицу, другой другому; одинъ изъ насъ предпочитаетъ характеръ аристократической націи, другому нравится демагогія; одинъ предпочитаетъ исторію Англіи временъ Елисаветы, другой Римъ въ эпоху блеска, третій Аѳины Перикла, четвертый Францію Людовика XIV, или Францію Конвента, но во всякомъ случаѣ, для бо́льшаго числа образованнаго общества, жизнь всѣхъ этихъ обществъ, жизнь живая, понятная хоть урывками, но понятная сердцу.

Византійское общество, повторяю, напротивъ того, пострадало отъ равнодушія, или недоброжелательства, писателей Западныхъ, отъ неприготовленности и долгой незрѣлости нашей Русской науки.

Византія представляется чѣмъ-то (скажемъ просто, какъ говорится иногда въ словесныхъ бесѣдахъ) сухимъ, скучнымъ, поповскимъ, и не только скучнымъ, но даже чѣмъ-то жалкимъ и подлымъ.

Между падшимъ языческимъ Римомъ и эпохой Европейскаго Возрожденія обыкновенно представляется какая-то зіяющая темная пропасть варварства.

Конечно, литература историческая уже обладаетъ нѣсколькими прекрасными трудами, которые населяютъ мало по малу эту скучную бездну живыми тѣнями и образами (Таковы, на пр., книги Амедея Тьерри).

Исторія цивилизаціи въ Европѣ Гизо написана и издана уже давнымъ давно. Въ ней мало повѣствовательнаго, бытоваго; но за то движеніе идей, развитіе внутренняго нерва жизни, изображено съ геніальностью и силой. Гизо имѣлъ въ виду преимущественно Западъ; однако, говоря о Церкви Христіанской, онъ долженъ былъ по неволѣ безпрестанно касаться тѣхъ идей, тѣхъ интересовъ, вспоминать о тѣхъ людяхъ и событіяхъ, которые были одинаково важны и для Западнаго и для Восточно-Христіанскаго міра. Ибо варварство, въ смыслѣ совершенной дикости, простоты и безсознательности, вовсе не было въ эту эпоху, но была, какъ въ началѣ уже сказалъ, общая Византійская образованность, которая переступала тогда далеко за предѣлы Византійскаго Государства, точно также, какъ переступала государственные предѣлы Еллады когда-то Еллинская цивилизація, какъ переступаетъ еще дальше теперь Европейская за свои политическія границы.

Есть и другія ученыя книги, которыя могутъ помочь намъ, если мы захотимъ восполнить нашъ недостатокъ представленій, которымъ мы, люди неспеціяльные, страдаемъ, когда дѣло касается Византіи.

Но искать охотниковъ мало; и до тѣхъ поръ, пока найдутся хоть между Русскими, на пр., люди съ такимъ же художественнымъ дарованіемъ, какъ братья Тьерри, Маколей, или Грановскій, люди, которые посвятили бы свой талантъ Византизму... пользы живой, сердечной пользы, не будетъ.

Пусть-бы кто ни будь, на пр., передѣлалъ, или даже перевелъ просто, но изящно, на современный языкъ Житія Святыхъ, ту старую Четь-Минею Димитрія Ростовскаго, которую мы всѣ знаемъ, и всѣ не читаемъ, и этого было бы достаточно, чтобы убѣдиться, сколько въ Византизмѣ было искренности, теплоты, геройства и поэзіи.

Византія не Персія Зороастра; источники для нея есть; источники крайне близкіе намъ, но нѣтъ еще искусныхъ людей, кото-

рые съумѣли бы пріучить наше воображеніе и сердце къ образамъ этого міра, съ одной стороны столь далеко отошедшаго, а съ другой вполнѣ современнаго намъ и органически съ нашей духовной и государственной жизнью связаннаго.

Предисловіе къ одной изъ книгъ Амедея Тьерри (Derniers Temps de l' Empire d' Occident) содержитъ въ себѣ прекрасно выраженныя жалобы на пренебреженіе Западныхъ писателей къ Византійской исторіи. Онъ приписываетъ, между прочимъ, много важности пустой игрѣ словъ Bas-Empire (Нижняя Имперія, Имперія низкая, презрѣнная), и называетъ лѣтописца, который первый раздѣлилъ Римскую Исторію на Исторію Верхней (Италійской) и Нижней (Греческой) Имперіи, лѣтописцомъ неудачливымъ, неловкимъ, несчастнымъ (malencontreux).

«Не надо забывать, говоритъ Тьерри, что именно Византія дала человѣчеству совершеннѣйшій въ мірѣ религіозный законъ—Христіянство. Византія распространила Христіянство; она дала ему единство и силу.»

«И между гражданами Византійской Имперіи, говоритъ онъ далѣе, «были люди, которыми могли бы гордиться всѣ эпохи, всякое общество!»

ГЛАВА II.

Византизмъ въ Россіи.

Я сказалъ, что Римскій Кесаризмъ, оживленный Христіянствомъ, далъ возможность живому Риму (Византіи) пережить старый Италійскій Римъ на цѣлую государственную нормальную жизнь, на цѣлое тысячелѣтіе.

Условія Русскаго Православнаго Царизма были еще выгоднѣе.

Перенесенный на Русскую почву Византизмъ встрѣтилъ не то, что онъ находилъ на берегахъ Средиземнаго моря, не племена долгой образованности и усталыя, не страны, стѣсненныя враждебными набѣгомъ, нѣтъ! онъ нашелъ страну дикую, новую, едва доступную, обширную, онъ встрѣтилъ народъ простой, свѣжій, ничего почти не испытавшій, простодушный, прямой въ своихъ вѣрованіяхъ.

Вмѣсто избирательнаго, подвижнаго, пожизненнаго диктатора, Византизмъ нашелъ у насъ Великаго Князя Московскаго, патріархально и наслѣдственно управлявшаго Русью.

Въ Византизмѣ царила одна отвлеченная юридическая идея: на Руси эта идея обрѣла себѣ плоть и кровь въ Царскихъ родахъ, священныхъ для народа.

Родовое монархическое чувство, этотъ Великорусскій легитимизмъ, былъ сперва обращенъ на домъ Рюрика, а потомъ на домъ Романовыхъ.

Родовое чувство, столь сильное на Западѣ въ аристократическомъ элементѣ общества, у насъ же въ этомъ элементѣ всегда гораздо слабѣйшее, нашло себѣ главное выраженіе въ монархизмѣ. Имѣя сначала вотчинный (родовой) характеръ, наше Государство этимъ самымъ развилось въ послѣдствіи такъ, что родовое чувство общества у насъ приняло Государственное направленіе. Государство у насъ всегда было сильнѣе, глубже, выработаннѣе не только аристократіи, но и самой семьи. Я, признаюсь, не понимаю тѣхъ, которые говорятъ о семейственности нашего народа. Я видѣлъ довольно много разныхъ народовъ на свѣтѣ, и читалъ, конечно, какъ читаютъ многіе. Въ Крыму, въ Малороссіи, въ Турціи, въ Австріи, въ Германіи, вездѣ я встрѣтилъ то же. Я нашелъ, что всѣ почти иностранные народы, не только Нѣмцы и Англичане (это уже слишкомъ извѣстно), но и столькіе другіе: Малороссы, Греки, Болгары, Сербы, вѣроятно (если вѣрить множеству книгъ и разсказовъ) и сельскіе или вообще провинціяльные Французы, даже Турки, гораздо семейственнѣе насъ, Великороссовъ.

Обыкновенно принято, что Турецкая семья—не семья. Это легко сказать и успокоиться. Другое дѣло сказать, что Христіянскій идеалъ семьи выше Мусульманскаго идеала. Это, конечно, такъ, и у тѣхъ Христіянскихъ народовъ, у которыхъ есть прирожденный, или выработанный ихъ исторіей, глубокій фамилизмъ, какъ, на прим., у Германскихъ націй, онъ и выразился такъ сильно, твердо и прекрасно, какъ не выражался дотолѣ ни у кого и нигдѣ. Чтобы убѣдиться въ этомъ нагляднѣе, надо, съ одной стороны, вспомнить несравненную ни съ чѣмъ другимъ прелесть семейныхъ картинъ Диккенса, или Вальтеръ-Скотта, и съ менѣе геніальной силой, у всѣхъ почти Англійскихъ писателей. А съ дру-

гой, Германскую нравственную философію, которая первая разви-
ла строго идею семейнаго дома для дома, даже внѣ религіозной
заповѣди. Можно ли вообразить себѣ великаго Великорусскаго
писателя, который догадался бы прежде Нѣмцевъ изложить
такой взглядъ и положить его хорошо, оригинально, увлекательно?
Будемъ искренни и скажемъ, что это, можетъ быть, грустная
правда, но правда.

Что касается до художественныхъ изображеній, то пусть
только сравнить кто ни будь самыхъ даровитыхъ писателей на-
шихъ съ Англійскими, и онъ увидитъ тотчасъ же, до чего я правъ.
Развѣ можно сравнить семейныя картины Графа Л. Н. Толстого,
съ картинами Вальтеръ-Скотта, и особенно Диккенса? Развѣ тепло-
та «Дѣтства и Отрочества» можетъ сравниться съ теплотою, съ
какимъ-то страстнымъ эѳическимъ лиризмомъ Копперфильда?
Развѣ семейная жизнь «Войны и Мира,» семейные (весьма немно-
госложные) идиллическіе оттиски въ произведеніяхъ Тургенева
и Гончарова, равны обилію и силѣ идиллическихъ семейныхъ кра-
сокъ во всей Англійской литературѣ? Развѣ можно вообразить се-
бѣ великаго Русскаго поэта, который написалъ бы Колоколъ
Шиллера? Сильны ли семейныя чувства (сравнительно съ Герман-
скимъ, конечно) у Пушкина, у Лермонтова, и у самого полу-
мужика Кольцова?

Совсѣмъ ли былъ неправъ Бѣлинскій, когда надъ преди-
словіемъ своимъ къ стихамъ Кольцова поставилъ эпиграфомъ сти-
хи Апол. Григорьева?

«Русскій бытъ—
Увы! совсѣмъ не такъ гладитъ,
Хоть о семейности его
Славянофилы намъ твердятъ
Уже давно, но, виноватъ,
Я въ немъ не вижу ничего
Семейнаго.»

Отъ чего широкій на всѣ руки Питерщикъ Писемскаго и
угрюмый, пострадавшій въ семьѣ, Бирюкъ Тургенева, всѣмъ
показались въ свое время естественнѣе, правдивѣе всѣхъ à
la G. Sand сельскихъ идиллій Григоровича? Григоровичъ зналъ
хорошо языкъ крестьянъ, вѣрно изображалъ многіе типы, у него
было чувство несомнѣнное, но онъ попалъ на ложную дорогу
слишкомъ уже добраго и твердаго фамилизма, который... увы!
въ удѣлъ Великоруссу не достался!

Я знаю, что многимъ высоконравственнымъ и благороднымъ людямъ больно слушать подобныя вещи; я знаю, что сознавать это правдой тяжело... Быть можетъ, мнѣ и самому это больно. Но развѣ мы поможемъ злу, скрывая его отъ себя и отъ другихъ?

Если это зло (и, конечно, зло большое), то лучше безпрестанно указывать на него, чтобы ему противодѣйствовать сколько есть силъ; а увѣрять самихъ себя, что мы семейственны, по тому только, что попадаются и у насъ, тамъ и сямъ, согласныя, строго нравственныя по убѣжденію, семьи, это было бы то же, что увѣрять: «Мы очень феодальны въ общественной организаціи, по тому что и у насъ есть древніе Княжескіе и Боярскіе многовѣковые роды, по тому что и у насъ было и есть еще отчасти богатое благовоспитанное дворянство, недавно еще привилегированное, сравнительно съ другими классами народа.» Это такъ; но, вѣдь, чтобы судить вѣрно общественный организмъ, необходимо сравнивать его съ другимъ такими же организмами; а рядомъ съ нами Германскіе народы развили, въ теченіе своей исторической жизни, такіе великіе образцы аристократичности съ одной стороны и фамилизма съ другой, что мы должны же сознаться: намъ и въ томъ и въ другомъ отношеніи до нихъ далеко! Если мы найдемъ старинную чисто Великорусскую семью (т. е., въ которой ни отецъ, ни мать, не Нѣмецкой крови, ни даже Польской, или Малороссійской), крѣпкую и нравственную, то мы увидимъ, во первыхъ, что она держится больше всего Православіемъ, Церковью, Религіей, Византизмомъ, заповѣдно грѣхомъ, а не внѣ Религіи стоящимъ и даже переживающимъ ее эѳическимъ чувствомъ, принципомъ отвлеченнаго долга, однимъ словомъ, чувствомъ, не признающимъ грѣха и заповѣди съ одной стороны, но и не допускающимъ либеральнаго, или эстетическаго, эвдемонизма съ другой, не допускающимъ той согласной взаимной терпимости, которую такъ любило дворянство Романскихъ странъ XVII и XVIII вѣка, и которое у насъ хотѣлъ проповѣдывать Чернышевскій, въ своемъ Романѣ: «Что дѣлать?» Романъ этотъ отвратительный художественно, грубый, дурно написанный, сдѣлалъ, однако, своего рода отрицательную пользу: онъ показалъ впервые ясно, чего именно хотятъ люди этого рода. И въ этихъ людяхъ сказался отчасти Великоруссизмъ, хотя на этотъ разъ своими вредными сторонами, своими разрушительными выводами.

Всякое начало, доведенное односторонней послѣдователь-

ностью до какихъ ни будь крайнихъ выводовъ, не только можетъ стать убійственнымъ, но даже, и самоубійственнымъ. Такъ, на примѣръ, если бы идею личной свободы довести до всѣхъ крайнихъ выводовъ, то она могла бы, черезъ посредство крайней анархіи, довести до крайне деспотическаго коммунизма, до юридическаго постояннаго насилія всѣхъ надъ каждымъ, или, съ другой стороны, до личнаго рабства. Дайте право людямъ вездѣ продавать, или отдавать себя въ вѣчный пожизненный наемъ изъ за спокойствія, пропитанія, за долги и т. п., и вы увидите, сколько и въ наше время нашлось бы крѣпостныхъ рабовъ, или полурабовъ, по волѣ.

Слабосемейственность Великоруссизма сказалась ярко въ сочиненіяхъ нашихъ Нигилистовъ. Нигилисты старались повредить и Государству; но въ защиту государственности со всѣхъ сторонъ поднялись безчисленныя и разнородныя силы, а въ защиту семейственности раздавались больше даровитые и благородные голоса, чѣмъ подымались силы реальныя, фактическія.[1] Я прошу только посмотрѣть внимательно и безстрашно на жизнь нашу и нашу художественную литературу.

Если, на примѣръ, нѣкоторымъ извѣстнымъ Славянофиламъ

[1] Анархическій и антитеистическій, но крѣпко семейственный, Прудонизмъ мало имѣлъ успѣха въ средѣ нашей молодежи; ей нравились болѣе утопіи сладострастія, Фурьеризмъ, вольныя сходки въ хрустальныхъ дворцахъ, чѣмъ атеистическая рабочая семья Прудона. Прудонъ Французъ изъ Безансона Нѣмецкаго умственнаго воспитанія — Гегеліянецъ.

Вспомнимъ также о нашихъ сектантахъ, что у нихъ преобладаетъ: семейственность, или общинность (т. е., нѣчто въ родѣ государственности)? Въ собственно же половомъ отношеніи они всѣ колеблются между крайнимъ аскетизмомъ (скопчествомъ) и крайней распущенностью.

Возможенъ ли въ Россіи соціалистъ, подобный спокойному Нѣмцу Струве (см. у Герцена: «Былое и Думы»), который такъ дорожилъ вѣрностью и добродѣтелью своей будущей жены, что обращался къ френологіи для выбора себѣ подруги? Еще примѣръ: Разъ я прочелъ въ какой то газетѣ, что одна молодая Англичанка, или Американка, объявила слѣдующее: «Если женщинамъ дадутъ равныя права, и у меня будетъ власть, я велю тотчасъ же закрыть всѣ игорные и кофейные дома, однимъ словомъ, всѣ заведенія, которыя отвлекаютъ мужчинъ отъ дома.» Русская дама и дѣвица, напротивъ того, прежде всего подумала бы, какъ самой пойти скорѣе туда, въ случаѣ пріобрѣтенія всѣхъ равныхъ съ мужчинами правъ.

посчастливилось вырости въ крѣпкихъ Великорусскихъ семьяхъ, то во 1-хъ, всѣ эти семьи были крайне Православными, а во 2-хъ, имѣемъ ли мы логическое право всегда вѣрить въ то, что намъ нравится, въ то, что мы любимъ, находить и у другихъ то, что намъ въ самихъ насъ дорого?

Въ этомъ-то смыслѣ я, самъ Великороссъ вполнѣ, въ прошлой главѣ сказалъ «Что такое семья безъ религіи? Что такое религія безъ Христіанства? Что такое Христіанство въ Россіи безъ Православныхъ формъ, правилъ и обычаевъ, т. е., безъ Византизма?»

Кто хочетъ укрѣпить нашу семью, тотъ долженъ дорожить всѣмъ, что касается Церкви нашей!

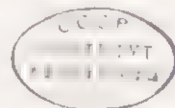
Дай Богъ, чтобы я былъ неправъ, утверждая, что семейное начало у насъ слабо! Я буду очень радъ, если какая ни будь точная статистика докажетъ мнѣ, что я ошибся, что я слишкомъ пессимистъ въ отношеніи нашего фамилизма. Но пока мнѣ этого не докажутъ, я буду стоять на своемъ, и находить, что не только у Германскихъ народовъ и у тѣхъ представителей Романскихъ, у которыхъ было больше случайнаго Германизма, но и у Малороссовъ, у Грековъ, Юго-Славянъ, у Турокъ даже, семейное начало глубже и крѣпче нашего.

Я говорю у Турокъ. Идеалъ Мусульманской семьи можетъ быть ниже Христіанскаго; но личный ли темпераментъ Турокъ, условія ли ихъ общественнаго развитія, сдѣлали то, что они очень любятъ свою семью, свое родство, свой родъ, свой очагъ. У нихъ есть большое расположеніе къ семейному идиллизму.

Итакъ родовое чувство, повторяю, выразилось сравнительно у насъ и въ семьѣ слабѣе, чѣмъ у многихъ другихъ; въ аристократическомъ началѣ то же самое; всю силу нашего родового чувства исторія перенесла на Государственную власть, на Монархію, Царизмъ.

Когда я употребляю выраженіе: «аристократическое начало,» надо понять, что я говорю въ самомъ обширномъ смыслѣ. Я понимаю очень хорошо, что хотятъ сказать тѣ, которые утверждаютъ, что у насъ никогда не было аристократіи; но нахожу, что этотъ оборотъ рѣчи не совсѣмъ правиленъ; онъ не исчерпываетъ явленія вполнѣ.

Аристократическое начало у насъ было (и даже есть), какъ

и вездѣ, [6] но родовой и личный характеръ у него былъ (и есть) выраженъ гораздо слабѣе, чѣмъ во всѣхъ Западныхъ феодальныхъ аристократіяхъ, или чѣмъ одинъ родовой въ муниципальной аристократіи Древне-Римскихъ Патриціевъ и Оптиматовъ.

Привилегированные люди, единоличная власть, семья, разныя ассоціаціи, общины, все это есть вездѣ, все это реальная сила, неизбѣжныя части всѣхъ общественныхъ организмовъ. Но они разнородно снаряжены и неравномѣрно сильны и ярки у разныхъ націй и въ разныя времена.

Такъ я не ошибусь, я думаю, если скажу, что въ началѣ развитія Государства всегда сильнѣе какое бы то ни было аристократическое начало. Къ серединѣ жизни Государственной является наклонность къ единоличной власти (хотя бы въ видѣ сильнаго президенства, временной диктатуры, единоличной демагогіи или тираніи какъ у Еллиновъ, въ ихъ цвѣтущемъ періодѣ), а къ старости и смерти воцаряется демократическое, эгалитарное и либеральное, начало.

Смотря по тому, какой оттѣнокъ, какая реальная сила, преобладала въ томъ, или другомъ, народѣ, и всѣ другія окрашиваются имъ, проникаются его элементами.

У насъ родовой наслѣдственный Царизмъ былъ такъ крѣпокъ, что и аристократическое начало у насъ приняло подъ его вліяніемъ служебный, полу-родовой, слабо-родовой, несравненно болѣе Государственный, чѣмъ лично феодальный, и уже ни сколько не муниципальный, характеръ. Извѣстно, что Мѣстничество носило въ себѣ глубоко-служебный Государственный, чиновничій характеръ. Гордились Бояре службой Царской своихъ отцовъ и дѣдовъ, а не древностью самого рода, не своей личностью, не городомъ, наконецъ, или замкомъ, съ которыми бы сопряжены были ихъ власть и племя.

Усилія Царей рода Романовыхъ и самыя рѣзкія преобразованія Петра измѣнили лишь частности, сущность не могла быть измѣнена.

Ранги, введенные Петромъ, казалось бы, демократизировали дворянство въ принципѣ. Всякій свободный человѣкъ могъ до-

[6] Оно было и въ Америкѣ, въ лицѣ Южныхъ Рабовладѣльцевъ, Южныхъ помѣщиковъ-демократовъ

стичь чиновъ, служа Царю (т. е., Государству). Но оказалось на дѣлѣ иное. Дворянство этимъ больше выдѣлилось изъ народа, фактически аристократизировалось, особенно въ высшихъ своихъ слояхъ.

До Петра было больше однообразія въ соціяльной, бытовой картинѣ нашей, больше сходства въ частяхъ, съ Петра началось болѣе ясное, рѣзкое расслоеніе нашего общества, явилось то разнообразіе, безъ котораго нѣтъ полной жизни, нѣтъ творчества у народовъ. Петръ, какъ извѣстно, утвердилъ еще болѣе и крѣпостничество... Дворянство наше, поставленное между активнымъ вліяніемъ Царизма и пассивнымъ вліяніемъ подвластныхъ крестьянскихъ міровъ (ассоціацій), начало рости умомъ и властью, не смотря на подчиненіе Царизму.

Осталось только явиться Екатеринѣ II, чтобы обнаружился и досугъ, и вкусъ, и умственное творчество, и болѣе идеальныя чувства въ общественной жизни. Деспотизмъ Петра былъ прогрессивный и аристократическій, въ смыслѣ выше изложеннаго расслоенія общества. Либерализмъ Екатерины имѣлъ рѣшительно тотъ же характеръ. Она вела Россію къ цвѣту, къ творчеству и росту. Она усиливала неравенство. Вотъ въ чемъ главное дѣло. Она охраняла крѣпостное право (цѣлость міра, общины поземельной), [7] распространяла даже это право на Малороссію и, съ другой стороны, давала льготы дворянству, уменьшала въ немъ служебный смыслъ, и по тому возвышала собственно аристократическія его свойства—родъ и личность: съ ея времени дворянство стало нѣсколько независимѣе отъ Государства, но по прежнему оно преобладало и господствовало надъ другими классами націи. Оно еще болѣе выдѣлилось, выяснилось, индивидуализировало и вступило въ тотъ періодъ, когда изъ него постепенно вышли: Державинъ, Карамзинъ, Жуковскій, Батюшковъ, Пушкинъ, Гоголь и т. п.

Людовикъ XIV и Петръ I-й были современниками. Но самодержавіе Людовика XIV значительно уравняло Францію: оно стерло послѣдніе слѣды могучей, прежней феодальной независи-

[7] Власть помѣщика была стѣснительной, т. е., крѣпкой охраной для цѣлости общины. Къ внутренней организаціи прививалось внѣшнее давленіе. Отсюда прочность міра крестьянскаго

мости. Францiя слѣдующаго вѣка быстро пошла къ демократизацiи и политическому стѣсненiю.

Самодержавiе Петра, напротивъ того, расслоило крѣпче прежняго Россiю, приготовило болѣе прежняго аристократическiя, разнообразныя эпохи Екатерины и Александра I. Съ теченiемъ времени непрочное, малородовое дворянство наше, отжившее свой естественный вѣкъ, утратило свое исключительное положенiе, которое могло бы, сохранясь, привести къ какому ни будь насильственному разгрому снизу. Аристократическая роль дворянства кончилась, не столько пониженiемъ его собственныхъ правъ и вольностей, сколько дарованiемъ правъ и вольностей другимъ. Уравненiе неизбѣжное все таки совершилось естественнымъ ходомъ развитiя.

Мирный же и благородный характеръ этого уравненiя происходитъ опять таки отъ силы и прочности нашего родового наслѣдственнаго Царизма, отъ его прекраснаго, такъ сказать, историческаго воспитанiя; ибо въ созиданiи его соединились три могущественныхъ начала: Римскiй Кесаризмъ, Христiянская дисциплина (ученiе покорности властямъ) и сосредоточившее всю силу свою на Царскомъ родѣ родовое начало наше, столь слабое (сравнительно) и въ семьѣ, и въ дворянствѣ нашемъ, и, можетъ быть, въ самой общинѣ нашей. [1]

Съ самаго начала исторiи нашей мы видимъ странныя комбинацiи реальныхъ общественныхъ силъ, вовсе не похожiя ни на Римско Еллинскiя, ни на Византiйскiя, ни на Европейскiя. Удѣльная система наша соотвѣтствуетъ, съ одной стороны (если смо-

---

[1] ЮгоСлавянскiя сельскiя задруги имѣли гораздо болѣе семейный характеръ, чѣмъ наша община; въ Юго-Славянскихъ задругахъ замѣтнѣе родовой принципъ: въ нашихъ мiрахъ—какъ бы государственный, общинный

Вообще у Юго Славянъ и у Грековъ два начала, семейно-патрiархальное и юридическо-муниципальное, больше какъ-то бросаются въ глаза, чѣмъ у насъ.

Еще прибавлю: на какихъ идеалахъ, на семейныхъ ли собственно, или на религiозныхъ, сосредоточилась поэтическая дѣятельность нашего простого народа? У Малороссовъ, у Грековъ, у Сербовъ, у Болгаръ, нѣтъ мистическихъ стихотворенiй, а Великороссы простого званiя (у Раскольниковъ) весьма богаты мистическими стихотворенiями.

трѣть аналогически на начало всѣхъ Государствъ, извѣстныхъ исторiи), той первоначальной, простой по быту и понятiямъ, отличной отъ народа аристократiи, которую мы встрѣчаемъ при зарожденiи всѣхъ Государствъ, грубымъ Патрицiямъ перваго Рима (и, вѣроятно, чему ни будь подобному и въ другихъ Италiянскихъ народахъ), Германскому первоначальному рыцарству, Спартiатамъ Лакедемонiи и т. д.

Подвижность относительно мѣста, неподвижность и крѣпость относительно рода, перевѣсъ родового начала и надъ личнымъ и надъ избирательно муниципальнымъ, которое представляло народное вѣче городовъ.

Такова была наша удѣльная система, если ее разсмотрѣть, какъ первобытную аристократiю. Она таила въ себѣ, однако, глубокiя монархическiя свойства, именно потому, вѣроятно что внѣ одного рода Рюрика, внезапно столь размноженнаго, не было никакой другой сильной и организованной аристократiи. Самыя вѣчевыя конституцiи наши были, вѣроятно, такъ эгалитарны по духу своему, что ихъ отпоръ централизующей власти не могъ быть силенъ, какъ только все-Боярство выразило вполнѣ ясно и разъ навсегда, что оно и не феодально (не слишкомъ лично), и не муниципально, а служебно и все-государственно. Аристократiя наша приняла наконецъ чиновный характеръ; чиновничество же, съ своей стороны, родовой, наслѣдственный. Служба давала наслѣдственныя права. Изгнанное исторiей изъ дворянства, изъ аристократiи, начало рода разлилось по разлитымъ другимъ составнымъ частямъ общества проникло въ купеческое сословiе, придало духовенству не бывшiй въ Византiи наслѣдственный легитимизмъ.

Подъ влiянiемъ внѣшнихъ враговъ, и подъ влiянiемъ дружественнаго Византизма, кровная удѣльная аристократiя пала и перешла, вмѣстѣ съ новыми родами, въ это простое служилое дворянство. При всѣхъ этихъ передвиженiяхъ и переходахъ, жизнь Россiи разнообразилась, развивалась; крѣпъ Царизмъ центральный, воспитанный Византизмомъ, и Русь все росла и все умнѣла.

Итакъ у насъ были всегда слабѣе, чѣмъ у многихъ другихъ, муниципальное начало, родовое, наслѣдственно-аристократическое, и даже семейное, какъ я старался это показать.

Сильны, могучи у насъ только три вещи: Византiйское

Православіе, родовое и безграничное Самодержавіе наше и, можетъ быть, нашъ сельскій поземельный міръ (Гдѣ, по крайней мѣрѣ, думаютъ многіе о нашей общинѣ; такъ думаютъ наши охранители Православія и Самодержавія, Славянофилы, и, съ другой стороны, человѣкъ совершенно противоположный имъ, соціалистъ, Испанскій Эмиль Кастеларъ. Объ общинѣ я разсуждать здѣсь не буду, цѣль моя иная).

Я хочу сказать, что Царизмъ нашъ, столь для насъ плодотворный и спасительный, окрѣпъ подъ вліяніемъ Православія, подъ вліяніемъ Византійскихъ идей, Византійской культуры.

Византійскія идеи и чувства сплотили въ одно тѣло полудикую Русь. Византизмъ далъ намъ силу перенести Татарскій погромъ и долгое данничество. Византійскій образъ Спаса осѣнялъ на Великокняжескомъ знамени вѣрующія войска Димитрія на томъ бранномъ полѣ, гдѣ мы впервые показали Татарамъ, что Русь Московская уже не прежняя, раздробленная, растерзанная Русь!

Византизмъ далъ намъ всю силу нашу въ борьбѣ съ Польшей, съ Шведами, съ Франціей и съ Турціей. Подъ его знаменемъ, если мы будемъ ему вѣрны, мы, конечно, будемъ въ силахъ выдержать натискъ и цѣлой интернаціональной Европы, если бы она, разрушивши у себя все благородное, осмѣлилась когда ни будь и намъ предписать гниль и смрадъ своихъ новыхъ законовъ о мелкомъ земномъ всеблаженствѣ, о земной радикальной всепошлости.

Г. Костомаровъ, несомнѣнно талантливый Малороссъ, но кто же считаетъ его особенно пристрастнымъ къ Великоруссизму? Однако стоитъ раскрыть его «Исторію Смутнаго Времени» (не знаю, вѣрно ли я помню заглавіе этой книги?), чтобы убѣдиться, до чего важенъ для насъ Византизмъ съ тѣмъ двойственнымъ характеромъ Церкви и родового Самодержавія, съ которымъ онъ утвердился у насъ на Руси. Поляки были въ Москвѣ; Царя или вовсе не было, или являлось нѣсколько Самозванцевъ въ разныхъ мѣстахъ, одинъ за другимъ. Войска были вездѣ разбиты. Бояре измѣняли, колебались, или были безсильны и безмолвны; въ самыхъ сельскихъ общинахъ царствовалъ глубокій раздоръ. Но стоило только Поляку войти въ шапкѣ въ церковь, или оказать малѣйшее неуваженіе къ Православію, какъ немедленно распалялся

Русскій патріотизмъ до страсти. «Одно Православіе объединяло тогда Русскихъ,» говоритъ Г. Костомаровъ.

Церковное же чувство и покорность властямъ (Византійская выправка) спасли насъ и въ 12 году. Извѣстно, что многіе крестьяне наши (конечно, всѣ, застигнутые въ расплохъ нашествіемъ), обрѣли въ себѣ мало чисто національнаго чувства въ первую минуту. Они грабили помѣщичьи усадьбы, бунтовали противъ дворянъ, брали отъ Французовъ деньги. Духовенство, дворянство и купечество вели себя иначе. Но и въ народѣ, какъ только увидали люди, что Французы обдираютъ иконы и ставятъ въ нашихъ храмахъ лошадей, такъ народъ ожесточился, и все приняло иной оборотъ.

Къ тому же и власти второстепенныя были тогда иныя: онѣ умѣли, не задумываясь, обуздывать неразумныя увлеченія.

А чему же служили эти власти, какъ не тому же полу-Византійскому Царизму нашему? Чѣмъ эти низшія власти были воспитаны и выдержаны, какъ недолгой Іерархической дисциплиной этой полу-Византійской Руси? Что, какъ не Православіе, скрѣпило насъ съ Малороссіей? Остальное все у Малороссовъ, въ преданіяхъ, въ воспитаніи историческомъ, было вовсе иное, на Московію не похожее.

Что, какъ не сохраненіе въ Христіанствѣ Восточно-Византійскаго оттѣнка народомъ Бѣлой и Южной Руси дало намъ ту вещественную силу и то внутреннее чувство права, которыя рѣшили въ послѣдній разъ участь Польскаго вопроса?

Развѣ не Византизмъ опредѣлилъ нашу роль въ великихъ, по всемирному значенію, Восточныхъ дѣлахъ?

Даже Расколъ нашъ Великорусскій носитъ на себѣ печать глубокаго Византизма. За мнимую порчу этого Византійскаго Православія осердилась часть народа на Церковь и Правительство, за новшества, за прогрессъ. Раскольники наши считаютъ себя болѣе Византійцами, чѣмъ членовъ господствующей Церкви. И, сверхъ того (какъ явствуетъ изъ сознанія всѣхъ людей, изучавшихъ толково Расколъ нашъ), Раскольники не признаютъ за собою права политическаго бунта. Знакомые довольно близко съ Церковной старой Словесностью, они въ ней, въ этой Византійской Словесности, находятъ постоянно ученіе о строгой покорности предержащимъ властямъ. Лучше всѣхъ объ этомъ пи-

салъ Кельсіевъ. Я самъ жилъ на Дунаѣ, и убѣдился, что онъ отлично понялъ это дѣло.

Если исключить изъ числа нашихъ разнообразныхъ сектантовъ малочисленныхъ Молоканъ и Духоборцевъ, въ которыхъ уже почти ничего Византійскаго не осталось, то главныя отрасли не-старообрядческаго раскола окажутся мистики: Хлысты и Скопцы.

Но и они не вполнѣ разрываютъ съ Православіемъ. Они даже большею частію чтутъ его, считая себя только передовыми людьми Вѣры, Иллюминатами, вдохновенными. Они, вовсе не Протестанты, Дервиши, почти въ томъ же духѣ относятся къ Мусульманству; они не совсѣмъ оторванные сектанты; они, кажется, что-то среднее между нашими мистиками—Христовыми и Божьими Людьми, и нашими Православными отшельниками.

Византійскій духъ, Византійскія начала и вліянія, какъ сложная ткань нервной системы, проникаютъ насквозь весь Великорусскій общественный организмъ.

Даже всѣ почти большіе бунты наши никогда не имѣли ни Протестантскаго, ни либерально-демократическаго, характера, а носили на себѣ своеобразную печать лже-легитимизма, т. е., того же родового и религіознаго монархическаго начала, которое создало все наше Государственное величіе.

Бунтъ Стеньки Разина не устоялъ, какъ только его люди убѣдились, что Государь не согласенъ съ ихъ Атаманомъ. Къ тому же Разинъ постоянно старался показать, что онъ воюетъ не противу Крови Царской, а только противу Бояръ и согласнаго съ ними Духовенства.

Пугачовъ былъ умнѣе, чтобы бороться противъ Правительства Екатерины, котораго сила была несравненно больше силъ до Петровской Руси; онъ обманулъ народъ, онъ воспользовался тѣмъ легитимизмомъ Великорусскимъ, о которомъ я говорилъ.

Нѣчто подобное же хотѣли пустить въ ходъ и наши молодые Европейскіе Якобинцы 20 годовъ.

Увѣряютъ многіе, что на подобныхъ же монархическихъ недоразумѣніяхъ держатся и политическіе взгляды нѣкоторыхъ сектантовъ.

Что же хотѣлъ я этимъ сказать? Монархическое начало является у насъ единственнымъ организующимъ началомъ, глав-

нымъ орудіемъ дисциплины, и это же самое начало служитъ знаменемъ бунтамъ? Да! Это такъ, и это еще не велико несчастіе. Безъ великихъ волненій не можетъ прожить ни одинъ великій народъ. Но есть разныя волненія. Есть волненія во время, раннія и есть волненія не во время, позднія. Раннія способствуютъ созиданію, позднія ускоряютъ гибель народа и Государства. Послѣ волненій плебеевъ Римъ вступилъ въ свой героическій періодъ, послѣ преторіанскихъ вспышекъ и послѣ мирнаго движенія Христіанъ, Римъ разрушился.

Протестантская ранняя революція Англіи создала ея величіе, укрѣпила ея аристократическую конституцію. А Якобинская поздняя революція Французовъ стала залогомъ ихъ паденія.

Послѣ 30-лѣтняго религіознаго междоусобія въ Германіи явились Фридрихъ II, Гете, Шиллеръ, Гумбольдтъ и т. д., а послѣ ничтожной и даже смѣшной борьбы 48 года Бюхнеры, Бюхнеры и Бюхнеры! Развѣ и это не упадокъ? Что касается до геніальнаго Бисмарка, еще не извѣстно, что онъ такое для Германіи, дѣйствительный ли возродитель, или одно изъ тѣхъ шумныхъ и блестящихъ лицъ, которыя являются всегда у народовъ на канунѣ ихъ паденія, чтобы собрать воедино и израсходовать навсегда всѣ послѣднія запасныя силы общества. Мнѣ кажется, вопросъ можетъ быть спорнымъ только на какую ни будь четверть вѣка, т. е., можно спрашивать себя, что такое эпоха Бисмарка? Эпоха Наполеона I, или Наполеона III? Послѣднее, я думаю, вѣрнѣе.

Германія не моложе Франціи, ни по годамъ, ни по духу, ни по строю; если же Пруссія была моложе, то гдѣ жъ теперь эта Пруссія?

До сихъ поръ всѣ наши волненія пришлись во время, и съ ними именно по тому и можно было справиться, что въ душахъ бунтующихъ были глубокія консервативныя начала, по тому что всѣ наши бунты имѣли болѣе, или менѣе, самозванническій или мнимо-легитимный характеръ.

Это разъ. А съ другой стороны тутъ и неестественнаго ничего нѣтъ. Если какое ни будь начало такъ сильно какъ у насъ Монархическое, если это начало такъ глубоко проникаетъ всю національную жизнь, то понятно, что оно должно, такъ сказать разнообразно извиваться, изворачиваться и даже извращаться иногда, подъ вліяніемъ разнородныхъ и переходящихъ условій.

Русскіе Самозванческіе бунты наши доказываютъ только необычайную жизненность и силу нашего родового Царизма, столь тѣсно и неразрывно связаннаго съ Византійскимъ Православіемъ.

Я осмѣлюсь даже, не колеблясь, сказать, что никакое Польское возстаніе и никакая Пугачовщина не могутъ повредить Россіи такъ, какъ могла бы ей повредить очень мирная, очень законная, демократическая конституція.

О демократическихъ конституціяхъ я скажу подробнѣе позднѣе, здѣсь же остановлюсь еще немного на Мусульманахъ.

Любопытно, что съ тѣхъ поръ, какъ Мусульмане въ Турціи ближе ознакомились и съ Западомъ, и съ нами, мы, Русскіе, не смотря на столько войнъ и на старый политическій антагонизмъ нашъ съ Турціей, больше нравимся многимъ Туркамъ и личнымъ и государственнымъ характеромъ нашимъ, чѣмъ Западные Европейцы. Церковный характеръ нашей Имперіи внушаетъ имъ уваженіе; они находятъ въ этой чертѣ много сходнаго съ религіознымъ характеромъ ихъ собственной народности. Наша дисциплина, наша почтительность и покорность, плѣняютъ ихъ; они говорятъ, что это наша сила, завидуютъ намъ и указываютъ другъ другу на насъ, какъ на добрый примѣръ. Если бы завтра Турецкое Правительство ушло съ Босфора, а Турки бы ушли не всѣ за нимъ съ Балканскаго полуострова, то, конечно, они всегда бы надѣялись на насъ, какъ на защитниковъ противъ тѣхъ неизбѣжныхъ притѣсненій и оскорбленій, которымъ бы подвергались они отъ вчерашнихъ рабовъ своихъ, Юго-Славянъ и Грековъ, вообще довольно жестокихъ и грубыхъ.

Турки и теперь, по личному вкусу, предпочитаютъ насъ и Болгарамъ, и Сербамъ, и Грекамъ. Чиновники наши на Востокѣ, монахи Аѳонскіе и Раскольники Дунайскіе (Турецкіе подданные), вообще Туркамъ нравятся больше, чѣмъ Европейцы Западные и чѣмъ, подвластные имъ, Славяне и Греки.

Здѣсь нѣтъ мнѣ больше мѣста, но гдѣ ни будь, въ другой разъ, я опишу подробно любопытные разговоры, которые я очень недавно имѣлъ объ Россіи съ однимъ Пашею, знавшимъ довольно хорошо Русскихъ, и еще съ двумя простыми, но умными, Мало-Азіятскими Старообрядцами. Эти послѣдніе удивлялись Нечаевскому дѣлу и съ негодованіемъ говорили мнѣ о тѣхъ людяхъ, которые хотѣли бы въ Россіи Республику сдѣлать.

«Помилуйте!» сказали они мнѣ, съ силой во взглядѣ и голосѣ. «Да это всѣ должны за Царя встать. Мы вотъ и въ Турціи живемъ, а и намъ скверно объ этомъ слышать.

Два пріѣзжихъ изъ Россіи монаха были при этомъ.

— «Удивительно, сказали они, что съ этими молодыми Господами, двое ни какъ изъ мѣщанъ студенты попались. Понятное дѣло, если господскіе дѣти сердятся на Государя за освобожденіе крестьянъ. А этимъ-то что!»

Что касается до умнаго Паши, то онъ, прочтя Гоголя во Французскомъ переводѣ, хотя и смѣялся много, но потомъ важно сталъ развивать ту мысль, что у всѣхъ этихъ комическихъ героевъ Гоголя одно хорошо и очень важно. Это ихъ почтенье къ высшимъ, по чину и званію, къ начальству и т. п. «Ваше Государство очень сильно, прибавилъ онъ. Если Чичиковъ таковъ, что же должны быть умные и хорошіе люди?»

— «Хорошіе люди, Паша мой, отвѣчалъ я, нерѣдко бываютъ хуже худыхъ. Это всегда случается. Легкая честность, вполнѣ свободная, самоопредѣляющаяся нравственность, могутъ лично же и нравиться и внушать уваженіе, но въ этихъ непрочныхъ вещахъ нѣтъ ничего полититическаго, организующаго. Очень хорошіе люди иногда ужасно вредятъ Государству, если политическое воспитаніе ихъ ложно, и Чичиковы, и Городничие Гоголя несравненно иногда полезнѣе ихъ для цѣлаго («pour l'ensemble politique,» сказалъ я).»

Паша согласился. Онъ говорилъ мнѣ много еще поучительнаго и умнаго о Русскихъ, о Раскольникахъ, о Малороссахъ, которыхъ онъ звалъ: «Ces bons Hohols. Je les connais bien Hoholes», говорилъ онъ; «mais les Lipovanes [*] Russes sont encore mieux. Ils me plaisent davantage. Они отличные граждане, гораздо лучше Грековъ, и Болгаръ; и Малороссы, и Липовне ваши, заботятся лишь о Религіи своей. А у Грековъ и у Болгаръ только одно на умѣ: обезьянство политическое, конституція и т. п. вздоръ. Вѣрьте мнѣ,— Россія будетъ до тѣхъ поръ сильна, пока у васъ нѣтъ конституціи. Я боюсь Россіи, не скрою этого отъ васъ и, съ точки зрѣнія моего Турецкаго патріотизма, отъ всего сердца желалъ бы, чтобы у васъ сдѣлали конституцію. Но боюсь, что у васъ Государственные люди всегда какъ-то очень умны. Пожалуй, никогда не будетъ конституціи, и это для насъ, Турокъ, довольно страшно!

[*] Старообрядцы

Ко мнѣнію Паши и Мало-Азійскихъ Раскольниковъ прибавлю еще мнѣніе глубокомысленнаго Карлейля о Русскомъ народѣ:

«Что касается до меня (писалъ онъ Герцену), я признаюсь, что никогда не считалъ, а теперь (если это возможно) еще меньше, чѣмъ прежде, надѣюсь на всеобщую подачу голосовъ, во всѣхъ ея видоизмѣненіяхъ. Если она можетъ принести что ни будь хорошее, то это такъ, какъ воспаленія въ нѣкоторыхъ смертныхъ болѣзняхъ. Я несравненно больше предпочитаю самый Царизмъ, или даже великій Туркизмъ, чистой анархіи (а я ее такой, по несчастію, считаю), развитой Парламентскимъ краснорѣчіемъ, свободой книгопечатанія и счетомъ голосовъ. Въ вашей обширной родинѣ (т. е., въ Россіи), которую я всегда уважалъ, какъ какое-то огромное, темное, неразгаданное дитя Провидѣнія, котораго внутренній смыслъ еще не извѣстенъ, но который очевидно не исполненъ въ наше время; она имѣетъ талантъ, въ которомъ она первенствуетъ и который дастъ мощь далеко превышающую другія страны, талантъ, необходимый всѣмъ націямъ, всѣмъ существамъ, и безпощадно требуемый отъ нихъ всѣхъ, подъ опасеніемъ наказаній—талантъ повиновенія, который въ другихъ мѣстахъ вышелъ изъ моды, особенно теперь?»

И не только покорность, но и другія высокія и добрыя чувства выработались въ народѣ нашемъ отъ долгой дисциплины, подъ которой онъ жилъ.

Недавно я случайно встрѣтилъ въ одномъ Православномъ журналѣ слѣдующее замѣчаніе:

«При рѣшительномъ отсутствіи всякой свободы и самобытности въ жизни гражданской и общественной, нашему простолюдину естественно было пытаться вознаградить себя самобытностью въ жизни духовной, самодѣятельностью въ области мысли и чувства («Христіанское Чтеніе,» «О Русскомъ простонародномъ мистицизмѣ,» Н. И. Барсова).

Правда, это привело къ расколамъ и ересямъ, но за то привело, съ одной стороны, къ поэтическому творчеству, а съ другой къ равнодушію въ политическихъ внутреннихъ вопросахъ отъ слабости демагогическаго духа, именно къ тому, чего хотѣло всегда Христіанство: «Царство мое не отъ міра сего.»

Такое направленіе равно полезно и для практической мудрости народовъ въ политикѣ, и для развитія поэтическихъ наклонностей. Практическая мудрость народа состоитъ именно

въ томъ, чтобы не искать политической власти, чтобы какъ можно менѣе мѣшаться въ общегосударственныя дѣла. Чѣмъ ограниченнѣе кругъ людей, мѣшающихся въ политику, тѣмъ эта политика тверже, толковѣе, и тѣмъ самые люди пріятнѣе, умнѣе.

Однимъ словомъ, съ какой бы стороны мы ни взглянули на Великорусскую жизнь и Государство, мы увидимъ, что Византизмъ, т. е., Церковь и Царь, прямо, или косвенно, но во всякомъ случаѣ глубоко проникають въ самыя нѣдра нашего общественнаго организма.

Сила наша, дисциплина, исторія просвѣщенія, поэзія, однимъ словомъ, все живое у насъ сопряжено органически съ родовою Монархіей нашей, освященной Православіемъ, котораго мы естественные наслѣдники и представители во вселенной.

Византизмъ организовалъ насъ, система Византійскихъ идей создала величіе наше, сопрягаясь съ нашими патріархальными, простыми началами, съ нашимъ, еще сырымъ и грубымъ вначалѣ, Славянскимъ матеріаломъ.

Измѣняя, даже въ тайныхъ помыслахъ нашихъ этому Византизму, мы погубимъ Россію. Ибо тайные помыслы рано, или поздно, могутъ найти себѣ случай для практическаго выраженія.

Увлекаясь то какой-то холодной и обманчивой тѣнью скучнаго всемірнаго блага, то одними племенными односторонними чувствами, мы можемъ неисцѣлимо и преждевременно разстроить организмъ нашего Царства, могучій, но все таки же способный, какъ и все на свѣтѣ, къ болѣзни и даже разложенію, хотя бы и медленному.

Идея всечеловѣческаго блага, религія всеобщей пользы,—самая холодная, прозаическая и въ добавокъ самая невѣроятная, неосновательная изъ всѣхъ религій.

Во всѣхъ положительныхъ религіяхъ, кромѣ огромной поэзіи ихъ, кромѣ ихъ необычайно организующей мощи, есть еще нѣчто реальное, осязательное. Въ идеѣ всеобщаго блага реальнаго нѣтъ ничего. Во всѣхъ мистическихъ религіяхъ люди согласны, по крайней мѣрѣ, въ исходномъ принципѣ: «Христосъ, Сынъ Божій, Спаситель;» «Римъ вѣчный священный городъ Марса;» «Папа непогрѣшимъ;» «Одинъ Богъ, и Магометъ Пророкъ его» и т. д.

А общее благо, если только начать о немъ думать (чего, обыкновенно, говоря о благѣ и пользѣ, въ наше время и не дѣлаютъ), что въ немъ окажется реальнаго, возможнаго!

Это самое сухое, ни къ чему хорошему, даже ни къ чему осязательному, не ведущее отвлеченіе, и больше ничего. Одинъ находитъ, что общее благо есть страдать и отдыхать попеременно, и потомъ молиться Богу; другой находитъ, что общее благо но—то работать, то наслаждаться, и ничему не вѣрить идеальному, а третій—только наслаждаться всегда.

Какъ это примирить, чтобы всѣмъ намъ было полезно (т. е., пріятно полезно, а не поучительно-полезно)?

Если космополитизмъ и всеобщая польза есть не что иное, какъ фраза, уже начинающая въ наше время наводить скуку и внушать презрѣніе, то про племенное чувство нельзя того же сказать.

Однообразно настроенное и блаженное человѣчество—это призракъ, и вовсе даже некрасивый и непривлекательный, но племя, разумѣется,—явленіе очень реальное. По этому племенныя чувства и сочувствія кажутся сразу довольно естественными и понятными. Но и въ нихъ много необдуманности, моднаго суевѣрія и фразы.

Что такое племя безъ системы своихъ религіозныхъ и государственныхъ идей? За что его любить? За кровь? Но кровь, вѣдь, съ одной стороны ни у кого не чиста, и Богъ знаетъ, какую кровь иногда любишь, полагая, что любишь свою, близкую. И что такое чистая кровь? Безплодіе духовное! Всѣ великія націи изъ очень смѣшанной крови.

Языкъ? Но языкъ что такое? Условные знаки и условные звуки. Языкъ дорогъ особенно, какъ выраженіе родственныхъ и дорогихъ намъ идей и чувствъ.

Любить племя за племя—натяжка и ложь. Другое дѣло, если племя родственное хоть въ чемъ ни будь согласно съ нашими особыми идеями, съ нашими коренными чувствами.

Идея же національностей въ томъ видѣ, въ какомъ ее ввелъ въ политику Наполеонъ III, въ ея нынѣшнемъ модномъ видѣ, есть не что иное, какъ тотъ же либеральный демократизмъ, который давно уже трудится надъ разрушеніемъ великихъ культурныхъ міровъ Запада.

Равенство лицъ, равенство сословій, равенство, т. е., однообразіе провинцій, равенство націй, это все одинъ и тотъ же процессъ, въ сущности все то же всеобщее равенство, всеобщая свобода, всеобщая пріятная польза, всеобщее благо, всеобщая анархія, либо всеобщая мирная скука.

Идея національностей чисто племенныхъ въ томъ видѣ, въ какомъ она является въ XIX вѣкѣ, есть идея въ сущности вполнѣ космополитическая, анти государственная, противорелигіозная, имѣющая въ себѣ много разрушительной силы и ничего созидающаго, націй не обособляющая культурой, ибо культура есть не что иное, какъ своеобразіе, а своеобразіе нынѣ почти вездѣ гибнетъ отъ политической свободы.

Франція погубила себя окончательно этимъ принципомъ, подождемъ хоть немножко еще, что станется съ Германіей! Ея поздніе лавры еще очень зелены, а организмъ едва ли моложе Французскаго.

Кто радикалъ отъявленный, то есть, разрушитель, тотъ пусть любитъ чистую племенную національную идею; ибо она есть лишь частное видоизмѣненіе космополитической, разрушительной, идеи.

Но тотъ, кто не радикалъ, тотъ пусть подумаетъ хоть немного о томъ, что я сказалъ!

ГЛАВА III.

Что такое Славизмъ?

Отвѣта нѣтъ!

Напрасно мы будемъ искать какія ни будь ясныя, рѣзкія черты, какія ни будь опредѣленныя и яркія историческія свойства, которыя были бы общи всѣмъ Славянамъ.

Славизмъ можно понимать только, какъ племенное этнографическое отвлеченіе, какъ идею общей крови (хоть и не совсѣмъ чистой) исходныхъ языковъ.

Идея Славизма не представляетъ отвлеченія историческаго, т. е., такого, подъ которымъ бы разумѣлись, какъ въ квинтъ-эссенціи, всѣ отличительные признаки религіозные, юридическіе, бытовые, художественные, составляющіе, въ совокупности своей, полную и живую историческую картину извѣстной культуры.

Скажите: Китаизмъ, Китайская культура, всякому болѣе, или менѣе ясно.

Скажите: Европеизмъ, и, не смотря на всю сложность Западно-Европейской исторіи, есть нѣкоторыя черты, общія всѣмъ эпохамъ, всѣмъ Государствамъ Запада, черты, которыхъ совокупность можетъ послужить для исторической классификаціи, для опредѣленія, чѣмъ именно Романо-Германская культура, взятая во всецѣлости, отличалась, и отличается теперь, отъ всѣхъ другихъ, погибшихъ и существующихъ, культуръ, отъ Японо-Китайской, отъ Исламизма, Древне-Египетской, Халдейской, Персидской, Еллинской, Римской и Византійской.

Частныя цивилизаціи: Англо-Саксонскую, Испанскую, Итальянскую, Германскую, также не трудно опредѣлить въ совокупности ихъ отличительныхъ признаковъ. У каждой изъ этихъ частныхъ цивилизацій была одна общая литература, одна государственная форма выяснилась при началѣ ихъ цвѣтенія, одна какая ни будь религія (Католическая, или Протестантская) была тѣсно связана съ ихъ историческими судьбами; школа живописи, архитектурные стили, музыкальныя мелодіи, философское направленіе, были у каждой свои болѣе, или менѣе, выработанныя, ясныя, наглядныя, доступныя изученію.

Такимъ образомъ не только Германизмъ, Англо-Саксонство, Французская культура, Старо-Испанская, Итальянская культура временъ Данта, Льва X-го, Рафаеля и т. д., не только, я говорю, эти отвлеченныя идеи частныхъ Западныхъ культуръ, соотвѣтствуютъ яснымъ историческимъ картинамъ, но и болѣе общая идея Европеизма, противопоставленная Византизму, Елленизму, Риму, и т. д., кажется отъ подобнаго сравненія ясной и опредѣленной.

Такъ, на пр., если бы на всю Европу, съ прошедшимъ ея и настоящимъ, смотрѣлъ какой ни будь вполнѣ безпристрастный и наиболѣе развитой человѣкъ не Христіанскаго исповѣданія, онъ бы сказалъ себѣ, что нигдѣ онъ не видалъ еще такого сильнаго развитія власти духовной (а въ слѣдствіе того и политическаго вліянія), какъ у одного старшаго жреца, живущаго въ одномъ изъ южныхъ городовъ, нигдѣ прежде не видѣлъ бы онъ, быть можетъ, такой пламенной, одушевленной религіозности у Царей и народовъ, нигдѣ такого нѣжнаго, кружевнаго, величественнаго и восторженнаго, такъ сказать, стиля въ постройкѣ храмовъ,

нигдѣ не видалъ бы онъ такого высокаго, преувеличеннаго понятія о достоинствѣ личности человѣческой, о святости чести, о самоуправляющейся нравственности, сперва въ одномъ сословіи, а потомъ и въ другихъ, нигдѣ такого уваженія и такой любезности съ женщинами и т. д.

Потомъ увидалъ бы онъ атеизмъ, какого еще нигдѣ не бывало, демагогію, страшнѣе Аѳинской, или Римской, демагогіи, гоненія повсемѣстныя на прежде столь священнаго жреца, увидѣлъ бы, небывалыя нигдѣ дотолѣ. открытія реальной науки, машины и т. д.

Итакъ, даже и столь общая идея Европеизма ясна и соотвѣтствуетъ одной, такъ сказать, органически связной исторической картинѣ.

Гдѣ же подобная ясная, общая идея Славизма? Гдѣ соотвѣтственная этой идеи яркая и живая историческая картина?

Отдѣльныя историческія картины Славянскихъ Государствъ довольно ясны (хотя въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ все таки менѣе ярки и богаты своеобразнымъ содержаніемъ, чѣмъ отдѣльныя историческія картины Франціи, Германіи, Англіи, Испаніи. Но гдѣ же общая связь этихъ отдѣльныхъ, положимъ и живыхъ, при близкомъ разсмотрѣніи, картинъ? Она теряется въ баснословныхъ временахъ Гостомысловъ, Пястовъ, Аспаруховъ, Любушей и т. д.

Исторіи Древне-Болгарскаго и Древне-Сербскаго Царствъ очень безцвѣтны и ничего особеннаго, рѣзко характернаго, Славянскаго не представляютъ. они очень скоро вошли въ [illegible] Византійской культуры, «не бросивши [illegible] ни геніемъ начатаго труда,» а съ паденіемъ Византійскаго Государства пресѣклась и ихъ недозрѣлая своеобразно-культурнаго періода Государственная жизнь.

Чехи? Чехи? О Чехахъ говорить у насъ очень трудно. У насъ принято за правило говорить имъ всякаго рода лестныя вещи. Писатели наши считаютъ долгомъ ставить Чеховъ непремѣнно выше Русскихъ. Почему? Я не знаю. Потому ли, что народъ ихъ грамотнѣе нашего; потому ли что у нихъ когда-то былъ благородный Гусь и страшный Жижка, а теперь есть только Ригеръ и Палацкій?

Конечно, Чехи — братья намъ, они вообще очень полезны, не говорю Славизму (ибо, какъ я сказалъ, Славизма нѣтъ), а Славянству, т. е., племенной совокупности Славянъ, они полезны

т. е. передовая баттарея Славянства, принимающая на себя первые удары Германизма.

Но съ точки зрѣнія выше приведенныхъ культурныхъ отличій, нельзя ли Чеховъ вообще назвать прекраснымъ орудіемъ Нѣмецкой фабрики, которое Славяне отбили у Нѣмцевъ, выкрасили чуть-чуть другимъ цвѣтомъ и повернули противъ Германіи?

Нельзя ли ихъ назвать, въ отношеніи ихъ быта, привычекъ, даже нравственныхъ свойствъ, въ отношеніи ихъ внутренняго, юридическаго, воспитанія, Нѣмцами, переведенными на Славянскій языкъ?

Если они братья, то зачѣмъ же съ братьями эта вѣчная дипломатія, это гуманное церемонеймейстерство, которое мѣшаетъ называть вещи по имени? У нынѣшнихъ Чеховъ есть много самобытности, но вовсе нѣтъ своеобразія. Высшая ученость, на пр., есть большая сила, но ужъ, конечно, эта сила не исключительно Славянская; она могла только способствовать къ изученію, къ пониманію Древне-Славянскихъ, хоть и сколько ни будь своеобразныхъ началъ; но отъ пониманія прошедшаго и преходящаго до творчества въ настоящемъ и даже до прочнаго охраненія, еще цѣлая бездна безсилія. Грамотность простого народа многіе считаютъ необычайнымъ и несомнѣннымъ благомъ; но, вѣдь, нельзя же сказать, что это благо есть открытіе Славянъ, или что пріобрѣтеніе его Славянамъ доступно болѣе, чѣмъ другимъ народамъ и племенамъ? Краледворская Рукопись, Судъ Любуши и т. п. прекрасныя вещи, но эти археологическія драгоцѣнности мало приложимы теперь къ странѣ, въ которой уже давно тѣсно, которая обработана по-Европейски, гдѣ, за отсутствіемъ родовой аристократіи (она, какъ извѣстно, онѣмечилась, хотя и существуетъ), духомъ страны правитъ вполнѣ и до крайности современно, по-Западному, правитъ ученая буржуазія. Гдѣ же Любушѣ найти себѣ тутъ живое мѣсто?

Даже нравственными, личными, свойствами своими Чехъ очень напоминаетъ Нѣмца, быть можетъ съ нѣсколько Южно-Германскимъ, болѣе пріятнымъ, оттѣнкомъ. Онъ скроменъ, стоекъ, терпѣливъ, въ семейной жизни расположенъ къ порядку, музыкантъ.

* S.-Рене Gaillandier, человѣкъ умѣренно либеральный, и по тому, естественно, молящійся, но, такъ называемый, tiers-état, везде, гдѣ онъ его встрѣчаетъ, или

Политическая исторія сдѣлала Чеховъ [illegible] искусными въ либеральной дипломатіи. Они вполнѣ по-Германски мастера собирать митинги, дѣлать демонстраціи во-время и не рискуя открытыми возстаніями. Они не хотятъ [illegible] Россіи, но крайне дорожатъ ею для устрашенія Австріи. Однимъ словомъ, все у нихъ какъ-то на мѣстѣ, все въ [illegible] вполнѣ.

Прибавимъ, что они все-таки Католики и воспоминанія о Гусѣ имѣютъ у нихъ, надо же согласиться, болѣе національный, чѣмъ религіозный, характеръ.

Я не говорю, что это все худо, или что это все невыгодное для Славянства. Напротивъ того, вѣроятно глубокая германизація не чувствъ и стремленій политическихъ, а ума и быта національнаго, была необходима Чехамъ для политической борьбы противу Германизма.

Вставленной въ Германское море малочисленной Славянской націи нужно было вооружиться jusqu'aux dents всѣми тѣми силами, которыми такъ богато было издавна это Германское море; сохраняя больше Древне-Славянскаго въ бытѣ и умѣ, она, можетъ быть, не устояла бы противъ болѣе зрѣлыхъ и сложныхъ Германскихъ ресурсовъ.

Такъ какъ здѣсь главная рѣчь идетъ не о томъ, что хорошо, или что худо, а лишь о томъ, что особенно свойственно Славянамъ, о томъ, что въ нихъ оригинально и характерно, то можно себѣ позволить такого рода разсужденіе: Если бы пораженіе Гуситовъ, Бѣлогорская битва и сдача Праги, не сокрушили Чешскую націю и не подчинили ее на столько вѣковъ Католицизму и Нѣмцамъ (т. е., Европѣ), то, изъ соединенія полу-Православныхъ, полу-Протестанскихъ стремленій Гуситства съ коммунизмомъ Таборитовъ и съ мощью мѣстной аристократіи могло бы выработаться нѣчто крайне своеобразное и, пожалуй, [illegible]

чуетъ, къ Чехамъ очень расположенъ и хвалитъ ихъ только быть подальше отъ этой деспотической Византіи и Россіи. «Вы не то, что Поляки съ ихъ возвышенными неосторожностями (imprudences sublimes); вы выработали у себя, благодаря [illegible] Нѣмцамъ, tiers-état, ваши добродѣтели болѣе буржуазны. Зачѣмъ же намъ [illegible] поступки и слова? Не нужно болѣе поѣздокъ въ Москву!» говорилъ Чехамъ этотъ Французъ въ 70-мъ году, въ «Revue des deux mondes».

вянское, уже по тому одному Славянское, что такое оригинальное сочетаніе и примиреніе соціализма съ Византизмомъ и феодальностью не было ни у кого выдано дотолѣ.

Но исторія судила иначе, и Чехи, войдя раньше всѣхъ Славянъ и на долго въ общій потокъ Романо-Германской цивилизаціи, раньше всѣхъ другихъ Славянъ пришли къ ученому сознанію племеннаго Славизма, но за то, вѣроятно, меньше всѣхъ другихъ Славянъ сохранили въ себѣ что либо безсознательно, наивно, реально и прочно существующее Славянское.

Они подобны человѣку, который утратилъ силы плодотворныя, но не утратилъ мужества и чувства. Они съ восторгомъ создали бы, вѣроятно, что ни будь свое, если бы могли, если бы одной учености, если бы одного хорошаго знанія началъ и судебъ Славянскихъ, было достаточно для творчества, для организаціи.

Но, увы! Ученый Австрійскій Консулъ Ганъ, который, долго обитая въ Эпирѣ, записывалъ тамъ Греко-Албанскія старыя и недавно созданныя эпическія пѣсни Эпиротовъ, самъ не творилъ ихъ! А сочиняютъ ихъ и теперь еще, и во всей ихъ наивной свѣжести, горные паликары Греки, полуграмотные, или безграмотные, мужики въ старыхъ фустанелахъ.

Своеобразное народное творчество (какъ показываетъ намъ вся исторія) происходило совокупными дѣйствіями сознательныхъ умовъ и наивныхъ началъ, данныхъ жизнью: нуждами, страстями, вкусами, привязанностями, даже тѣмъ, что зовутъ обыкновенно невѣжествомъ. Въ этомъ смыслѣ можно позволить себѣ сказать, что знаніе и незнаніе были (до сихъ поръ, по крайней мѣрѣ) равносильными двигателями историческаго развитія. Ибо подъ развитіемъ, разумѣется, надо понимать не одну ученость, какъ думаютъ (опять таки по незнанію) многіе, а нѣкій, весьма сложный, процессъ народной жизни, процессъ въ значительной степени безсознательный и до сихъ поръ еще не ясно постигнутый соціальной наукой. У Чеховъ, повторяю, очень сильно Славянское сознаніе, но гдѣ у нихъ, въ Чехіи и Моравіи, богатство и прочность древнихъ или, напротивъ того, вовсе новыхъ, Славянскихъ, Чешскихъ привычекъ, произведеній, вкусовъ и т. д.?

Все Европейское! Иначе я не знаю, кто можетъ отвергнуть то, что я выше сказалъ. Чехія есть прекрасное орудіе Нѣмецкой работы, обращенное нынѣ Славянами противъ Германизма.

Гдѣ же тутъ Славизмъ?

Теперь поговоримъ о Болгарахъ.

Болгары воспитаны Греками въ томъ смыслѣ, въ какомъ Чехи воспитаны Нѣмцами. Вѣра у Болгаръ съ Греками одна, привычки схожи; религіозныя понятія до послѣдняго времени были одинаковы. Въ сельскихъ обычаяхъ, въ одеждахъ, постройкахъ и т. п. есть отличія, но эти отличія такъ невелики (кромѣ языка), что во многихъ отношеніяхъ между Грекомъ Критскимъ и Грекомъ Эпирскимъ, Грекомъ Кефалонитомъ и Грекомъ Ѳракійскимъ, есть больше разницы бытовой и психической (личной, то есть), чѣмъ между Грекомъ Ѳракійскимъ и Болгариномъ той же страны, или между Грекомъ и Македонскимъ Болгарашаемъ.

Это я говорю о сельскомъ населеніи, которое еще гораздо рѣзче отличается одно отъ другого, чѣмъ городское. Тотчасъ же по пріѣздѣ моемъ на Востокъ умѣлъ я по физіономіи, по пріемамъ, по одеждѣ, отличать Ѳракійскаго Грека отъ Эпирота и Грека островитянина, а потомъ и по характеру. Ѳракійскій Грекъ сравнительно съ островитяниномъ и Эпиротомъ (Албанцемъ), робокъ, остороженъ и тяжелъ, вообще не слишкомъ красивъ, не особенно смуглъ, одѣтъ какъ Болгаринъ. Островитянинъ (Критянинъ на пр.) изященъ, часто красивъ, отваженъ, гордъ, тонокъ и вмѣстѣ добродушенъ, ласковъ, онъ и по чувствамъ, не только по виду, романтичнѣе и Ѳракійскаго Грека и Албанца, онъ морякъ наконецъ. Албанецъ, или Эпиротъ, вообще некрасивъ, очень блѣденъ, худъ, но необыкновенно граціозенъ, самолюбивъ и подвиженъ до нельзя, воинственъ, романтизмъ его чисто военный; эротическаго романтизма у него нѣтъ. Критянинъ влюбляется страстно и посягаетъ иногда даже на жизнь свою отъ любви, Эпиротъ никогда. Народныя пѣсни Крита исполнены эротизма, пѣсни Эпира сухи и строго-воинственны. Вотъ какая разница! Различать же Ѳракійскаго Грека отъ Ѳракійскаго Болгарина, я, сознаюсь, въ 10 лѣтъ не выучился. Кто виноватъ: я, или данныя самыя, не знаю.

Что касается до городскаго населенія, до лавочниковъ, ремесленниковъ, докторовъ, учителей и купцовъ, которые составляютъ, такъ называемую, интеллигенцію и у Грековъ, и у Болгаръ, то между ними нѣтъ никакой разницы. Тѣ же обычаи, тѣ же вкусы, тѣ же качества и тѣ же пороки. Крѣпкая болѣе, или менѣе, строгая семейственность, удаленіе женщинъ на второй

планъ въ обществѣ, во время сборищъ и посѣщеній, религіозность вообще, болѣе обрядовая, чѣмъ романтическая и глубокосердечная, если она искренна, или просто насильственная, лицемѣрная, для поддержанія національной Церкви примѣромъ, чрезвычайное трудолюбіе, терпѣніе, економія, расположеніе даже къ скупости, почти совершенное отсутствіе рыцарскихъ чувствъ и вообще мало наклонности къ великодушію. Демагогическій и конституціонный духъ воспитанъ и въ Грекахъ и въ Болгарахъ, съ одной стороны безсословностію Турціи (или крайне слабою сословностью, несравненно слабѣе еще Русскаго выраженной, даже и въ старой Турціи), а съ другой тѣмъ подавленнымъ свободолюбіемъ, которое болѣзненно развивается въ народахъ завоеванныхъ, но не слившихся съ своими побѣдителями. Вообще и у Болгаръ и у Грековъ мы находимъ расположеніе къ, такъ называемому, прогрессу въ дѣлахъ Государственныхъ и сильный духъ охраненія во всемъ, что касается семьи

Выходитъ, что въ политическомъ, Государственномъ отношеніи и Юго-Славяне и Греки своимъ демагогическимъ духомъ больше напоминаютъ Французовъ, а въ семейномъ отношеніи — Германскіе народы; въ этомъ отношеніи городскіе Болгары и Греки, очень схожіе между собою, составляютъ какъ бы антитезу психическую съ Великоруссами, которые въ Государственномъ отношеніи до сихъ поръ больше подходили, по здравому смыслу и по духу дисциплины, къ Старо-Германскому генію, а въ домашнихъ дѣлахъ, по пылкости и распущенности, къ Романцамъ, которымъ большинство изъ насъ и теперь продолжаетъ въ этомъ отношеніи сочувствовать, вопреки всѣмъ справедливымъ увѣщаніямъ и укорамъ строго-нравственныхъ людей.

Итакъ, Болгаринъ, психически похожій на самаго солиднаго терпѣливаго, расчетливаго Нѣмца, и ни чуть не похожій на веселаго, живого, болѣе, быть можетъ, распущеннаго, но за то и болѣе добраго, болѣе великодушнаго, Великоросса, воспитанъ Греками и по Гречески. Онъ точно также орудіе Греческой работы, какъ Чехъ орудіе Нѣмецкой, и точно также обращенъ противъ Новогрецизма, какъ Чехъ направленъ противу Германизма. Сходство между Чехами и Болгарами есть еще и другое. Чехи Католики, но Католицизмъ у нихъ не представляетъ существеннаго цвѣта на народномъ политическомъ знамени какъ, на пр., у Поляковъ. Онъ имѣетъ пока еще у многихъ лишь силу личныхъ

привычекъ совѣсти, онъ имѣетъ силу религіозную, безъ поддержки политической: напротивъ того даже Католицизмъ въ политическомъ отношеніи связанъ у Чеховъ съ воспоминаніями горькими для національной гордости, съ казнью Гуса, съ Бѣлогорской битвой, съ безпощадными распоряженіями Императора Фердинанда II-го въ 20 годахъ XVII вѣка. Демонстраціи въ честь Гуса, который боролся противъ Католицизма являются теперь въ Чехіи національными демонстраціями. И у новыхъ Болгаръ, какъ у нынѣшнихъ Чеховъ, религія личной совѣсти населенія не со всѣмъ совпадаетъ съ религіей національнаго интереса. Большинство Болгаръ этого еще, вѣроятно, не чувствуетъ, по незнанію, но вожди знаютъ это.

Подобно тому, какъ Чехи кончили свою средневѣковую жизнь подъ антикатолическими знаменами Протестанства и Гуситизма, и возобновляютъ нынѣшнюю свою жизнь опять подъ знаменемъ послѣдняго, Болгары начинаютъ свою новую исторію борьбою не только противу Грековъ, но и противъ Православной Церкви, воспитавшей ихъ націю. Они борятся не только противу власти Константинопольской Патріархіи, но и противу нерушимости церковныхъ, весьма существенныхъ, узаконеній.

Разсматривая же вопросъ съ Русской точки зрѣнія, мы найдемъ у нихъ съ Чехами ту разницу, что движеніе Чеховъ въ пользу Гуситизма приближаетъ ихъ нѣсколько къ, столь дорогому для насъ, Византизму Вселенскому, а движеніе Болгаръ можетъ грозить и намъ разрывомъ съ этимъ Византизмомъ, если мы не остережемся во время.

Конечно, изъ нѣсколькихъ народныхъ праздниковъ въ честь Гуса, изъ нѣсколькихъ личныхъ обращеній въ Православіе, нельзя еще заключать, чтобы Чехи склонялись къ общему переходу въ Церковь Восточную. Мы не имѣемъ права всегда слѣпо вѣровать въ то, что намъ было бы желательно. Другое дѣло желать, другое вѣрить. Но все таки мы видимъ въ этомъ старѣйшемъ по образованности Славянскомъ народѣ, хотя и легкую, а все же благопріятную нашимъ основнымъ началамъ, черту. Мы не лишены правъ надежды, по крайней мѣрѣ

У Болгаръ же, напротивъ того, мы видимъ черту совершенно противоположную нашимъ Великорусскимъ основамъ. Самый отсталый, самый послѣдній изъ возродившихся Славянскихъ народовъ, является въ этомъ случаѣ самымъ опаснымъ для насъ.

ибо только въ его новой исторіи, а не въ Чешской, не въ Польской и не въ Сербской, вступили въ борьбу тѣ двѣ силы, которыми мы, Русскіе, живемъ и движемся: племенное Славянство и Византизмъ. Благодаря Болгарамъ, и мы стоимъ у какого-то Рубикона.

Чтобы судить о томъ, чего можетъ желать и до чего можетъ доходить въ данную пору нація, надо брать въ расчетъ именно людей крайнихъ, а не умѣренныхъ. Въ руки первыхъ попадаетъ всегда народъ въ рѣшительныя минуты. Умѣренные же бываютъ обыкновенно двухъ родовъ: такіе, которые въ самой теоріи не хотятъ крайностей, или такіе, которые лишь на дѣлѣ отступаютъ отъ нихъ. Мнѣ кажется, что всѣ умѣренные Болгарскіе вожди, умѣрены лишь на практикѣ, но въ идеалѣ они всѣ почти крайніе, когда дѣло коснется Грековъ и Патріархіи.

Народъ Болгарскій простъ (не то, чтобы очень простодушенъ, или добродушенъ, какъ думаютъ у насъ, и не то, чтобы глупъ, какъ ошибочно думаютъ иные Греки, а именно простъ, т. е., еще неразвитъ). Въ добавокъ онъ вовсе не такъ пылко и горячо религіозенъ, какъ простой Русскій народъ, который вообще гораздо впечатлительнѣе Болгарскаго. Народъ Болгарскій, особенно по селамъ, я говорю, простъ. Напротивъ того малочисленная интеллигенція Болгарская лукава, тверда, по видимому, довольно согласна и образована Греками же, Русскими, Европейцами и отчасти Турками, именно на столько, на сколько нужно для успѣшной національно-дипломатической борьбы. Этого рода борьба, пока дѣло не дошло до оружія, имѣетъ въ наше время какой-то механико-юридическій характеръ, и по тому не требуетъ ни философскаго ума, ни высокаго свѣтскаго образованія, ни даже обыкновенной книжной учености, ни воображенія, ни возвышенныхъ, героическихъ, вкусовъ и чувствъ. Хотя по всѣмъ этимъ перечисленнымъ пунктамъ и Ново-Греческая интеллигенція (за исключеніемъ патріотическаго героизма) занимаетъ далеко не первостепенное мѣсто во вселенной, но Болгарская, конечно, по незрѣлости своей и сравнительной малочисленности, стоитъ еще много ниже ея, но это равенство борьбы не слишкомъ мѣшаетъ; это имѣемъ свои выгоды и свои невыгоды. Простота же Болгарскихъ селянъ, я думаю, очень выгодна теперь для Болгарскаго дѣла.[10] Дѣло въ томъ, повторяю, что народъ Болгарскій и простъ, и политически неопытенъ, и вовсе не такъ религіозенъ, какъ, напр., Русскій простой народъ. Это сознаютъ всѣ и на Востокѣ. Интеллигенція же его терпѣлива, ловка, честолюбива, осторожна и рѣшительна. На примѣръ, замѣтивши зимою 71 года, что стараніями Русской дипломатіи (такъ говорятъ здѣсь многіе, и даже иные болѣе умѣренные Болгары), дѣло между Патріархіей и Болгарами идетъ ко взаимнымъ уступкамъ, увидавши на Вселенскомъ престолѣ Анѳима, который прослылъ до извѣстной степени за человѣка, расположеннаго къ Болгарамъ, или къ примиренію, вожди крайняго Болгаризма, Докторъ Чомаковъ (вѣроятно матеріалистъ), какой-то Славейковъ и, вѣроятно, еще другія лица изъ тѣхъ солидныхъ и богатыхъ старшинъ, которые и у Грековъ и у Юго-Славянъ такъ вліятельны, благодаря отсутствію родовой и чиновной аристократіи, и т. п. люди, уговорили и принудили извѣстныхъ Болгарскихъ Архіереевъ, Иларіона, Панарета и друг., стать открыто противу Вселенскаго Патріарха и прервать съ нимъ всякую связь. Они

[10] Нѣкоторыя изъ этихъ сравнительныхъ выгодъ и невыгодъ я перечислялъ въ статьѣ моей «Панславизмъ и Греки.» Скажу здѣсь еще вотъ что

1. Болгары всѣ вмѣстѣ подъ Турціей. Греки раздѣлены между двумя центрами, Аѳинами и Царьградомъ, которые не всегда согласны.

2. Болгары противъ Султана не бунтовали никогда; у нихъ есть партія, мечтающая о Султанѣ, какъ о Царѣ Болгарскомъ, о Турко-Болгарскомъ дуализмѣ. Загнанность народа послужила ему въ пользу, онъ былъ непредпріимчивъ и робокъ, а вожди обратили эту слабость очень ловко въ силу. Пока Греки рыцарски проливали кровь въ Критѣ, Болгары лукаво подавали адресъ Султану. Это вдругъ двинуло ихъ дѣла

3. Простолюдины Болгарскіе менѣе развиты умомъ, чѣмъ Греческіе, при ловкости старшинъ, и это оказалось силой. Ихъ легче обмануть, увѣрить что расколъ не расколъ, что Россія сочувствуетъ имъ безусловно, что весь міръ за нихъ и т. п. У Грековъ каждый больше мѣшается и шумитъ. У Болгаръ меньше.

4. Греки образованы и гораздо богаче, но за Болгаръ мода этнографическаго либерализма, за нихъ должны быть всѣ прогрессисты, атеисты, демагоги, всѣ ненавидящіе авторитетъ Церкви, наконецъ всѣ, не знакомые съ узаконеніями Вселенской Церкви, или не вникающіе въ ея духъ, а сколько этихъ не вникающихъ!

5. Оружіе? Но оружія Грековъ Болгары не боятся; противъ этого есть Турки, въ крайности нашлись бы и другіе. Страхъ Болгаръ отчасти притворный страхъ, отчасти ошибочный. Можно было бы сказать и больше, но [illegible]

рѣшились просить, ни съ того, ни съ сего, позволенія у Патріарха, ночью подъ 6-е Генваря разрѣшенія отслужить на Крещенье по утру свою особую Болгарскую Литургію, въ видѣ ознаменованія своей церковной независимости. Они предвидѣли, что Патріарху Греки не дадутъ согласиться на это, и что, наконецъ, и трудно вдругъ, въ нѣсколько часовъ, ночью, второпяхъ, рѣшиться на такой важной шагъ, дать позволеніе служить Архіереямъ, которые были низложены Церковью и находятся теперь въ рукахъ людей, Церкви враждебныхъ.

Чомаковъ и К° знали, что будетъ отказъ, и требовали настоичиво разрѣшенія, чтобы, въ глазахъ несвѣдующихъ людей, сложить всю вину на Грековъ: «Греки намъ не даютъ воли: чѣмъ же мы виноваты?»

Чомаковъ и К° знали, что они поставятъ этимъ поспѣшнымъ требованіемъ Патріарха между Сцилой и Харибдой. Если, паче чаянія, Патріархъ благословитъ, то этимъ самымъ вопросъ разрѣшенъ, фирманъ Султанскій въ пользу Болгаръ признанъ Церковью, хотя въ немъ и есть вещи, дающія поводъ къ новымъ распрямъ. Если же Патріархъ откажетъ: «coup d'etat» народный, и Богъ дастъ и расколъ!

И Патріархъ отказалъ.

Этого только и желала крайняя Болгарская партія.

Она понимала многое; она знала, на пр., что прямо на опытную Русскую дипломатію повліять ей не удастся.

Она знала, съ другой стороны, до чего заблуждаются многіе Греки, воображая, что Болгары ни придумать ничего не умѣютъ, ни сдѣлать ничего не рѣшатся безъ указанія Русскихъ. Она предвидѣла, что Греки все это припишутъ Русскимъ.

Болгарская крайняя партія предвидѣла, какое бѣшенство противъ Русскихъ возбудитъ въ Грекахъ поступокъ Болгаръ 6-го Генваря, и какія препирательства начнутся послѣ этого между Греками и Русскими.

Агитаторы Болгарскіе предвидѣли, въ какое затрудненіе поставятъ они и Синодъ, и дипломатію Русскую. Они думали, сверхъ того, что для Турціи выгодны и пріятны будутъ эти распри.

Къ тому же у Грековъ кто въ Россіи? Купцы, или монахи, за сборомъ денегъ, люди не популярные. У Болгаръ въ Россіи Студенты, Профессоры, и т. п. люди, которые стоятъ ближе Грековъ къ печати Русской, къ вліятельнымъ лицамъ общества мыслящаго, къ прогрессу, къ модѣ.

Студенты плачутъ о бѣдствіяхъ угнетеннаго, робкаго, будто бы простодушнѣйшаго въ свѣтѣ, народа. Они и подобные имъ пишутъ не особенно умно, но кстати и осторожно...

Греки объявляютъ схизму.

Греки въ наступленіи бранятъ Русскихъ, и Русскіе отвѣчаютъ имъ тѣмъ же...

Турки, улыбаясь, склоняются то въ ту, то въ другую, сторону... Это и нужно было Болгарамъ.

«На Русскую дипломатію, на Русскій Синодъ, мы прямо дѣйствовать не въ силахъ (сказали себѣ Болгары): мы подѣйствуемъ лучше на общество, менѣе опытное, менѣе понимающее, менѣе связанное осторожностью, а общество Русское повліяетъ, можетъ быть, потомъ косвенно и на Дворъ, и на Синодъ, и на здѣшнюю дипломатію... Когда нѣтъ силъ поднять тяжесть руками употребимъ какой ни будь болѣе сложный, посредствующій, снарядъ!.»

Такъ думали, такъ еще думаютъ, конечно, Болгарскіе демагоги. И будущее лишь покажетъ, вполнѣ ли они все предвидѣли, или успѣхъ ихъ былъ только временный.

Болгарскіе демагоги не ошиблись, однако, во многомъ. Многое они предвидѣли вѣрно и знали обстоятельства хорошо. [illegible] они знали очень хорошо вотъ что: Во 1-хъ, что національная идея нынѣ больше въ модѣ, чѣмъ строгость религіозныхъ чувствъ; что въ Россіи, на пр., всякой глупецъ легче напишетъ и легче пойметъ газетную статью, которая будетъ начинаться такъ: «Долголѣтнія страданія нашихъ братьевъ, Славянъ, подъ игомъ Фанаріотскаго духовенства,» чѣмъ статья, которая будетъ развивать такую мысль: «Желаніе Болгаръ вездѣ, гдѣ только есть нѣсколько Болгарскихъ семействъ, зависитъ не отъ мѣстнаго ближайшаго Греческаго Архіерея, а непремѣнно отъ Болгарскаго.» По тому только, что онъ Болгарскій, есть, само по себѣ, желаніе схизмы, раскола, совершенное подчиненіе церковныхъ правилъ придирчивому національному фанатизму. Это желаніе—поставить себя между Греками въ положеніе столь же особое, какъ положеніе Армянъ, Католиковъ, Протестантовъ, Русскихъ Старообрядцевъ и т. п. Въ Солунѣ, Битоліи, Адріанополѣ и другихъ городахъ, по древнимъ Христіанскимъ Правиламъ, не могутъ

быть два Православныхъ Епископа вмѣстѣ, а можетъ быть Армянскій и Греческій, т. е. Православный, Католическій, и т. д.

Эти люди (Чомаковъ и К°) очень хорошо знаютъ всѣ эти правила; они мудры, какъ змѣи, но имъ дѣла нѣтъ до непогрѣшимости Православія. Если они дорожатъ имъ нѣсколько, такъ развѣ только по тому, что оно нашлось подъ рукою, въ народѣ, а не другая религія. Мѣнять же явно религію неудобно, по тому что въ средѣ простого народа можетъ произойти разрывъ, а народа всего не очень много, около 5 милліоновъ, положимъ. И больше ничего!

Итакъ Болгарскій народъ, увлекаемый и отчасти обманутый своими вождями, начинаетъ свою новую исторію борьбой не только противу Грековъ, но, по случайному совпаденію, и противу Церкви и ея каноновъ.

У Грека всѣ національныя воспоминанія соединены съ Православіемъ. Византизмъ, какъ продуктъ историческій, принадлежитъ Греку, и онъ, сознавая, что въ первоначальномъ созиданіи Церкви принимали участіе люди разныхъ племенъ: Итальянцы, Испанцы, Славяне, уроженцы Сиріи, Египта, Африки, помнитъ, однако, что преимущественно на Еллинскомъ языкѣ, съ помощью Еллинской цивилизаціи, строилось сложное и великое зданіе догмата, обряда и канона Христіанскихъ, и что безъ сложности этой, удовлетворяющей разнообразнымъ требованіямъ, не возможно было бы и объединить въ одной религіи столь разнородные элементы племенные, сословные, умственные, и на столь огромномъ пространствѣ! Послѣднее возрожденіе Грецизма и революція 20-хъ годовъ совершились также подъ знаменемъ Православія: ребенокъ Греческій слышитъ объ этомъ въ пѣсняхъ съ дѣтства.

«Діà ту Христу тинъ пистинъ тинъ агіанъ!» поетъ Грекъ. А Христіянство, «Святая Христова Вѣра» (Пистѝ агіа ту Христу) для Грека не значитъ голая и сухая утилитарная нравственность, польза ближняго, или, такъ называемаго, человѣчества. Христіянство для Грека значитъ Православіе, догматы, канонъ и обрядъ, взятые во всецѣлости.

Невѣрующій Грекъ и тотъ за все это держится, какъ за народное знамя.

У Болгарина, напротивъ того, половина воспоминаній, по крайней мѣрѣ, связана съ борьбой противъ Византизма, противу

ихъ Православныхъ Грековъ. У Болгарскаго патріота въ комнатѣ рядомъ съ иконой Православныхъ Кирилла и Меѳодія обучившихъ Болгаръ Славянской національной грамотѣ (это главное, а не крещеніе), вы видите обыкновенно язычника Царя Крума, которому подносятъ на мечѣ голову Православнаго Греческаго Царя.

Ликургъ, Епископъ Сирскій, посѣщая, въ 73-мъ году, Аѳонъ, заѣзжалъ и въ богатый Болгарскій монастырь Зографъ, котораго монахи съ Патріархіей связь прерывать не желали, а вели себя очень осторожно между своими Болгарскими Комитетами и Цареградской Іерархіей. Однако, и у нихъ, въ пріемной, Ликургъ увидалъ портреты отверженныхъ Церковью Болгарскихъ Епископовъ. На его вопросъ: «По чему они держатъ ихъ въ почетѣ?»—«Они имѣютъ для насъ національное значеніе,» отвѣтили ему сухо Болгарскіе монахи.

Такова историческая противоположность Грековъ и Болгаръ съ точки зрѣнія Православія. У Грековъ вся исторія ихъ величія, ихъ паденія, ихъ страданій, ихъ возрожденія, связана съ воспоминаніемъ о Православіи, о Византизмѣ. У Болгаръ, напротивъ того, только часть; а другая часть, и самая новѣйшая, горячая, модная часть воспоминаній, въ слѣдующемъ поколѣніи будетъ связана со скептическимъ воспитаніемъ, съ племеннымъ возрожденіемъ, купленнымъ ожесточенной борьбой противу Церкви, противу того Византійскаго авторитета, который, если присмотрѣться ближе, составляетъ почти единственную, хоть сколько нибудь солидную, охранительную силу во всей Восточной Европѣ и въ значительной части Азіи.

Если сравнить другъ съ другомъ всѣ эти удачно возраждающіеся, либо неудачно возстающіе въ XIX вѣкѣ, мелкіе или второстепенные народы, то окажется, что ни у одного изъ нихъ, ни у Чеховъ, ни у Сербовъ, ни у Поляковъ, ни у Грековъ, ни у Мадьяръ, нѣтъ такого отрицательнаго, такого прогрессивнаго, знамени, какъ у этихъ отсталыхъ, невинныхъ и скромныхъ, Болгаръ.

Начало исторіи кладетъ всегда неизгладимую печать на всю дальнѣйшую роль народа: и черта, по видимому, не важная, не рѣзкая въ началѣ, разростаясь мало по малу, принимаетъ, съ теченіемъ времени, все болѣе и болѣе грозный видъ.

Для насъ же, Русскихъ, эта черта, эта органическая осо-

бенность Ново-Болгарской исторіи, тѣмъ болѣе важна, что Болгары случаннымъ и, отчасти для большинства ихъ самихъ неожиданнымъ, поворотомъ дѣла, вступили въ борьбу не съ авторитетомъ какимъ бы то ни было, а именно съ тѣмъ авторитетомъ, который для Россіи такъ дорогъ, именно, съ той Вселенской Церковью, которой правила и духъ создали всю нашу Великорусскую силу, все наше величіо, весь нашъ народно-Государственный геній.

Дѣло не въ томъ, сознательно ли всѣ Болгары вступили на этотъ отрицательный, разрушительный, путь, или нѣтъ. Горсть людей, руководящихъ сознательно, сказала себѣ, и говоритъ и теперь во всеуслышаніе: «Пока не объединимъ весь народъ отъ Дуная до послѣдняго Македонскаго села, нѣтъ уступокъ никому, нѣтъ примиренія. Намъ никто не нуженъ, кромѣ Султана. И мы будемъ сектантами скорѣе, чѣмъ уступимъ хотя что бы то ни было!» Но большинство, конечно, обмануто, увлечено и не можетъ даже представить себѣ всѣхъ послѣдствій подобнаго насильственнаго разрыва съ Восточными Церквами.

Положимъ такъ, большинство не виновато; но дѣло идетъ здѣсь не о нравственной свободной вмѣняемости, а о полуневольномъ, трудно-исправимомъ политическомъ направленіи народной жизни.

Народъ послушался своихъ вождей, по этому и онъ отвѣтственъ; иначе нельзя было бы и войнъ вести, и возстанія усмирять. Вотъ въ чемъ дѣло!

У Болгаръ по этому мы не видимъ до сихъ поръ ничего Славянскаго въ смыслѣ зиждительномъ, творческомъ; мы видимъ только отрицаніе, и чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе.

Повторимъ еще разъ, что отрицаніе Болгарское относится именно къ тому авторитету, который правитъ уже нѣсколько вѣковъ самой великой силой Славянства—Русскимъ Государствомъ.

Что бы сталось со всѣми этими учеными и либеральными Славянами, со всѣми этими ораторами и профессорами, Ригерами, Палацкими, Сербскими Омладинами, Болгарскими докторами, если бы, на заднемъ фонѣ картины, не виднѣлись въ загадочной дали, Великорусскіе снѣга, Казацкія пики и топоръ Православнаго мужика бородатаго, которымъ спокойно и неторопливо правитъ полу-Византійскій Царь-Государь нашъ!? Хороши бы они были безъ этой пики и этого топора, либералы эти и мудрецы мѣщанскаго прогресса!

Для существованія Славянъ необходима мощь Россіи.

Для силы Россіи необходимъ Византизмъ.

Тотъ, кто потрясаетъ авторитетъ Византизма, подкапывается, самъ, быть можетъ и не понимая того, подъ основы Русскаго Государства.

Тотъ, кто воюетъ противъ Византизма, воюетъ, самъ не зная того, косвенно и противу всего Славянства, ибо что такое племенное Славянство безъ отвлеченнаго Славизма?.

Неорганическая масса, легко расторгаемая въ дребезги, легко сливающаяся съ республиканской Всеевропой!

А Славизмъ отвлеченный, такъ, или иначе, но съ Византизмомъ долженъ сопричься. Другого крѣпкаго дисциплинирующаго начала у Славянъ разбросанныхъ мы не видимъ. Нравится ли намъ это, или нѣтъ, худо ли это Византійское начало, или хорошо оно, но оно единственный надежный якорь нашего, не только Русскаго, но и Вселенскаго, охраненія.

ГЛАВА IV.

Что такое Славянство? (Продолженіе).

Я сказалъ о Чехахъ и о Болгарахъ, остаются еще Словаки, Сербы, Поляки, Русскіе.

Словаковъ этнографически причисляютъ обыкновенно къ Чешской націи, но исторически они связаны съ Мадьярами, съ судьбами Угорскаго Царства, и культурно, конечно, такъ проникнуты Мадьярскими бытовыми началами, что ихъ, въ отношеніи быта и привычекъ, можно назвать Мадьярами, переведенными на Славянскій языкъ, [1] точно также, какъ Чехи, по всей организаціи

[1] Я разумѣю здѣсь не политическія симпатіи, или антипатіи, Словаковъ, а только ихъ культурно-бытовыя привычки. Многіе смѣшиваютъ это, и напрасно. Малороссы, на примѣръ, доказали, что они предпочитаютъ соединеніе съ Великороссіей Польскому союзу, но нельзя не согласиться, что въ

своей, переведены съ Нѣмецкаго, а Болгары, по воспитанію своему до послѣдняго времени, переведены съ Греческаго языка на Славянское нарѣчіе.

Теперь о Сербахъ.

Ни одинъ изъ Славянскихъ народовъ не раздробленъ такъ и политически и культурно, какъ Сербскій народъ.

Болгары всѣ райя Султана, всѣ считаютъ себя и теперь Православными; всѣ до послѣдняго времени были воспитаны Греками и по Гречески. Поляки всѣ Католики, всѣ дѣти собственной падшей Польской цивилизаціи, Польской государственности. Хотя они политически и раздѣлены между тремя Государствами, но всѣ тѣ изъ нихъ, которые не онѣмечились и не обрусѣли (т. е., большинство), схожи между собою по историческому воспитанію, и вельможа, и шляхта, и крестьяне; шляхта и крестьяне могутъ мало походить другъ на друга; но я говорю о томъ, что шляхта въ Россіи похожа на шляхту въ Австріи, что крестьяне Польскіе, по всему пространству прежней собственной Польши, тоже болѣе, или менѣе, схожи между собою.

Чехи съ Моравами тоже довольно однороднаго историческаго воспитанія.

Что касается до Сербовъ, то они раздѣлены, въ Государственномъ отношеніи, во 1-хъ, на 4 части: 1. Независимое Княжество; 2. Черногорія. 3. Турецкія владѣнія (Боснія, Герцеговина и Старая Сербія). и 4. Австрійскія владѣнія (Словинцы, Хорваты, Далматы и т. д.)

Они раздѣлены еще и на три половины по религіи: на Православную, Католическую и Мусульманскую.

У Православныхъ Сербовъ двѣ царствующія династіи, въ Бѣлградѣ и Цетинѣ.

Племя ихъ довольно равномѣрно раздѣлено пополамъ еще и географически Дунаемъ и большими горами: на Сѣверо-Западѣ — Австрійскіе Сербы, на Юго-Востокѣ — Турецкіе.

быту ихъ, въ культурныхъ привычкахъ, было всегда довольно много Польскаго, съ Московскимъ вовсе не схожаго. Такихъ примѣровъ много.—Но и у Великороссіянъ развѣ мало такого, принятаго имъ отъинуду? Стало быть, у каждаго найдется то же въ большей, меньшей, мѣрѣ. И изъ-за этого не ужь-то слѣдуетъ каждаго характеризовать переведенцемъ? Какъ въ этомъ, такъ и вообще во всемъ, необходимо соблюдать мѣру, мѣру и мѣру. О. Б.

Австрійскіе Сербы, сверхъ того, раздѣлены между собою исторіей. Хорваты соединены политически съ Угріей и теперь болѣе еще, чѣмъ прежде, по причинѣ дуализма.

Словинцы и Далматы находятся подъ непосредственнымъ вліяніемъ Цислейтанскихъ Нѣмцевъ. Это въ административномъ отношеніи. По воспитанію вообще Хорваты естественно имѣютъ въ себѣ много Мадьярскаго, хотя ихъ роды и характеръ менѣе аристократическіе, чѣмъ у настоящихъ Мадьяръ. Далматы долго были подъ культурнымъ вліяніемъ Италіи, да и теперь еще подъ нимъ находятся.

Граничары имѣютъ въ привычкахъ своихъ и въ организаціи много Казацкаго. У нихъ до нашего времени хранилась своеобразная община (Сербская задруга).

При такой, несоразмѣрной съ численностью народа, разнородности историческаго воспитанія, Сербы не только не могли выработать у себя какихъ ни будь новыхъ характерныхъ и особенныхъ культурныхъ признаковъ Славизма (юридическихъ, религіозныхъ, художественныхъ и т. д.), но стали утрачивать въ послѣднее время и тѣ Славянскія особенности, которыя у нихъ существовали издревле. Они до сихъ поръ не только не явились творцами чего либо Ново Славянскаго, но и слабыми охранителями Древне-Сербскаго, своего. Они не довольствуются въ Княжествѣ старой скупщиной въ одну палату, а стремятся утвердить у себя двѣ законодательныя камеры, по демократическимъ Западнымъ образцамъ. Они бросаютъ вовсе свои живописныя одежды и пляски: военные одѣваются почти по Австрійски, штатскіе и женщины по обще-Европейскимъ образцамъ. Убичини уже давно писалъ, что сельская коммунистическая задруга у Турецкихъ Славянъ распадается постепенно, подъ вліяніемъ того демократическаго индивидуализма, того безграничнаго освобожденія лица отъ всѣхъ стѣсняющихъ узъ, къ которому стремится, съ половины прошлаго вѣка, образованный по Европейски міръ.

Въ Австріи Славянскій охранительный коммунизмъ Граничаръ поддерживался до послѣдняго времени преимущественно интересами Нѣмецкаго Монархическаго Правительства.

По мѣрѣ большаго увлеченія самой офиціальной Австріи на путь либеральнаго всерасторженія и всесмѣшенія, стала больше и больше расшатываться и эта знаменитая Славянская

коммуна Ницы, изъ собственныхъ выгодъ, были долго лучшими хранителями Древне-Славянскихъ особенностей.

Я здѣсь, точно также, какъ по дѣлу Чеховъ, не убѣждаю никого находить, что это худо: можетъ быть оставить все національное въ своемъ быту полезно, и даже необходимо, хотя бы Европейскіе образцы и лучше. Я только заявляю данное, чтобы подтвердить ими ту общую мысль мою, что есть Славянство, но что Славизма, какъ культурнаго зданія, или нѣтъ уже, или еще нѣтъ: или Славизмъ погибъ навсегда, растаялъ, въ слѣдствіе первобытной простоты и слабости своей, подъ совокупными дѣйствіями Католичества, Византизма, Германизма, Ислама, Мадьяровъ, Италіи и т. п., или, напротивъ того, Славизмъ не сказалъ еще своего слова и таится, какъ огонь подъ пепломъ, скрытъ незримо въ аморфической массѣ племеннаго Славянства, какъ зародышь живого архитектурнаго организма въ сплошномъ желткѣ, и не доступенъ еще простому глазу.

Быть можетъ, все быть можетъ!

Но кто угадаетъ теперь особою форму этого организованнаго, проникнутаго общими идеями, своими міровыми идеями, Славянства? До сихъ поръ мы этихъ общихъ и своихъ всемірно-оригинальныхъ идей, которыми Славяне бы отличались рѣзко отъ другихъ націй, и культурныхъ міровъ, не видимъ. Мы видимъ вообще что-то отрицательное, очень сходное съ Романо-Германскимъ, но какъ-то жиже, слабѣе все, беднѣе.

Это горько и обидно! Но развѣ это неправда?

Мы видимъ только общія стремленія, отчасти общіе племенные интересы и дѣйствія, но не видимъ общихъ своеобразныхъ идей, стоящихъ выше племеннаго чувства, порожденныхъ имъ, но послѣ вознесшихся надъ племенемъ, для вящшаго всенароднаго, яснаго руководства и себѣ и чужимъ (человѣчеству).

Славянство есть, и оно численностью очень сильно; Славизма нѣтъ, или онъ еще очень слабъ и неясенъ.

Мнѣ возразятъ, что племенное чувство Славянства, сближая Славянъ письменно и политически между собою, можетъ способствовать выработкѣ этого культурнаго Славизма, этой органической системы своеобразныхъ идей, стоящихъ внѣ частныхъ, мѣстныхъ и личныхъ, интересовъ и надъ ними, но глубоко, тысячами корней связанныхъ съ этими интересами.

Я отвѣчу, что это возможно, и даже крайне желательно; ибо вовсе нелестно быть тѣмъ, чѣмъ до сихъ поръ были всѣ Славяне, не исключая даже Русскихъ и Поляковъ: чѣмъ-то средне-пропорціональнымъ, отрицательнымъ, во всемъ уступающимъ духовно другимъ, во всемъ второстепеннымъ.

Бываютъ примѣры, что подобная отрицательность становится залогомъ чего либо крайне положительнаго въ сумиѣ, именно по тому, что оно было не совсѣмъ то, не совсѣмъ такъ характерно и рѣзко, какъ у другихъ. Дай Богъ!

Но вопросъ здѣсь, во 1-хъ, именно въ томъ, что такое будетъ этотъ, надъ Славянствомъ взвинченный, Славизмъ? Какія особыя юридическія, Государственныя, идеи послужатъ къ политическому сближенію и приблизительному объединенію Славянъ? А во 2-хъ, въ томъ, выгодны ли будутъ эти обще-Славянскія идеи для Русскаго Государства, усилятъ ли онѣ его мощь, или будутъ способствовать его паденію? Укрѣпятъ ли онѣ его вѣковое зданіе, купленное нашими трудами, кровью и слезами? Или растворятъ онѣ его почти безслѣдно въ этой блѣдной и несолидной пестротѣ современнаго неорганическаго Славянства?

Вотъ два вопроса! И въ сущности эти два вопроса лишь двѣ стороны одного и того же.

Если Славяне призваны къ чему либо творческому, положительному, какъ особый ли міръ исторіи, или только какъ своеобразная часть Европейской цивилизаціи, и въ томъ и въ другомъ случаѣ имъ нужна сила.

Сила государственная выпала въ удѣлъ Великоруссамъ. Эту силу Великоруссы должны хранить, какъ священный залогъ исторіи, не только для себя, но и для Всеславянской независимости.

Быть можетъ, со временемъ, для пособія самой Европѣ, противъ пожирающей ея медленной анархіи.

И такимъ образомъ для всего человѣчества.

ГЛАВА V

Продолженіе о Славянахъ.

О Польшѣ и Россіи можно и не говорить здѣсь подробно.

О противоположностяхъ ихъ исторіи, объ относительномъ своеобразіи ихъ Государственныхъ организацій, объ ихъ долгомъ, естественномъ и неотвратимомъ антагонизмѣ, у насъ такъ много судили и писали въ послѣднее время, что всѣ Русскіе почти, и не занимающіеся особенно политикой, знакомы теперь съ этими вопросами недурно, въ общихъ, по крайней мѣрѣ, чертахъ.

Изъ всѣхъ Славянъ только Поляки и Русскіе жили долго независимой Государственной жизнью, и по тому у нихъ и накопилось такъ сказать, и удержалось больше своего собственнаго, чѣмъ у всѣхъ другихъ Славянъ (Повторяю еще разъ, что я не настаиваю здѣсь, худо ли, или хорошо, это собственное. я только заявляю, напоминаю, реальныя данныя).

Уже одно существованіе своего національнаго дворянства и у Поляковъ и у Русскихъ отличаетъ ихъ рѣзко отъ всѣхъ другихъ Славянъ Русское служилое сословіе и Польская шляхта очень несходны своей исторіей; они лишены теперь почти всѣхъ своихъ существенныхъ привилегій, но впечатлѣнія историческаго воспитанія въ дѣлахъ этихъ двухъ сословій проживутъ еще долго. Аристократіи истинно феодальной, на подобіе Западно-Европейской, не было ни у Поляковъ, ни у Русскихъ, аристократіи въ смыслѣ какого бы то ни было рѣзко привилегированнаго класса у нихъ теперь вовсе нѣтъ, ни у Русскихъ, ни у Поляковъ, есть нѣчто общее, не смотря на всѣ ихъ противоположности и несогласія, это сословное воспитаніе націи которого слѣды слабѣе у Австрійскихъ Славянъ, и котораго вовсе нѣтъ въ правахъ у Славянъ Турецкихъ. Это будетъ яснѣе изъ сравненія.

Польское дворянское сословіе, вельможи и шляхта, остаются до сихъ поръ представителями своей націи: они свершаютъ всѣ національныя движенія Полонизма. Въ Россіи дворянство было гораздо слабѣе: оно зависѣло отъ Монархіи на столько, на сколько въ Польшѣ Монархія зависѣла отъ дворянства. Народъ въ Россіи чтитъ дворянство только, какъ сословіе Царскихъ слугъ, а не само по себѣ. Мы привыкли зря шутить надъ бюрократіей, а народъ нашъ смотритъ на нее серьезно, не комически, а трагически, или героически. За границей мундиръ чиновника Русскаго глубоко радуетъ Русскаго простолюдина. Это я на себѣ и на другихъ испыталъ. Но руководиться во всемъ дворянствомъ нашъ народъ не привыкъ, на прим., въ религіозныхъ вопросахъ

онъ уже по тому не подумаетъ нашъ человѣкъ, что мы сословія другого класса, другого воспитанія. Бѣднаго дворянина Базарова Русскіе крестьяне не признавали своимъ, а ученаго Инсарова простые болгары считали своимъ, ибо онъ былъ кость отъ костей ихъ, такой же болгарскій мужикъ, какъ и они, но болѣе мудрый. То же и у Сербовъ. Чешская аристократія не связала своихъ именъ съ народнымъ дѣломъ нашего времени. Она дѣлаетъ оппозицію Вѣнѣ тогда, когда замѣчаетъ въ ней демократическія наклонности. Знамя Чешской знати болѣе Австро-феодальное, чѣмъ собственно Чешское во что бы то ни стало. Вожди Неочехизма выходятъ изъ народа.

Вообще Юго-Славяне очень легко переходятъ отъ быта и общихъ понятій своихъ или простоты патріархальной въ самую крайнюю простоту современной либеральной буржуазности. Всѣ они, между прочимъ, вырастали въ слѣпомъ поклоненіи демократической либеральной конституціи. Австрійскіе Славяне привыкли дѣйствовать безъ помощи аристократіи или какого бы то ни было дворянства: ибо въ одномъ мѣстѣ господами у нихъ были Нѣмцы, въ другомъ Мадьяры, въ третьемъ онѣмеченные, или омадьяренные, Славяне, въ четвертомъ враждебные Поляки (какъ на пр., у Малороссовъ въ Галиціи).

Они, особенно въ дѣлахъ чисто Славянскихъ, привыкли руководиться національной буржуазіей профессорами, учителями, купцами, докторами и отчасти священниками, которые впрочемъ, во всѣхъ подобныхъ вопросахъ мало чѣмъ отличаются отъ людей свѣтскихъ.

У Турецкихъ Славянъ отсутствіе сословнаго воспитанія еще замѣтнѣе; ибо привилегированное сословіе представляли, и представляютъ еще до сихъ поръ, въ Турецкой Имперіи Мусульмане, люди вовсе другой Вѣры, которые не слились съ завоеванными Христіанами.

Уравненіе, конечно, въ Турціи сравнительно съ прежнимъ, огромное: у Мусульманъ противу прежняго осталось очень мало привилегій, и тѣ скоро падутъ; но реформы нынѣшнія состоятъ не въ томъ чтобы часть Христіанъ возвысить до положенія Турокъ. и дать имъ привилегіи относительно другихъ соотчичей ихъ, но въ томъ чтобы Турокъ приравнять къ Христіанамъ, въ томъ, чтобы прежнюю, все таки болѣе аристократическую, Монархію, въ которой всѣ Турки, равные между собою, составляли одинъ

классъ высшій, а всѣ Христіане составляли классъ зависимый, низшій, чтобы эту аристократическую и весьма децентрализованную прежнюю Монархію превратить въ эгалитарную и централизованную, въ томъ, чтобы какую-то Персію Кира и Ксеркса, полную разнообразныхъ Сатрапій, обратить въ гладкую Францію Наполеонидовъ. Таковъ идеалъ современной Турціи, къ которому она иногда и противъ воли стремится, въ слѣдствіе давленія внѣшнихъ обязательствъ. Итакъ у Славянъ Турецкихъ нѣтъ ни въ прошедшемъ, ни въ настоящемъ (ни въ будущемъ, вѣроятно), никакихъ ни воспоминаній, ни слѣдовъ, ни залоговъ, ни аристократическаго, ни общаго монархическаго, воспитанія. Гораздо менѣе еще чѣмъ у Австрійскихъ. У Болгаръ дѣлами правятъ: докторъ, купецъ, адвокатъ, обучавшійся въ Парижѣ, учитель. Епископы же Болгарскіе совершенно въ рукахъ этой буржуазіи. Буржуазія эта, вышедшая отчасти изъ городскаго, отчасти изъ сельскаго, народа Болгаріи Дунайской, Ѳракіи и Македоніи, пользуется, какъ видно, полнымъ довѣріемъ народа. Эти люди: доктора, купцы и т. п., конечно, лично сами отъ деспотизма Греческихъ Епископовъ не страдали; они дѣйствуютъ изъ побужденій патріотическихъ, національныхъ, но ихъ патріотическія идеи, ихъ національный фанатизмъ, ихъ желаніе играть роль въ Имперіи, въ Европѣ, быть можетъ, и въ Исторіи, совпали какъ нельзя лучше съ тѣмъ неудовольствіемъ, которое справедливо могъ имѣть простой Болгарскій народъ противу прежнихъ Греческихъ Іерарховъ, сурово, по духу времени, обращавшихся съ народомъ.[12]

[12] Хотя и тутъ надобно замѣтить нѣчто, если не въ оправданіе Греческаго духовенства, то, по крайней мѣрѣ, для болѣе яснаго пониманія Болгарскаго вопроса. Старые Восточные Епископы могли имѣть свои пороки, будучи не только духовными пастырями, но и свѣтскими начальниками надъ всѣми Православными людьми Турціи; они были поставлены въ положеніе трудное, часто опасное; за почетъ и вещественное вознагражденіе, которымъ они пользовались, они платили тяжкой отвѣтственностью. Иные заплатили и жизнью, и нерѣдко безъ вины. Такъ, на пр., знаменитый Патріархъ Григорій былъ повѣшенъ Турками въ 20 годахъ, не смотря на всѣ увѣщанія не бунтовать, съ которыми онъ обращался къ Грекамъ. Понятно, что такое положеніе, развивая въ Епископахъ извѣстнаго рода качества: силу воли, выдержку, административный и дипломатическій умъ развивало и соотвѣтственные пороки: властолюбіе, корысть (иногда для самосохраненія, въ случаѣ бѣды), жестокость. Но жестокость обращенія направлена была у нихъ столько же и на Грековъ, сколько на Болгаръ. На-

Лѣтъ 20 — 15 подъ рядъ Болгарскіе доктора, учителя, купцы твердили ежедневно народу своему одно и то же противъ Грековъ, молодое поколѣніе все выросло въ этомъ искуственно раздутомъ чувствѣ, народъ привыкъ, проснулся, повѣрилъ, что ему будетъ лучше безъ Грековъ: свое духовенство, избранное буржуазіей и руководимое ею, оказалось, конечно во многомъ для народа лучше Греческаго. Лучшимъ оно оказалось не потому, что бы, по нравственому воспитанію, оно было выше, или по какимъ ни будь Славянскимъ душевнымъ качествамъ, особенно мягкимъ и хорошимъ. Вовсе нѣтъ. Воспитаніе нравственное у Болгаръ и у Грековъ, въ глазахъ свѣжаго, искренняго съ самимъ собою, человѣка, почти одно и то же (и это почти вовсе не въ пользу Болгаръ; у Грековъ нѣсколько болѣе романтизма, теплоты); а психически не надо воображать себѣ упорнаго, тяжелаго, хитраго Болгарина похожимъ на добродушнаго, легкомысленнаго Великоросса: они также мало похожи другъ на друга въ этомъ отношеніи, какъ южный Итальянецъ и сѣверный Нѣмецъ, какъ поэтъ и механикъ, какъ Байронъ и Адамъ Смитъ

Болгарское духовенство вело и ведетъ себя противу народа лучше, чѣмъ вело себя Греческое, лишь по тому, что оно своевольно создано самимъ этимъ народомъ, что у него внѣ народа нѣтъ никакой точки опоры.

У Русскаго духовенства есть внѣ народа могучее Правительство. Греческое духовенство Турціи болѣе нашего, быть можетъ, свободное со стороны административнаго вліянія, менѣе нашего за то свободно отъ увлеченій и страстей демагогіи, отъ тѣхъ поспѣшныхъ и неисправимыхъ ошибокъ, къ которымъ такъ склонны, особенно въ наше время, толпы, считающія себя просвѣщенными и умными. Это такъ. Но все таки Греческое духовенство привыкло издавна къ власти, имѣетъ древнія, строгія преданія Вселенской Церкви, за которыя крѣпко

ціональной идеи при этой прежней жестокости и въ помпнѣ не было. Невѣжество, въ которомъ они оставляли Болгаръ, ни какъ нельзя считать плодомъ національнаго разсчета. Напротивъ, это была ошибка, или скорѣе безсиліе, недостатокъ средствъ. Если бы 50 лѣтъ тому назадъ большинство Болгаръ было обучено Греческой грамотѣ (о Болгарской тогда никто и не думалъ), то Болгарскаго вопроса не было бы вовсе. Большинство Болгаръ было бы погречено, по чувствамъ и убѣжденіямъ

держится и, наконецъ, въ иныхъ случаяхъ можетъ найти оффиціальную поддержку то въ Турецкомъ, то въ Еллинскомъ, Правительствахъ, какъ нѣчто давно признанное и крѣпко организованное.

Новое же Болгарское духовенство, не имѣя около себя могучаго единовѣрнаго права, и начиная свою жизнь прямо борьбой противъ преданія, находится по этому вполнѣ въ рукахъ Болгарскаго народа. И въ слѣдствіе этой полной зависимости отъ толпы, оно ведетъ себя не то, чтобы лучше (это, смотря по точкѣ зрѣнія), а угоднѣе народу, нѣсколько пріятнѣе для мужика и выгоднѣе для честолюбія Архонта Болгарскаго, чѣмъ вела себя, внѣ Болгарской націи стоявшая, Греческая Іерархія.

Что касается до лучшаго и до худшаго, то примѣры на глазахъ. Болгарская буржуазія могла заставить своихъ Епископовъ быть помягче, чѣмъ были нерѣдко Греческіе, съ селянами. Это, быть можетъ, лучше; но Болгарская же буржуазія принудила своихъ Епископовъ отслужить литургію 6 Генваря и отложиться отъ Патріарха, вопреки основнымъ, Апостольскимъ, уставамъ Церкви. Это худшее.

Я хочу всѣмъ этимъ сказать, что хотя Болгарская нація не сложилась еще ни въ отдѣльное Государство, ни даже въ полугосударственную область, съ опредѣленной какой нибудь автономіей но политическіе и соціальные контуры этой новой націи видны уже и теперь. Физіономія ея—крайне демократическая; привычки, идеалы крайне эмансипаціонные.

Рѣшись завтра Султанъ на тотъ дуализмъ, котораго бы желали иные пылкіе Болгары, объяви онъ себя Султаномъ Турецкимъ и «Царемъ Болгарскимъ,» вся область, отъ южныхъ границъ до Дуная, устроилась бы скоро и легко съ какимъ нибудь совѣтомъ во главѣ крайне демократическаго характера и происхожденія.

Подобно Соединеннымъ Штатамъ и Швейцаріи, никто и ничто не будетъ стоять внѣ народа, кромѣ идеальнаго и спасительнаго отъ сосѣдей Султанскаго верховенства.

«Это избавило бы насъ отъ всякой иноземной династіи, а такъ какъ Республика есть наилучшая форма правленія, къ которой стремится вся образованная Европа, то даже на очень долгое время легкая подручная зависимость отъ Султана для насъ была бы лучше всего: можно будетъ народъ пріучить до поры до времени даже сражаться охотно за Султана. Мы же съ Турками несомнѣнно одной почти крови. Это не велика бѣда! а на религію кто черезъ 10 — 20 лѣтъ будетъ смотрѣть. Религія — дѣло невѣжества, обучимъ народъ и онъ все пойметъ. Подъ охраною безвреднаго Султанскаго знамени нація созрѣетъ прямо для Республики и изъ самой отсталой станетъ самой передовой націей Востока!»

Вотъ что говорятъ себѣ, не всѣ конечно, но быть можетъ самые смѣлые, даровитые и энергическіе, Болгары.

Быть можетъ и воспитанники нашихъ Русскихъ училищъ не прочь отъ этого.

Я, впрочемъ, говорю, быть можетъ... Вообще, надо глубоко различать то, что говорятъ Болгаре въ Россіи и при Русскихъ и то, что они думаютъ и говорятъ въ Турціи.

Прибавимъ же вотъ что о Турціи: хотя за послѣднее время обстоятельства внѣшней и внутренней политики были довольно благопріятны ей, но она все таки очень разстроена и слаба.

Предположимъ же, что, паче чаянія, Турецкое владычество въ Европѣ пало скорѣе, чѣмъ мы ждемъ, и даже желаемъ того, и допустимъ, что сосѣди Болгарамъ устроить Республику не позволили, въ такомъ случаѣ они не желаютъ имѣть Монархію съ самымъ свободнымъ устройствомъ, съ самой ничтожной номинальной властью. Такова, по крайней мѣрѣ, теперь ихъ политическая физіономія.

Сербы, нечего и говорить, всѣ демократы; и у нихъ эпическая патріархальность переходитъ какъ нельзя легче въ самую простую буржуазную утилитарность. У нихъ есть военные и чиновники, сверхъ докторовъ, купцовъ и т. д. Но чиновники и военные нигдѣ не составляютъ родового сословія, которое воспитывало бы своихъ членовъ въ опредѣленныхъ впечатлѣніяхъ; они набираются гдѣ попало, и между ними могутъ быть люди всякаго образа мыслей. Вчерашній чиновникъ, или военный, завтра свободный гражданинъ и членъ оппозиціи, или даже явный предводитель бунта. Какъ воспитана вся интеллигенція Сербская, такъ воспитаны и служащіе Правительству люди. Залоговъ для неограниченной Монархіи мы въ Сербіи не видимъ. Сербы не сумѣли вытерпѣть даже и того самовластія, съ которымъ патріархально хотѣлъ управлять ими ихъ освободитель и національный герой, старый Милошъ. Еще при высшей степени патріархальности народной жизни они уже захотѣли конституціи, и взбунтовались

Исторія показываетъ даже, что революціи, которыя низвергли, сперва Милоша, возвели на престолъ Александра Кара-Георгіевича а потомъ низвергли этого послѣдняго опять въ пользу Обреновичей, были революціями чиновничьими. Это была борьба бюрократическихъ партій за преобладаніе и власть.

Итакъ, повторяю, у Сербовъ нѣтъ, по видимому, залоговъ для крѣпкой Монархіи. Что касается до какой бы то ни было аристократіи родовой, до какого бы то ни было дворянства, то въ Сербіи нѣтъ и слѣдовъ ничего подобнаго. «Всякій Сербъ — дворянинъ!» говоритъ съ гордостью Сербъ. Это шляхетское чувство собственнаго достоинства, распространенное на весь народъ. И дѣйствительно, хотя Сербы простодушнѣе и симпатичнѣе, прямѣе Болгаръ, но они очень горды и заносчивы.

Въ Турецкихъ провинціяхъ Сербскаго племени было до послѣдняго времени мѣстное Мусульманское дворянство Славянской крови; но оно численностью ничтожно, и обстоятельства ведутъ Турцію все больше и больше ко всеобщему уравненію правъ, и сами эти Беи Босанскіе, начиная нѣсколько болѣе противу прежняго сознавать свое Славянское происхожденіе, скоро впадутъ въ совершенное безсиліе отъ внутренняго разрыва, отъ противоположныхъ вліяній народности и Мусульманизма на ихъ совѣсть и на ихъ интересы.

Вообще этотъ дворянскій элементъ Мусульманства Славянскаго не важенъ.

Черногорія, можетъ быть, очень важна въ стратегическомъ отношеніи для Славянъ, въ случаѣ борьбы съ Турціей, или съ Австріей, но политически она такъ мала и государственно такъ проста и патріархальна, что о ней можно бы здѣсь и вовсе не говорить.

Дворянскаго элемента здѣсь тоже нѣтъ; воспитанія аристократическаго и тѣмъ болѣе; власть Князя очень ограничена. Черногорцы привыкли къ самоуправству, которому также не трудно перейти въ демократическое самоуправленіе, какъ воинственному и патріархальному горцу стать въ наше время горцомъ утилитаристомъ и буржуазнымъ, изъ юнака, или паликара, сдѣлаться и не подозрѣвая ничего, самоувѣреннымъ демагогомъ-бюргеромъ.

Орлиное гнѣздо Черногоріи очень легко можетъ стать какимъ нибудь Славянскимъ Граубиндеромъ, или Цюрихомъ.

Итакъ мы видимъ: 1. что ни у Чеховъ, ни у Хорватовъ и Далматовъ, ни у Русскихъ Галиціи, ни у Сербовъ Православныхъ, ни у Болгаръ, ни у Черногорцевъ нѣтъ теперь никакого прочнаго и національнаго привилегированнаго класса. 2. Что у всѣхъ у нихъ почти нѣтъ вовсе ни аристократическихъ преданій ни сословнаго воспитанія. 3. Что Австрійскіе Славяне во всѣхъ дѣлахъ собственно Славянскихъ руководятся національной буржуазіей, купцами, учителями, докторами, писателями и т. д.; ибо у Чеховъ старые дворянскіе роды не соединили, подобно Польскимъ вельможамъ, своихъ именъ и своихъ интересовъ съ дѣломъ національной оппозиціи, оппозиція Чешской знати, какъ я уже сказалъ выше, имѣетъ феодальную цѣль. Словаки смѣшаны съ Мадьярами, трудно отдѣлимы отъ нихъ даже умственно; если же и отдѣлимы умственно отъ обще-Угорской жизни, то развѣ въ видѣ элемента, болѣе демократическаго, чѣмъ элементъ Мадьярскій; у Русскихъ Галиціи аристократія — враждебные имъ Поляки и т. д. 4. Что у Турецкихъ Славянъ слѣды аристократическаго начала и сословнаго воспитанія еще гораздо слабѣе, чѣмъ у Австрійскихъ, и что вообще въ Турціи всѣ Христіане, и Славяне, и Греки, очень легко переходятъ изъ патріархальнаго быта въ буржуазно-либеральный, изъ героевъ Гомера и Купера въ героевъ Теккерея, Поль де Кока и Гоголя. 5. Ни у Чеховъ, ни у Хорватовъ, ни у Сербовъ, ни у Болгаръ, нѣтъ въ характерѣ той долгой Государственной выправки, которую даетъ прочное существованіе національной, популярной Монархіи. Они и безъ Парламента всѣ привыкли къ парламентарной дипломатіи, къ игрѣ разныхъ демонстрацій и т. п. У всѣхъ у нихъ уже крѣпко всосались въ кровь привычки и предразсудки, такъ называемаго, равенства и, такъ называемой, свободы.

Однимъ словомъ, общій выводъ тотъ, что, не смотря на всю разнородность ихъ прежней исторіи, не смотря на всю запутанность и противоположность ихъ интересовъ, не смотря на раздробленность свою и на довольно большое хотя и блѣдное, разнообразіе тѣхъ уставовъ и обычаевъ, подъ которыми они живутъ еще и теперь въ Австріи и Турціи (включая сюда, по ихъ малости, и оба Княжества Сербію и Черногорію) всѣ Юго-Западные Славяне безъ исключенія демократы и конституціоналисты.

Черта общая всѣмъ, при всей ихъ кажущейся блѣдной разнородности, это — расположеніе къ равенству и свободѣ, т. е., къ идеаламъ или Американскому, или Французскому, но ни какъ не Византійскому и не Великобританскому.

Раздѣлить ихъ можетъ очень многое: 1. религія (Католичество, Православіе, Мусульманство въ Босніи, быть можетъ расколъ у Болгаръ, если онъ устоитъ; ибо не только Греки, но и Сербы, не слишкомъ хвалятъ Болгаръ за ихъ эксцессы. 2. Географическое положеніе, и черезъ это торговые и другіе экономическіе интересы, такъ, на примѣръ, въ настоящее время Австрійскимъ подданнымъ выгодна свобода торговли въ Турціи и свободный ввозъ Австрійскихъ мануфактурныхъ контрафакцій. А Турецкіе подданные, и Славяне, и Греки, постоянно на это жалуются и желали бы системы покровительственной, для укрѣпленія и развитія мѣстной промышленности. 3. Нѣкоторыя историческія и военныя преданія. Такъ на примѣръ, у Сербовъ вся ненависть въ народѣ сосредоточена на Туркахъ и Нѣмцахъ, противу Грековъ они почти ничего не имѣютъ, а съ Болгарами и говорить даже разумно о Грекахъ нельзя. Православные Сербы Турціи привыкли смотрѣть на Нѣмцовъ (Австрію), какъ на самыхъ опасныхъ враговъ, а Католическіе Сербы Австріи (Хорваты, Далматы и др.) привыкли сражаться подъ знаменами Австрійскаго Государства. 4. Интересы чисто племеннаго преобладанія. На примѣръ, Болгары, пользуясь тѣмъ, что они Турецкіе подданные, пытаются уже и теперь, посредствомъ своего духовенства и своихъ учителей, оболгарить Старую Сербію (провинцію Турецкую, лежащую къ югу отъ Княжества). Сербы Княжества хотятъ отстаивать свою націю въ этой странѣ противу Болгаръ, но имъ не такъ удобно дѣйствовать, какъ Болгарамъ; ибо послѣднимъ помогаетъ, какъ своимъ людямъ, Турецкая власть. Сербамъ, сверхъ того, не можетъ слишкомъ нравиться быстрое политическое созрѣваніе Болгарской націи. Въ статьѣ моей: «Панславизмъ и Греки,» я старался доказать, что сохраненіе Турціи можетъ казаться одинаково выгоднымъ, какъ для крайнихъ Грековъ, такъ и для крайнихъ Болгаръ; ибо Болгаре хотятъ еще укрѣпиться подъ духовно-безвредной для нихъ властью Турокъ, а крайніе Греки хотѣли бы соединиться съ Турками на Босфорѣ противу Панславизма.

Сербы въ другомъ положеніи. Церковной распри у нихъ съ

Греками нѣтъ, а Болгаръ имъ бы удобнѣе было застать врасплохъ, безъ войска, безъ столицы, безъ опытныхъ Министровъ, безъ династіи, безъ сильнаго народнаго совѣта и т. д. Сербамъ Турки и Турція менѣе нужны, чѣмъ Болгарамъ и Грекамъ. Понятно, что крайній Грекъ и крайній Болгаринъ, оба для пользы, для охраны своей національности могутъ считать полезнымъ продленіе Турецкаго владычества. Но крайній, пылкій Сербъ воздерживается отъ нападенія на Турцію лишь изъ осторожности, изъ соображеній, скорѣе военныхъ, чѣмъ собственно политическихъ.

Не охрана національности, а сознаніе сравнительно военнаго безсилія своего, вотъ что удерживаетъ Сербію постоянно отъ несвоевременной войны съ Турціей. Сербіи очень было бы желательно стать Славянскимъ Піемонтомъ, какъ для Австрійскихъ, такъ и для Турецкихъ, Славянъ. И правда, что положеніе Сербіи очень похоже во многихъ отношеніяхъ на положеніе прежняго Піемонта. Малые размѣры ничего не значатъ сами по себѣ: и Римъ былъ малъ, и Бранденбургъ былъ малъ, и Московское Княжество было невелико. Нужна лишь благопріятная перестановка обстоятельствъ, счастливое сочетаніе политическихъ силъ. Съ однимъ-то изъ такихъ счастливыхъ сочетаній Сербы основательно могутъ считать (съ точки зрѣнія Сербизма своего) военное безсиліе и государственную неприготовленность сосѣдней, столь родственной, столь удобной для поглощенія и такъ великолѣпно у Босфора и при устьяхъ Дуная стоящей, Болгарской націи.

Болгары это чувствуютъ, и Сербамъ не довѣряютъ: точно также, какъ мало довѣряютъ ихъ крайніе и влiятельные дѣятели и намъ, Русскимъ, не смотря на все, доказанное дѣлами, безкорыстіе нашей политики на Востокѣ.[1]

[1]) Я боюсь, чтобы какой ни будь тонкій мудрецъ не принялъ моихъ словъ о безкорыстіи Россіи за фразу, за притворную штуку, и не потерялъ бы довѣрія къ моей искренности. Разумѣется, безкорыстной политики нѣтъ, и не должно быть. Государство не имѣетъ права, какъ лицо, на самопожертвованіе. Но дѣло въ томъ, что на востокѣ Европы корысть наша должна быть безкорыстна въ томъ смыслѣ, что въ настоящее время мы должны бояться присоединеній и завоеваній въ Европѣ, не столько изъ человѣчности, сколько для собственной внутренней силы нашей. И чѣмъ ближе къ намъ націи по крови и языку, тѣмъ болѣе

Такихъ противоположныхъ интересовъ мы найдемъ много и у Австрійскихъ Славянъ. 5. У Православныхъ Сербовъ въ Турціи есть двѣ національныя династіи—Черногорская и Сербская. И хотя и у Сербовъ, и у Черногорцевъ, не замѣтно той сознательной привычки къ безусловной покорности роднымъ династіямъ, какая видна у Русскихъ, у Турокъ, и была видна до послѣдняго времени у Пруссаковъ, но привязанность, уваженіе къ этимъ династіямъ, все таки есть. Мы видимъ, что въ настоящее время и Черногорцы и Сербы свои династіи чтутъ. По этому самому очень трудно рѣшить, который изъ двухъ домовъ, Нѣгошей ли домъ, или домъ Обреновичей, рѣшились бы принести въ жертву Православные и независимые Сербы Задунайскіе? Оказывается, что даже и монархическія, лояльныя чувства, объединяющія народъ въ другихъ мѣстахъ, у Юго-Славянъ способствуютъ нѣкоторому сепаратизму.

Кажется, я перечелъ всѣ тѣ главныя черты или историческія свойства, которыя могутъ препятствовать объединенію Юго-Западныхъ единоплеменниковъ нашихъ.

Мы видимъ, что все у нихъ разное, иногда противоположное, даже враждебное, все можетъ служить у нихъ разъединенію, все: религія, племенное честолюбіе, преданія древней славы, память вчерашняго рабства, интересы економическіе, даже монархическія чувства направлены у однихъ на Князей Черногорскихъ, у другихъ на потомство Милоша, у третьихъ на мечты о коронѣ Вячеслава и Юрія Подѣбрадскаго, у иныхъ, наконецъ, это чувство состоитъ просто въ привычной, хотя и много остывшей уже, преданности Габсбургскому Дому, или оно направлено на временное охраненіе власти Султана.

Что же есть у нихъ у всѣхъ общаго, историческаго, кромѣ племени и сходныхъ языковъ? Общее имъ всѣмъ въ наше время, это—крайне демократическое устройство общества и очень значительная привычка къ конституціонной дипло-

мы должны держать ихъ въ мудромъ отдаленіи, не разрывая связи съ ними. Идеаломъ надо ставить не слiяніе, а тяготѣніе, на разсчитанныхъ разстояніяхъ. Это я надѣюсь объяснить дальше гораздо подробнѣе. Сліяніе и смѣшеніе съ Азіятцами по этому, или, съ иновѣрными и иноплеменными, гораздо выгоднѣе, уже по одному тому, что они еще не пропитались Европеизмомъ.

матіи, къ искуственнымъ агитаціямъ, къ заказнымъ демонстраціямъ и ко всему тому что происходитъ нынѣ изъ смѣси Старо-Британскаго, личнаго и корпоративнаго, свободолюбія съ плоской равноправностью, которую выдумали въ 89 году Французы, прежде всего на гибель самимъ себѣ.

Раздѣлять Юго-Славянъ можетъ многое, объединить же ихъ и согласить безъ вмѣшательства Россіи можетъ только нѣчто общее имъ всѣмъ, нѣчто такое, что стояло бы на почвѣ нейтральной, внѣ Православія, внѣ Византизма, внѣ Сербизма, внѣ Католичества, внѣ Гуситскихъ воспоминаній, внѣ Юрія Подѣбрадскаго, внѣ Крума, Любуши и Марка Кралевича, внѣ крайне-Болгарскихъ надеждъ. Это внѣ всего этого стоящее можетъ быть только нѣчто крайне демократическое, индифферентное, отрицательное, Якобински, а не Старо-Британски конституціальное, быть можетъ даже федеративная Республика. Замѣтимъ еще въ добавокъ, что если бы такая Республика создалась по распаденіи Австріи и по удаленіи Турокъ за Босфоръ, то она вышла бы не изъ тѣхъ побужденій, изъ коихъ вышли Соединенные Штаты Америки, а изъ другихъ въ охранительномъ смыслѣ гораздо худшихъ началъ.

Люди, которые изъ старой Англіи полагали основы Штатамъ Америки, были все люди крайне религіозные, которые уступать своей горячей личной вѣры не хотѣли и не подчинялись Государственной Англиканской Епископской Церкви не изъ прогрессивнаго равнодушія, а изъ набожности.

Католики, Пуритане, Квакеры, всѣ были согласны въ одномъ—во взаимной терпимости, не по холодности, а по необходимости. И по тому Государство, созданное ими, для примиренія всѣхъ этихъ горячихъ религіозныхъ крайностей, нашло центръ тяжести своей внѣ религіи. Была вынужденная обстоятельствами терпимость, не было внутренняго индеффферентизма.

Славяне, вступая въ подобную федерацію, не внесли бы въ нее тѣхъ высокихъ чувствъ, которыя на просторѣ Новаго Свѣта одушевляли прежнихъ Европейскихъ переселенцевъ Сѣверной Америки. Они вступили бы въ эту федерацію при иныхъ условіяхъ. Тамъ, въ Америкѣ, чтобы жить согласно, нужно было, помнить о недавнихъ гоненіяхъ за личную вѣру. Здѣсь, и въ Австріи, и въ Турціи, никто уже не гонитъ серьезно ни Католичества Чеховъ и

Хорватовъ, отъ Православія Сербовъ и Болгаръ. Напротивъ того, въ послѣднее время даже Турецкіе Министры, на пр., такъ изучили нашъ церковный вопросъ, что дѣлаютъ нерѣдко Болгарамъ очень основательныя каноническія возраженія, когда тѣ слишкомъ спѣшатъ. Туркамъ иногда, для спокойствія Имперіи, приходится защищать Православіе отъ увлеченія Славянскихъ агитаторовъ.

Итакъ не религіозныя же гоненія, не общія страданія могутъ объединить въ демократической федераціи нынѣшнихъ Юго-Славянъ, а только общеплеменное сознаніе, лишенное всякаго положительнаго организующаго содержанія, лишенное всякой сложной системы *особо Славянскихъ идей.* [*]

Въ наше время легче всего помириться на Бюхнерѣ, Дарвинѣ и Молешотѣ. Передовые люди, *зная штуку, но держась черни,* по незабвенному выраженію Тредьяковскаго, могутъ, для назиданія тѣхъ соотчичей своихъ, которые къ тому времени будутъ еще вѣрить въ ту, или въ другую, Церковь, всегда притвориться, сходить къ обѣднѣ, причаститься, похвалить старину, даже изрѣдка и съ трудомъ великимъ недѣлю попоститься.

Такъ дѣлаютъ давно уже и теперь многіе вліятельные люди на Востокѣ. И Греки, и Славяне одинаково. Есть такіе, которые на 1-й недѣлѣ Великаго Поста и на Страстной дома, *для дѣтей и слугъ,* ѣдятъ и постное, а потихоньку потомъ заходятъ въ гостиницу и подкрѣпляютъ мясомъ свои просвѣщенные и прогрессивные купеческіе, учительскіе и боярскіе желудки.

То же по своему могутъ дѣлать и Католики, пока народъ простъ, и то, если это понадобится для чего нибудь.

Но строго говоря... за чѣмъ и лицемѣрить долго? Въ наше время, при быстротѣ сообщеній, при благодѣтельной гласности, при обученіи народа, при благородномъ, возвышенномъ, стремленіи *къ полной равноправности всѣхъ людей и народовъ.*

Увы! патріархальная и гомерическая поэзія Православнаго Востока угасаетъ быстро... Юнаки и паликары доживаютъ свой вѣкъ, разбойничая въ горахъ *безъ идей.* Христіанскими общинами самодержавно правитъ уже не безстрашный гайдукъ Кара-Георгій, не мудрый и стойкій свинопасъ Милошъ, не безграмотные герои Канарисъ и Боцарисъ, не Митрополиты Черногорскіе, которые умѣли сражаться и съ Турками и съ Французами.

Нынѣшній Христіанскій Востокъ вообще есть не что иное, какъ Царство, не скажу даже скептическихъ, а просто невѣрующихъ *epiciers,* для которыхъ религія ихъ соотчичей низшаго класса есть лишь удобное орудіе агитаціи, орудіе племеннаго политическаго фанатизма въ ту, или другую, сторону. Это истина и я не знаю, какое право имѣемъ мы, Русскіе, главные представители Православія во Вселенной, скрывать другъ отъ друга эту истину, или стараться искусственно забывать ее!

Двадцать лѣтъ тому назадъ еще можно было надѣяться, что *эпическія части народа* у Славянъ дадутъ свою окраску *прогрессивнымъ,* но теперь нельзя обманывать себя болѣе!

Космополитическія, разрушительныя и отрицательныя идеи, воплощенныя въ коекакъ по Европейски обученной *интеллигенціи,* ведутъ всѣ эти близкіе намъ народы съ начала къ *политической независимости,* вѣроятно, а потомъ? Потомъ, когда всѣ обособляющіе отъ космополитизма признаки блѣдны? Что будетъ потомъ? *Чисто же племенная идея,* я уже прежде сказалъ, не имѣетъ въ себѣ ничего организующаго, творческаго; она есть не что иное, какъ *частное перерожденіе космополитической идеи всеравенства и безплоднаго всеблага.* Равенство классовъ, лицъ, равенство (т. е., однообразіе) областей, равенство всѣхъ народовъ. Расторженіе всѣхъ преградъ, бурное низверженіе, или мирное, осторожное подкапываніе всѣхъ авторитетовъ религіи, власти, сословій, препятствующихъ этому равенству, это

[*] Не лишнимъ, можетъ быть, окажется здѣсь слѣдующій разсказъ, дошедшій до меня изъ вѣрныхъ источниковъ. Одинъ именитый Русскій человѣкъ, къ тому же и весьма ученый, имя котораго извѣстно и у насъ, и на Востокѣ, и въ Европѣ, имѣлъ не такъ давно разговоръ съ однимъ изъ главныхъ народныхъ Чешскихъ вождей (также, *какъ нельзя лучше,* извѣстнымъ и у насъ, и вездѣ).

Чешскій дѣятель разсыпался въ разговорѣ съ этимъ Русскимъ сановникомъ въ похвалахъ народу Русскому, особенно Правительству нашему; онъ говорилъ о своихъ симпатіяхъ къ намъ, о глубокомъ уваженіи къ нашей Монархіи.

«*Но, разумѣется,* прибавилъ онъ съ увѣренностью, *монархическая форма есть временное состояніе;* монархическая власть нигдѣ въ наше время не имѣетъ *будущности.*»

Удивительно! Откуда у людей мыслящихъ и даровитыхъ это ослѣпленіе, *вѣра въ демократическій* прогрессъ, какъ во что-то несомнѣнно хорошее? Какъ же не похвалить при этомъ Герцена, за его насмѣшки надъ *республиканской ортодоксіей!* Противорѣчія Герцена самому себѣ въ подобныхъ случаяхъ дѣлаютъ ему великую честь.

все одна и та же идея, выражается ли она въ широкихъ и обманчивыхъ претензіяхъ Чешской демократіи или въ узкихъ желаніяхъ какого ни будь мелкаго народа пріобрѣсти себѣ, во что бы то ни стало, равныя со всѣми другими націями Государственныя права.

Для насъ знаніе подобныхъ данныхъ важно. Хотимъ ли и мы предаться теченію, или желаемъ мы ревниво, жадно, фанатически, сберегать все старое, для органическаго сопряженія съ неизбѣжно новымъ, для исполненія призванія нашего въ мірѣ, призванія еще не выясненнаго намъ самимъ; во всякомъ случаѣ мы должны знать и понимать, что такое эти Славяне, внѣ насъ стоящіе.

Хотимъ ли мы, по идеалу нашихъ нигилистовъ, найти наше призваніе въ передовой разрушительной роли, опередить всѣхъ и все на поприщѣ варварскаго, животнаго космополитизма; или мы предпочитаемъ по человѣчески служить идеямъ организующимъ, дисциплинирующимъ, идеямъ внѣ нашего, субъективнаго удовольствія стоящимъ, объективнымъ идеямъ Государства, Церкви, живаго добра и поэзіи; предпочитаемъ ли мы, наконецъ, нашу собственную цѣлость и силу, чтобы обратить эту силу, когда ударитъ, понятный всѣмъ, страшный и великій часъ, на службу лучшимъ и благороднѣйшимъ началамъ Европейской жизни, на службу этой самой великой, старой Европѣ, которой мы столько обязаны и которой хорошо бы заплатить добромъ? И въ томъ и въ другомъ случаѣ надо понять хорошо все, окружающее насъ.

Не льстить надо Славянамъ, не обращаться къ нимъ съ вѣчной улыбкой любезности; нѣтъ! надо изучать ихъ и если можно, если удастся, учить ихъ даже, какъ людей отсталыхъ по уму, не смотря на кажущуюся ихъ прогрессивность, и даже на ученость нѣкоторыхъ изъ нихъ. Ученость сама по себѣ, одна, еще не есть умъ.

Прежде же всего не надо обманывать свое Русское общество, не надо оставлять его въ пріятномъ туманѣ, изъ за какой-то, вовсе не обязательной въ литературѣ, лестной политики!

ГЛАВА VI.

ЧТО ТАКОЕ ПРОЦЕССЪ РАЗВИТІЯ?

Теперь мнѣ предстоитъ оставить на время и Славянъ и наше Русское Византійство и отвлечься отъ главнаго моего предмета очень далеко.

Я постараюсь, однако, на сколько есть у меня умѣнья, быть краткимъ.

Я спрошу себя прежде всего, что значитъ слово «развитіе» вообще? Его недаромъ употребляютъ безпрестанно въ наше время. Человѣческій умъ въ этомъ отношеніи, вѣроятно, на хорошей дорогѣ, онъ прилагаетъ, можетъ быть, очень вѣрно идею, выработанную реальными, естественными, науками къ жизни психической, къ исторической жизни отдѣльныхъ людей и обществъ.

Говорятъ безпрестанно «Развитіе ума, науки, развивающійся народъ, развитый человѣкъ развитіе грамотности, законы развитія историческаго, дальнѣйшее развитіе нашихъ учрежденій и т. д.».

Все это хорошо. Однако есть при этомъ и ошибки. Именно при внимательномъ разборѣ, видимъ, что слово развитіе иногда употребляется для обозначенія вовсе разнородныхъ процессовъ, или состояній. Такъ, на пр., развитый человѣкъ часто употребляется въ смыслѣ ученый, начитанный, или образованный человѣкъ. Но это совсѣмъ не одно и то же. Образованный сформированный, выработанный разнообразно человѣкъ, и человѣкъ ученый—понятія разныя. Фаустъ—вотъ развитый человѣкъ, а Вагнеръ у Гете—ученый но вовсе не развитый.

Еще примѣръ. Развитіе грамотности въ народѣ мнѣ кажется вовсе не подходящее выраженіе.

Распространеніе, развитіе грамотности—дѣло другое. Распространеніе грамотности, распространеніе пьянства, распространеніе холеры, распространеніе благоправія, трезвости, бережливости, распространеніе желѣзныхъ путей и т. д. Всѣ эти явленія представляютъ намъ развитіе чего-то однороднаго, общаго, простаго

Идея же развитія собственно соотвѣтствуетъ въ тѣхъ реальныхъ, точныхъ наукахъ, изъ которыхъ она перенесена въ исто-

рическую область нѣкоему сложному процессу и, наконецъ, нерѣдко вовсе противоположному съ процессомъ распространенія, развитія, процессу, какъ бы враждебному этому послѣднему процессу.

Присматриваясь ближе къ явленіямъ органической жизни, изъ наблюденій которой именно и взялась эта идея развитія, мы видимъ, что процессъ развитія въ этой органической жизни значитъ вотъ что.

Постепенное восхожденіе отъ простѣйшаго къ сложнѣйшему, постепенная индивидуализація, обособленіе, съ одной стороны, отъ окружающаго міра, а съ другой отъ сходныхъ и родственныхъ организмовъ, отъ всѣхъ сходныхъ и родственныхъ явленій.

Постепенный ходъ отъ безцвѣтности, отъ простоты, къ оригинальности и сложности.

Постепенное осложненіе элементовъ составныхъ, богатство внутренняго и въ то же время постепенное укрѣпленіе единства.

Такъ что высшая точка развитія не только въ органическихъ тѣлахъ, но и вообще въ органическихъ явленіяхъ, есть высшая степень сложности, объединенная нѣкіимъ внутреннимъ деспотическимъ единствомъ.

Самый ростъ травы, дерева, животнаго и т. д., есть уже осложненіе; только говоря ростъ, мы имѣемъ въ виду преимущественно количественную сторону, а не качественную, не столько измѣненіе формы, сколько измѣненіе размѣровъ.

Содержаніе при ростѣ количественно осложняется. Трава, положимъ, еще не дала ни цвѣтовъ, ни плода, но она поднялась, выросла значитъ, если намъ незамѣтно было никакого въ ней ни внутренняго (микроскопическаго), ни внѣшняго, видимаго глазу, морфологическаго измѣненія, обогащенія, но мы имѣемъ все таки право сказать, что трава стала сложнѣе; ибо количество ячеекъ и волоконъ у нея умножилось.

Къ тому же ближайшее наблюденіе показываетъ, что всегда при процессѣ развитія есть непрестанное, хоть какое ни будь, измѣненіе и формы, какъ въ частностяхъ (на пр., въ величинѣ, видѣ самихъ ячеекъ и волоконъ), такъ и въ общемъ (т. е., что появляются новыя вовсе черты, дотолѣ не бывалыя въ картинѣ всецѣлаго организма).

То же и въ развитіи животнаго тѣла или въ развитіи человѣческаго организма и даже въ развитіи духа, человѣческаго характера.

Я сказалъ не только цѣлые организмы, но и всѣ органическіе процессы и всѣ части организмовъ, одним словомъ всѣ органическія явленія подчинены тому же закону.

Возьмемъ для примѣра хоть какую-нибудь болѣзнь. Положимъ, хоть воспаленіе легкихъ (Pneumonia). Начинается она большею частью просто, такъ просто, что его нельзя строго отличить въ началѣ отъ простой простуды, отъ Bronchitis, отъ Pleuritis и отъ множества другихъ и опасныхъ и ничтожныхъ, болѣзней. Недомоганіе, жаръ, боль въ груди, или въ боку, кашель. Если бы въ эту минуту человѣкъ умеръ отъ чего ни будь другого (на пр., если бы его застрѣлили), то и въ легкихъ нашли бы мы очень мало измѣненій, очень мало отличій отъ другихъ легкихъ. Болѣзнь не развита, не сложна еще, и по тому и не индивидуализирована и не сильна (еще не опасна, не смертоносна, еще мало вліятельна). Чѣмъ сложнѣе становится картина, тѣмъ въ ней больше разнообразныхъ отличительныхъ знаковъ, тѣмъ она легче индивидуализируется, [illegible] отдѣляется, а съ другой стороны, тѣмъ и на все сильнѣе, всевліятельнѣе. Прежніе признаки еще остаются, жаръ, боль,

[13] Я опасаюсь здѣсь упрека за длинноту и подробность того, что иные готовы счесть обыкновеннымъ уподобленіемъ.

Уподобленіе простое не только краситъ рѣчь, но даже дѣлаетъ главный предметъ болѣе доступнымъ и яснымъ, если оно умѣстно и кратко. Длинныя же, утомительныя, уподобленія только путаютъ и отягчаютъ мысль.

Но я спѣшу сознаться, что я имѣю здѣсь (быть можетъ и непозволительную) претензію на нѣчто гораздо большее, чѣмъ уподобленіе: я имѣю претензію предложить нѣчто въ родѣ гипотезы для спеціальной, исторической, науки.

Правъ ли я, или нѣтъ, хорошо ли я выразилъ мою мысль или худо — это другой вопросъ. Я хочу только предупредить, что дѣло здѣсь не въ уподобленіяхъ, а въ желаніи указать на то, что законы развитія и паденія Государствъ по видимому, въ общихъ чертахъ однородны не только съ законами органическаго міра, но и вообще съ законами возникновенія, существованія и гибели (Entstehen, Dasein und Vergehen) всего того сущаго, что намъ доступно.

горячка, слабость, кашель, удушье и т. д., но есть еще и новыя мокроты, окрашенныя, смотря по случаю, отъ кирпичнаго до ржаваго цвѣта. Выслушиваніе даетъ, наконецъ, специфическій rhonchus crepitans. Потомъ приходитъ минута, когда картина наиболѣе сложна: въ одной части легкихъ простой ronchus subcrepitans, свойственный и другимъ процессамъ, въ другой ronchus crepitans (подобный нѣжному треску волосъ, которые мы будемъ растирать медленно около уха), въ третьемъ мѣстѣ выслушиваніе груди даетъ бронхіальное дыханіе souffle tubaire, на подобіе дуновенія въ какую-нибудь трубку: это, опеченіе легкихъ, воздухъ проходитъ вовсе. Наконецъ можетъ случиться, что рядомъ съ этимъ будетъ и нарывъ, пещера, и тогда мы услышимъ и увидимъ еще новыя явленія, встрѣтимъ еще болѣе сложную картину. То же самое намъ дадутъ и вскрытія — силу, сложность, индивидуализацію. Далѣе, если дѣло идетъ къ выздоровленію организма, то картина болѣзни упрощается.

Если же дѣло къ побѣдѣ болѣзни, то, напротивъ, упрощается, или вдругъ, или постепенно, картина самого организма.

Если дѣло идетъ къ выздоровленію, то сложность и разнообразіе признаковъ, составлявшихъ картину болѣзни, мало по малу уменьшаются. Мокрота становится обыкновеннѣе (менѣе индивидуализирована); хрипы переходятъ въ болѣе обыкновенные, схожіе съ хрипами другихъ кашлей; жаръ спадаетъ, опеченіе разрѣшается, т. е., легкія становятся опять однороднѣе, однообразнѣе.

Если дѣло идетъ къ смерти, начинается упрощеніе организма. Предсмертные, послѣдніе часы у всѣхъ умирающихъ сходнѣе, проще, чѣмъ середина болѣзни. Потомъ слѣдуетъ смерть, которая, сказано давно, всѣхъ равняетъ. Картина трупа малосложнѣе картины живого организма; въ трупѣ все мало по малу сливается, просачивается, жидкости застываютъ, плотныя ткани рыхлѣютъ, всѣ цвѣта тѣла сливаются въ одинъ зеленовато-бурый. Скоро уже трупъ будетъ очень трудно отличить отъ другого трупа. Потомъ упрощеніе и смѣшеніе составныхъ частей, продолжаясь, переходитъ все болѣе и болѣе въ процессъ разложенія, расплавленія, расторженія, разлитія въ окружающемъ. Мягкія части трупа, распадаясь, разлагаясь на свои химическія составныя части, доходятъ до крайней

неорганической простоты, утерявъ уже всякую форму, и скоро разливаются въ окружающемъ мірѣ, распространяются. Кости, благодаря большей силѣ внутренняго сцѣпленія извести, составляющей ихъ основу, переживаютъ все остальное, но и онѣ при благопріятныхъ условіяхъ скоро распадаются сперва на части, а потомъ и въ болѣе неорганическій и безразличный прахъ.

Итакъ, что бы развитое мы ни взяли, болѣзни ли (органическій сложный и единый процессъ), или живое цвѣтущее тѣло (сложный и единый организмъ), мы увидимъ одно, что разложенію и смерти второго (организма) и уничтоженію перваго (процесса) предшествуютъ явленія упрощенія составныхъ частей, уменьшеніе числа признаковъ, ослабленіе единства, силы и вмѣстѣ съ тѣмъ смѣшеніе. Все постепенно понижается, мѣшается, сливается, а потомъ уже распадается и гибнетъ, переходя въ нѣчто общее, не собою уже и не для себя существующее.

Передъ окончательной гибелью индивидуализація, какъ частей, такъ и цѣлаго, слабѣетъ. Гибнущее становится и однообразнѣе внутренно, и ближе къ окружающему міру, и сходнѣе съ родственными, близкими ему, явленіями.

Такъ, яички всѣхъ самокъ и внутренно малосложны и ближе къ организму матери, чѣмъ будутъ близки зародыши, и сходнѣе со всякими другими животными и растительными первоначальными ячейками.

Разные животные зародыши отдѣльнѣе яичекъ, имѣютъ уже больше ихъ микроскопическихъ отличій другъ отъ друга, они уже менѣе сходны. Утробные зрѣлые плоды еще разнороднѣе и еще болѣе отдѣльны. Это оттого, что они и единѣе, т. е., развитѣе.

Младенцы, дѣти, еще сложнѣе и разнороднѣе; юноши, взрослые люди, до впаденія въ дряхлость, еще и еще развитѣе. Въ нихъ все больше и больше (по мѣрѣ и степени развитія) сложности и внутренняго единства, и по тому больше отличительныхъ признаковъ, больше отдѣльности, независимости отъ окружающаго, больше своеобразія, самобытности.

И это, повторяемъ, относится не только къ организмамъ, но и къ частямъ ихъ, къ системамъ (нервной, кровеносной и т. д.), къ аппаратамъ (пищеварительному, дыхательному и т. д.);

отношеніи и къ процессамъ нормальнымъ и патологическимъ, также и къ тѣмъ идеальнымъ, научнымъ собирательнымъ единицамъ, которыя зовутся видъ, родъ, классъ и т. д. Чѣмъ выше, чѣмъ развитѣе видъ, родъ, классъ, тѣмъ разнообразнѣе отдѣлы (части, ихъ составляющія), а собирательное цѣлое все таки весьма едино и естественно. Такъ собака домашняя животное весьма развитое; по этому то, отдѣленіе млекопитающихъ, которое извѣстно подъ названіемъ домашняя собака—отдѣленіе весьма полное, имѣющее чрезвычайно много разнообразныхъ представителей. Родъ кошекъ (въ широкомъ смыслѣ), четверорукія (обезьяны), позвоночныя, представляютъ, при всемъ своемъ необычайномъ разнообразіи, чрезвычайное единство общаго плана. Это все отдѣленія весьма развитыхъ животныхъ, весьма богатыхъ зоологическимъ содержаніемъ, индивидуализированныхъ, богатыхъ признаками.

То же самое мы можемъ наблюдать и въ растительныхъ организмахъ, процессахъ, органахъ, и въ растительной классификаціи по отдѣламъ, по собирательнымъ единицамъ.

Все въ началѣ просто, потомъ сложно, потомъ вторично упрощается, сперва уравниваясь и смѣшиваясь внутренно, а потомъ еще болѣе упрощаясь отпаденіемъ частей и общимъ разложеніемъ, до перехода въ неорганическую «Нирвану.»

При дальнѣйшемъ размышленіи мы видимъ, что этотъ тріединый процессъ свойственъ не только тому міру, который зовется собственно органическимъ, но, можетъ быть, и всему, существующему въ пространствѣ и времени. Можетъ быть онъ сходенъ и небеснымъ тѣламъ, и исторіи развитія ихъ минеральной коры, и характерамъ человѣческимъ; онъ ясенъ въ ходѣ развитія искуствъ, школъ живописи, музыкальныхъ и архитектурныхъ стилей, въ философскихъ системахъ, въ исторіи религій, и наконецъ въ жизни племенъ, государственныхъ организмовъ и цѣлыхъ культурныхъ міровъ.

Я не могу распространяться здѣсь долго и развивать подробно мою мысль. Я ограничусь только нѣсколькими краткими примѣрами и объясненіями. На примѣръ, для небеснаго тѣла: а) періодъ первоначальной простоты: расплавленное небесное тѣло, однообразно жидкое, б) періодъ срединный то состояніе, которое можно назвать вообще цвѣтущей слож-

ностью: планета покрытая корою, водою, материками, растительностью, обитаемая пестрая; в) періодъ вторичной простоты остывшее или вновь въ слѣдствіе катастрофы расплавленное тѣло и т. д.

Мы замѣтимъ то же и въ исторіи искуствъ: а) періодъ первоначальной простоты: циклопическія постройки, конусообразныя могилы Этрусковъ (послужившія впрочемъ исходнымъ образцомъ для куполовъ и вообще для круглыхъ линій развитой Римской архитектуры), избы Русскихъ крестьянъ, Дорическій орденъ и т. д., эпическія пѣсни первобытныхъ племенъ, лирика дикихъ, первоначальная иконопись, лубочныя картины и т. д. б) періодъ цвѣтущей сложности: Парѳенонъ, храмъ Ефесской Діаны (въ которомъ даже на колоннахъ были изваянія), Страсбургскій, Реймскій, Миланскій Соборы, Св. Петра, Св. Марка, Римскія великія зданія, Софоклъ, Шекспиръ, Дантъ, Байронъ Рафаэль, Микель-Анжело, и т. д. в) періодъ смѣшенія, перехода во вторичное упрощеніе, упадка, замѣны другимъ: всѣ зданія переходныхъ эпохъ, Романскій стиль (до начала Готическаго и отъ паденія Римскаго), всѣ нынѣшнія утилитарныя постройки, казармы, больницы, училища, станціи желѣзныхъ дорогъ и т. д. Въ архитектурѣ единство есть то, что зовутъ стиль. Въ цвѣтущія эпохи постройки разнообразны въ предѣлахъ стиля, нѣтъ ни эклектическаго смѣшенія, ни бездарной старческой простоты. Въ поэзіи тоже: Эсхилъ и Еврипидъ — всѣ одного стиля; въ послѣдствіи все, съ одной стороны, смѣшивается эклектически и холодно, понижается и падаетъ.

Примѣромъ вторичнаго упрощенія всѣхъ прежнихъ Европейскихъ стилей можетъ служить современный реализмъ литературнаго искуства. Въ немъ есть нѣчто и эклектическое, смѣшанное, и приниженное, количественно низшее, плоское. Типическіе представители великихъ стилей поэзіи всѣ чрезвычайно несходны между собою: у нихъ чрезвычайно много внутренняго содержанія, много отличительныхъ признаковъ, много индивидуальности. Въ нихъ много и того, что принадлежитъ вѣку (содержаніе), и того, что принадлежитъ имъ самимъ, ихъ личности, тому единству духа личнаго, которое они вносили въ разнообразіе содержанія. Таковъ Дантъ, Шекспиръ, Корнель, Расинъ, Байронъ, Вальтеръ-Скоттъ, Гете, Шиллеръ

Въ настоящее время, особливо послѣ 48 года, все смѣшаннѣе и сходнѣе между собою: общій стиль, отсутствіе стиля, и отсутствіе субъективнаго духа, любви, чувства. Диккенсъ въ Англіи и Жоржъ Сандъ во Франціи (я говорю про старыя ея вещи), какъ они ни различны другъ отъ друга, но были оба послѣдними представителями сложнаго единства, силы богатства, теплоты. Реализмъ простой наблюдательности уже по тому бѣднѣе, проще, что въ немъ уже нѣтъ автора, нѣтъ личности, вдохновенія, по этому онъ пошлѣе, демократичнѣе, доступнѣе всякому бездарному человѣку, и пишущему и читающему.

Нынѣшній объективный безличный реализмъ есть вторичное упрощеніе, послѣдовавшее за теплой объективностью Гёте, Вальтеръ-Скотта, Диккенса и прежняго Жоржъ-Санда, больше ничего.

Пошлыя общедоступныя оды, мадригалы и эпопеи прошлаго вѣка, были подобнымъ же упрощеніемъ, пониженіемъ предыдущаго Французскаго классицизма, высокаго классицизма Корнелей, Расиновъ и Мольеровъ.

Въ исторіи философіи то же: а) первобытная простота: простыя изреченія народной мудрости, простыя начальныя системы (Ѳалесъ, средневѣковые схоластики и т. п.); б) цвѣтущая сложность: Сократъ, Платонъ, Стоики, Эпикурейцы, Пиѳагоръ, Спиноза, Лейбницъ, Декартъ, Кантъ, Фихте, Шеллингъ, Гегель; в) вторичное упрощеніе, смѣшеніе и исчезновеніе, переходъ въ совершенно иное: эклектики, безличные смѣсители всѣхъ временъ (Кузенъ); потомъ Реализмъ феноменальный, отвергающій отвлеченную философію, метафизику: матеріалисты, деисты, атеисты. Реализмъ очень простъ; ибо онъ даже и не система, а только методъ, способъ: онъ есть смерть предыдущихъ системъ. Матеріализмъ же есть безспорно система, но, конечно, самая простая; ибо ничего не можетъ быть проще и грубѣе, малосложнѣе, какъ сказать, что все, вещество и что нѣтъ ни Бога, ни духа, ни безсмертія души, ибо мы этого не видимъ и не трогаемъ руками. Въ наше время это вторичное упрощеніе философіи доступно не только образованнымъ юношамъ, стоящимъ еще, по лѣтамъ своимъ, на степени первобытной простоты, на степени незрѣлыхъ яблокъ, или семинаристамъ циклопической постройки, но даже Парижскимъ работникамъ, трактирнымъ лакеямъ и т. п. Матеріализмъ всегда почти

сопровождаетъ реализмъ. Хотя реализмъ самъ по себѣ еще не требуетъ этого, но даетъ права ни на атеизмъ, ни на матеріализмъ; реализмъ только отвергаетъ всякую систему, всякую метафизику; реализмъ есть отчаяніе, самооскопленіе, вотъ почему онъ упрощеніе.

Но матеріализмъ, съ своей стороны, есть послѣдняя изъ системъ послѣдней эпохи: онъ царствуетъ до тѣхъ поръ, пока тотъ же реализмъ не съумѣетъ и ему твердо сказать свое скептическое слово. За скептицизмомъ и реализмомъ обыкновенно слѣдуетъ возрожденіе: одни люди переходятъ къ новымъ идеальнымъ системамъ, у другихъ является пламенный поворотъ къ религіи. Такъ было въ древности; такъ было въ началѣ нашего вѣка, послѣ реализма и матеріализма XVIII столѣтія.

И метафизика и религія остаются реальными силами, дѣйствительными, несокрушимыми, потребностями человѣчества.

Тому же закону подчинены и государственные организмы, и цѣлые культуры міра. И у нихъ очень ясны эти три періода: первичной простоты, цвѣтущей сложности и вторичнаго смѣсительнаго упрощенія. Объ нихъ я повторю особо, дальше.

ГЛАВА VII.

О государственной формѣ.

Я кончилъ предыдущую главу слѣдующей мыслью.

«Тріединый процессъ: 1) первоначальной простоты, 2) цвѣтущаго объединенія и сложности, и 3) вторичнаго смѣсительнаго упрощенія, свойственъ, точно также, какъ и всему существующему, и жизни человѣческихъ обществъ, государствамъ и цѣлымъ культурнымъ мірамъ.

Развитіе Государства сопровождается постоянно выясненіемъ, обособленіемъ, свойственной ему, политической формы; паденіе выражается разстройствомъ этой формы, большей общностью съ окружающимъ.

Прежде всего спрошу себя: «Что такое форма?»

Форма вообще есть выраженіе идеи, заключенной въ на-

теріи (содержанія). Она есть отрицательный моментъ явленія, матерія — положительный. Въ какомъ это смыслѣ? Матерія на пр., данная намъ, есть стекло, форма явленія — стаканъ, цилиндрическій сосудъ, полый внутри; тамъ, гдѣ кончается стекло, тамъ, гдѣ его уже нѣтъ, начинается воздухъ вокругъ, или жидкость внутри, сосуда; дальше матерія стекла не можетъ идти, не смѣетъ, если хочетъ остаться вѣрна основной идеѣ своей полаго цилиндра, если не хочетъ перестать быть стаканомъ.

Форма есть деспотизмъ внутренней идеи, не дающій матеріи разбѣгаться. Разрывая узы этого естественнаго деспотизма, явленіе гибнетъ.

Шарообразная, или эллиптическая, форма, которую принимаетъ жидкость при нѣкоторыхъ условіяхъ, есть форма, есть деспотизмъ внутренней идеи.

Кристаллизація есть деспотизмъ внутренней идеи. Одно вещество должно, при извѣстныхъ условіяхъ, оставаясь само собою, кристаллизоваться призмами, другое октоэдрами и т. п.

Иначе они не смѣютъ, иначе они гибнутъ, разлагаются.

Растительная и животная морфологія есть также не что иное, какъ наука о томъ, какъ оливка не смѣетъ стать дубомъ, какъ дубъ не смѣетъ стать пальмой и т. д.; имъ съ зерна предуставлено имѣть такія, а не другія, листья, такіе, а не другіе, цвѣты и плоды.

Человѣкъ, высѣкая изъ камня, или выливая изъ бронзы (изъ матеріи), статую, человѣкъ, вытачивая изъ слоновой кости шаръ, сшивая и сшивая изъ лоскутковъ искуственный цвѣтокъ, вдаетъ извнѣ въ матерію свою идею, подкарауленную имъ у природы.

Устроивая машину, онъ дѣлаетъ то же. Машина рабски повинуется, отчасти идеи, вложенной въ нее извнѣ человѣческой мыслью, отчасти своему внутреннему закону, своему физико-химическому строю, своей физико-химической основной идеѣ. Нельзя, на пр., изъ льда сдѣлать такую прочную машину, какъ изъ мѣди и желѣза.

Съ другой стороны изъ камня нельзя сдѣлать такой естественный цвѣтокъ, какъ изъ бархата, или кисеи.

Тотъ, кто хочетъ быть истиннымъ реалистомъ именно тамъ, гдѣ нужно, тотъ долженъ бы разсматривать и общества чело-

вѣческія съ подобной точки зрѣнія. Но обыкновенно дѣлается не такъ (свобода, равенство, права, благоденствіе, особенно это благоденствіе), принимаются какими-то догматами вѣры и увѣряютъ, что это очень раціонально и научно.

Да кто же сказалъ, что это правда?

Соціальная наука едва родилась, а люди, пренебрегая опытомъ вѣковъ и примѣрами той же простой вещи, что между эгалитарно-либеральнымъ поступательнымъ движеніемъ и идеей развитія нѣтъ ничего логически родственнаго, даже болѣе: эгалитарно-либеральный процессъ есть антитеза процессу развитія. При послѣднемъ внутренняя идея держитъ крѣпко общественный матеріалъ въ своихъ организующихъ, деспотическихъ объятіяхъ, и ограничиваетъ его разбѣгающіяся, расторгающія, стремленія.

Прогрессъ же, борющійся противу всякаго деспотизма, сословій, цеховъ, монастырей, даже богатства и т. п., есть не что иное, какъ процессъ разложенія, процессъ того вторичнаго укрощенія цѣлаго и смѣшенія составныхъ частей, о которомъ я говорилъ выше, процессъ сглаживанія морфологическихъ очертаній, процессъ уничтоженія тѣхъ особенностей, которыя были органически (т. е., деспотически) свойственны общественному тѣлу.

Явленія эгалитарно-либеральнаго прогресса сходны съ явленіями горѣнія, гніенія, таянія льда, менѣе воды свободнаго, ограниченнаго кристаллизацией они сходны съ явленіями, на пр., холернаго процесса, который постепенно обращаетъ весьма различныхъ людей, сперва въ болѣе однообразные группы (равенство), потомъ въ совершенно почти схожіе (равенство), еще большіе, остовы, и наконецъ, въ свободные (относительно, конечно): азотъ, водородъ, кислородъ и т. д.

(On est déborde, говорятъ многіе, это дѣло другое. On est déborde и холерой. Но по чему же холеру не назвать по имени? За чѣмъ ее звать молодостью, возрожденіемъ, развитіемъ, организаціей?)

При всѣхъ этихъ процессахъ гніенія, горѣнія, таянія холернаго поступательнаго движенія, замѣтны однѣ и тѣ же общія явленія

а. Утрата особенностей, отличавшихъ доколѣ деспоти-

чески сформированнаго цѣлаго дерева, животнаго, цѣлой ткани, цѣлаго кристалла и т. д.

б. Большее, противу прежняго, сходство составныхъ частей, большее внутреннее равенство, большее однообразіе состава и т. п.

в. Утрата прежнихъ строгихъ морфологическихъ очертаній: все сливается, все свободнѣе и ровнѣе.

Итакъ, какое дѣло честной, исторической реальной наукѣ до неудобствъ, до потребностей, до деспотизма, до страданій?

Къ чему эти не научныя сентиментальности, столь выдохшіяся въ наше время, столь прозаическія въ добавокъ, столь бездарныя? Что мнѣ за дѣло въ подобномъ вопросѣ до самыхъ стоновъ человѣчества?

Какое научное право я имѣю думать о конечныхъ причинахъ, о цѣляхъ, о благоденствіи, на пр., прежде серьезнаго, долгаго и бестрастнаго, изслѣдованія?

Гдѣ эти не догматическія, бестрастныя, скажу даже, въ прогрессивномъ отношеніи, безнравственныя изслѣдованія? Гдѣ они? Они существуютъ, положимъ, хотя и весьма не совершенныя еще, но только именно не для демократовъ, не для прогрессистовъ.

Какое мнѣ дѣло, въ болѣе, или менѣе, отвлеченномъ изслѣдованіи не только до чужихъ, но и до моихъ собственныхъ неудобствъ, до моихъ собственныхъ стоновъ и страданій?

Государство есть, съ одной стороны, какъ бы дерево, которое достигаетъ своего полнаго роста, цвѣта и плодоношенія, повинуясь нѣкоему таинственному, независящему отъ насъ, деспотическому повелѣнію внутренней, вложенной въ него, идеи. Съ другой стороны, оно есть машина и, сдѣланная людьми полусознательно, и содержащая людей, какъ части, какъ колеса, рычаги, винты, атомы, и наконецъ, машина, выработывающая, образующая людей. Человѣкъ въ Государствѣ есть въ одно и то же время и механикъ, и колеса, или винтъ, и продуктъ общественнаго организма.

На которое бы изъ Государствъ древнихъ и новыхъ мы ни взглянули, у всѣхъ найдемъ одно и то же общее: простоту и однообразованіе въ началѣ, больше равенства и больше сво-

боды (по крайней мѣрѣ фактической, если не юридической свободы), чѣмъ будетъ послѣ. [illegible] третьей стадіи мы находимъ, что все [illegible] и не совсѣмъ.

Взглянувъ на растеніе [illegible] мы [illegible] знаемъ хорошо, что изъ него будетъ. [illegible] Потомъ мы видимъ большее, или меньшее, укрѣпленіе власти, болѣе глубокое, или менѣе рѣзкое (смотря по задаткамъ первоначальнаго строенія), раздѣленіе сословій, большее разнообразіе быта и разнохарактерность областей.

Вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивается, съ одной стороны, богатство, съ другой бѣдность, съ одной стороны ресурсы наслажденія разнообразятся, [illegible] ощущеній и потребностей порождаютъ больше страданій, больше грусти, больше ошибокъ и больше великихъ дѣлъ, больше поэзіи и больше комизма, подвиги образованныхъ — Ѳемистокла, Ксенофонта, Александра, крупнѣе и симпатичнѣе простыхъ и грубыхъ подвиговъ Одиссеевъ и Ахилловъ. Являются Софоклы, появляются и Аристофаны, являются вопли Корнелей и смѣхъ Мольеровъ. У иныхъ Софоклъ и Аристофанъ, Корнель и Мольеръ, сливаются въ одного Шекспира, или Гёте.

Вообще въ эти сложныя цвѣтущія эпохи есть какая бы то ни было аристократія, политическая, съ правами и положеніемъ, или только бытовая (т. е.) только съ положеніемъ безъ рѣзкихъ правъ или еще чаще стоящая на границѣ политической и бытовой. Эвпатриды Аѳинъ, феодальные Сатрапы Персіи, Оптиматы Рима, Маркизы Франціи, Лорды Англіи, Воины Египта, Спартіаты Лаконіи, знатные Дворяне Россіи, Паны Польши, Беи Турціи.

Въ то же время, по внутренней потребности единства, есть наклонность и къ единоличной власти, которая по праву или только по факту, но всегда крѣпнетъ въ эпоху цвѣтущей сложности. Являются великіе замѣчательные Диктаторы, Императоры, Короли, даже хоть геніальные Демагоги и Тираны (въ Древне-Еллинскомъ смыслѣ) Периклы, Ѳемистоклы и т. п.

Между Перикломъ диктакторомъ, [illegible] и законнымъ самодержцемъ по наслѣдству [illegible] властителей, въ которыхъ ощущается потребность вездѣ въ сложныя и цвѣту-

щія эпохи, для объединенія всѣхъ составныхъ частей, всѣхъ общественно реальныхъ силъ, полныхъ жизни и броженія.

Провинціи въ это время также всегда разнообразны по быту, правамъ и законамъ. Дерево выразило вполнѣ свою внутреннюю морфологическую идею...

А страданія? Страданія сопровождаютъ одинаково и процессъ роста и развитія, и процессъ разложенія.

Все болитъ у древа жизни людской...

Болитъ начальное прозябаніе зерна. Болятъ первые всходы, болитъ ростъ стебля и ствола, развитіе листьевъ и распусканіе пышныхъ цвѣтовъ; аристократія и искуства сопровождаются стонами и слезами. Болятъ одинаково эгалитарный быстрый процессъ гніенія и процессъ медленнаго высыханія, застоя, нерѣдко предшествующій эгалитарному процессу. Боль для соціальной науки, это самый послѣдній изъ признаковъ, самый неуловимый; ибо онъ субъективенъ, и вѣрная статистика страданій, точная статистика чувствъ, не возможна будетъ до тѣхъ поръ, пока для чувствъ радости, равнодушія и горя, не изобрѣтутъ какое ни будь графическое изображеніе, какое ни будь объективное мѣрило, подобно тому, какъ, вовсе неожиданно, открыли, что спектральный анализъ можетъ обнаружить просто, въ моей комнатѣ, химическій составъ небесныхъ тѣлъ, отдаленныхъ на безконечныя отъ меня пространства!

Раскройте медицинскія книги, о друзья реалистовъ, и вы въ нихъ найдете, до чего музыкальное, субъективное мѣрило боли считается маловажнѣе суммы всѣхъ другихъ, пластическихъ, объективныхъ, признаковъ; картина организма, являющаяся передъ очами врача-физіолога, вотъ что важно, а не чувство не понимающаго и подкупленнаго больного! Ужасныя невралгіи, приводящія больныхъ въ отчаяніе, не мѣшаютъ имъ жить долго и совершать дѣла, а тихая, почти безболѣзненная, гангрена сводитъ ихъ въ гробъ въ нѣсколько дней.

Вмѣсто того, чтобы, или наивно, или нечестно, становиться въ виду какого-то конечнаго блага, на разныя предвзятыя точки зрѣнія, коммунистическую, демократическую, либеральную, консервативную и т. д., научнѣе было бы подвергать всѣ одинаковой, безстрастной, безжалостной, оцѣнкѣ, и если бы итогъ вышелъ либо либеральный, либо охранительный, либо сословный, либо

безсословный, то не мы, такъ сказать, были бы виноваты, а сама наука.

Статистики нѣтъ ни какой для субъективнаго блаженства отдѣльныхъ лицъ; никто не знаетъ, при какомъ правленіи люди живутъ пріятнѣе. Бунты и революціи мало доказываютъ въ этомъ случаѣ. Многіе веселятся бунтомъ. Современные намъ Критяне, на пр., жили положительно лучше хоть бы Ѳракійскихъ Болгаръ и Грековъ, и несравненно веселѣе и пріятнѣе небогатыхъ жителей какихъ бы то ни было большихъ городовъ. Человѣкъ добросовѣстный, живой, неподкупленный политикой, не слѣпой, наконецъ, былъ пораженъ цвѣтущимъ видомъ Критянъ, ихъ красотой, здоровьемъ, скромной чистотою ихъ жилищъ, ихъ прелестной, честной, семейной жизнью, пріятной самоувѣренностью и достоинствомъ ихъ походки и пріемовъ... И вотъ они, прежде другихъ Турецкихъ подданныхъ, возстали, воображая себя самыми несчастными, тогда какъ Ѳракійскіе Болгары и Греки жили гораздо хуже и, терпя тогда несравненно больше личныхъ обидъ и притѣсненій, и отъ дурной полиціи, и отъ собственныхъ лукавыхъ старшинъ, однако они не возставали, а Болгарскіе старшины, тѣ даже подавали Султану адресы, и хотѣли оружіемъ поддерживать его противу Критянъ.

Никакой нѣтъ Статистики для опредѣленія, что въ республикѣ жить лучше частнымъ лицамъ, чѣмъ въ монархіи; въ ограниченной монархіи лучше, чѣмъ въ неограниченной, въ эгалитарномъ государствѣ лучше, чѣмъ въ сословномъ, въ богатомъ лучше, чѣмъ въ бѣдномъ. По этому, отстраняя мѣрило благоденствія какъ недоступное еще современной соціальной наукѣ (быть можетъ, какъ и всегда, невѣрное и мало пригодное), гораздо безошибочнѣе будетъ обратиться къ объективности, къ картинамъ, и спрашивать себя, нѣтъ ли какихъ ни будь всеобщихъ и весьма простыхъ законовъ для развитія и разложенія человѣческихъ обществъ?

И если мы не знаемъ, возможно ли всеобщее царство блага, то, по крайней мѣрѣ, постараемся дружными усиліями постичь, по мѣрѣ нашихъ средствъ, что пригодно для блага того, или другого, частнаго Государства. Чтобы узнать, что организму пригодно, надо, прежде всего ясно понять самый организмъ. Для гигіены и лѣченія нужна прежде всего физіологія.

Форма (сказалъ я выше) есть выраженіе внутренней идеи

на поверхности содержанія. Идея шара, на пр., есть равное разстояніе всѣхъ точекъ поверхности отъ центра. Развѣ не выражается эта идея на поверхности шара, развѣ не она придаетъ кости, дереву, каплѣ, расплавленному небесному тѣлу и т. д., вообще содержанію, матеріи, эту форму?

Разумѣется, въ такомъ простомъ явленіи, какъ шаръ, это ясно; а въ такомъ сложномъ явленіи, какъ человѣческое общество, оно не такъ ясно.

Но тѣмъ не менѣе основа метафизическая одна и та же и для маленькаго шара и для великаго Государства.

Государственная форма у каждой націи, у каждаго общества, своя; она въ главной основѣ неизмѣнна до гроба историческаго, но мѣняется быстрѣе, или медленнѣе, въ частностяхъ, отъ начала до конца.

Вырабатывается она не вдругъ и не сознательно сначала; не вдругъ понятна; она выясняется лишь хорошо въ ту среднюю эпоху наибольшей сложности и высшаго единства, за которой постоянно слѣдуетъ, рано, или поздно, частная порча этой формы, и за тѣмъ разложеніе и смерть.

Такъ государственная форма древняго Египта была рѣзко-сословная монархія, вѣроятно, глубоко ограниченная Жреческой аристократіей и вообще религіозными законами.

Персія была, по видимому, болѣе феодальнаго, рыцарскаго происхожденія; но феодальность ея сдерживалась безграничнымъ въ принципѣ Царизмомъ, земнымъ выраженіемъ добра, Ормузда.

Исторія Греціи и Рима больше обработана, и потому на нихъ все это еще яснѣе.

Аѳины именно въ цвѣтущій періодъ выработали свойственную имъ государственную форму.

Это—демократическая республика, однако съ привилегіями, съ Эвпатридами, съ денежнымъ ценсомъ, съ рабами и, наконецъ, съ наклонностью къ фактической, неузаконенной, непрочной диктатурѣ Перикловъ, Пизистратовъ, Ѳемистокловъ и т. д.

Форма эта, которой естественные залоги хранились, конечно, въ самыхъ нравахъ и обстоятельствахъ, выработалась именно въ цвѣтущій сложный періодъ, отъ Солона до Пелопонизской войны. Во время этой войны началась порча, начался эгалитарный прогрессъ.

Свободы было и безъ того много; захотѣлось больше равенства.

Спарта, отъ эпохи Ликурга до униженія Спарты Ѳивянцами, выработала также свою, чрезвычайно оригинальную, стѣснительную и деспотическую, форму аристократическаго республиканскаго коммунизма съ двумя наслѣдственными президентами.

Форма эта была несравненно стѣснительнѣе, деспотичнѣе Аѳинской, и по этому жизни и творчества въ Аѳинахъ было больше, а въ Спартѣ меньше, но за то Спарта была сильнѣе и долговѣчнѣе.

Всѣ остальныя Государства Греческаго міра колебались, вѣроятно, между Дорической формой Спарты и Іонійской формой Аѳинъ. Потребность формы, стѣсненія, деспотизма, дисциплины, исходящей изъ нуждъ самосохраненія была и въ этомъ распущенномъ и раздробленномъ Еллинскомъ мірѣ, такъ велика, что во многихъ Государствахъ демократическаго характера (т. е., вѣроятно, тамъ, гдѣ выразился слабѣе деспотизмъ сословный) вырабатывалась тиранія, т. е., дисциплина единоличной власти. (Поликратъ, Періандръ, Діонисій Сиракузскій и др.).

Феодализмъ сельскій помѣщичій или рыцарскій, былъ, по видимому, всегда ничтоженъ въ Елладѣ, почти такъ же, какъ и въ Римѣ; всѣ аристократіи Еллады и Рима имѣли городской характеръ; всѣ онѣ были, такъ сказать, муниципальнаго происхожденія.

Исторія Македоніи очень бѣдна и свѣдѣнія о первоначальной организаціи Македонскаго Царства у насъ сравнительно мало. Но нѣкоторые историки полагаютъ, что у Македонянъ былъ феодализмъ выраженъ сильнѣе муниципальности (и дѣйствительно о городахъ Македонскихъ почти нѣтъ и рѣчи, а все слышно лишь о Царяхъ и ихъ дружинѣ и Генералахъ Александра).

Ослабѣвшій Еллинскій муниципальный міръ, соединившись потомъ съ другой иной, не развитой, вѣроятно, феодальностью Македонянъ, дошелъ до мгновеннаго государственнаго единства при Филиппѣ и Александрѣ, и только тогда сталъ въ силахъ распространять свою цивилизацію до самой Индіи и внутренней Африки. Опять таки значитъ, для наибольшаго величія и силы оказалась нужной большая сложность формы—сопряженіе аристократіи съ монархіей.

Цвѣтущiй перiодъ Рима надо считать, я полагаю, со временъ Пуническихъ войнъ до Антониновъ приблизительно.

Именно въ это время выработалась та муниципальная, избирательная, диктатура, императорство, которое такъ долго дисциплинировало Римъ и послужило еще потомъ и Византiи.

То же самое мы видимъ и въ Европейскихъ Государствахъ.

Италiя, возросшая на развалинахъ Рима, около эпохи возрожденiя, и раньше всѣхъ другихъ Европейскихъ Государствъ, выработала свою государственную форму, въ видѣ двухъ самыхъ крайнихъ антитезъ—съ одной стороны высшую централизацiю, въ видѣ государственнаго папства, объединявшаго весь Католическiй мiръ далеко внѣ предѣловъ Италiи, съ другой же, для самой себя, для Италiи собственно, форму крайне децентрализованную, муниципально-аристократическихъ малыхъ Государствъ, которыя постоянно колебались между олигархiей (Венецiя и Генуя) и монархiей (Неаполь, Тоскана и т. д.).

Государственная форма, прирожденная Испанiи, стала ясна нѣсколько позднѣе. Это была монархiя самодержавная и аристократическая, но провинцiально мало сосредоточенная, снабженная мѣстными и отчасти сословными вольностями и привилегiями. Нѣчто среднее между Италiей и Францiей. Эпоха Карла V и Филиппа II есть эпоха цвѣта.

Государственная форма, свойственная Францiи, была въ высшей степени централизованная, крайне сословная, но самодержавная монархiя. Эта форма выяснилась постепенно отъ Людовика XI, Франциска I, Решилье и Людовика XIV, исказилась она въ 89 году.

Государственная форма Англiи была (и отчасти есть до сихъ поръ) ограниченная, менѣе Францiи, въ началѣ сословная, децентрализованная, монархiя или, какъ другiе говорятъ, аристократическая республика съ наслѣдственнымъ президентомъ. Эта форма выразилась почти одновременно съ Французской при Генрихѣ VIII, Елисаветѣ и Вильгельмѣ Оранскомъ.

Государственная форма Германiи была (до Наполеона I-го и до годовъ 48 и 71) слѣдующая: союзъ Государствъ небольшихъ, отдѣльныхъ, сословныхъ, болѣе, или менѣе, самодержавныхъ, съ избраннымъ Императоромъ, сюзереномъ (не муниципальнаго, а феодальнаго, происхожденiя).

Всѣ эти уже выработанные ясно, формы начали постепенно смѣшиваться, у однихъ съ XVIII столѣтiя, у другихъ въ XIX вѣкѣ. Во всѣхъ открылся эгалитарный и либеральный процессъ.

Можно вѣрить, что польза есть отъ этого какая ни будь общая для Вселенной, но уже ни какъ не для сохраненiя долгаго самихъ, этихъ отдѣльныхъ государственныхъ, мiровъ.

Реакцiя не по тому неправа, что она не видитъ истины, нѣтъ! Реакцiя вездѣ чуетъ эмпирически истину: отдѣльныя ячейки, волокна, ткани и члены организма, стали сильнѣе въ своихъ эгалитарныхъ порывахъ, чѣмъ власть внутренней организующей, деспотической идеи.

Атомы шара не хотятъ болѣе составлять шаръ. Ячейки и волокна надрубленнаго и высыхающаго дерева—здѣсь горятъ, тамъ сохнутъ, тамъ гнiютъ—восхваляя простоту новой организацiи и не замѣчая, что это упрощенiе есть ужасный моментъ перехода къ неорганической простотѣ, свободной воды, безжизненнаго праха, не кристаллизованной, растаявшей, или растолченной, соли.

До временъ Цезаря, Августа, Св. Константина, Франциска I, Людовика XIV, Вильгельма Оранскаго, Питта, Фридриха II, Перикла, до Кира, или Дарiя Гистаспа и т. п., всѣ прогрессисты правы, всѣ охранители неправы. Прогрессисты тогда ведутъ нацiю и государство къ цвѣтенiю и росту. Охранители тогда ошибочно не вѣрятъ ни въ ростъ, ни въ цвѣтенiе, или не любятъ этого цвѣтенiя и роста, не понимаютъ ихъ.

Послѣ цвѣтущей и сложной эпохи, какъ только начинается процессъ вторичнаго упрощенiя и смѣшенiя контуровъ, т. е., большее однообразiе областей, смѣшенiе сословiй, подвижность и шаткость властей, принижение религiи, сходство воспитанiя и т. п., какъ только деспотизмъ морфологическаго процесса слабѣетъ, такъ, въ смыслѣ государственнаго блага, всѣ прогрессисты становятся неправы въ теорiи, хотя и торжествуютъ на практикѣ. Они неправы въ теорiи, ибо, думая исправлять они разрушаютъ; они торжествуютъ на практикѣ, ибо идутъ легко по теченiю, стремятся по наклонной плоскости. Они торжествуютъ, они имѣютъ громкiй успѣхъ.

Всѣ охранители и друзья реакцiи правы въ теорiи, когда начнется процессъ вторичнаго упрощенiя; ибо они хотятъ лѣчить и укрѣплять организмъ. Не ихъ вина, что они не надолго

торжествуютъ; не ихъ вина, что нація не умѣетъ уже выносить дисциплину отвлеченной государственной идеи, скрытой въ нѣдрахъ ея.

Они все таки дѣлаютъ свой долгъ и, сколько могутъ, замедляютъ разложеніе, возвращая націю, иногда и насильственно, къ культу создавшей ее государственности.

До дня цвѣтенія лучше быть парусомъ, или паровымъ котломъ, послѣ этого невозвратнаго дня достойнѣе быть якоремъ, или тормазомъ, для народовъ, стремящихся внизъ подъ крутую гору, стремящихся нерѣдко наивно, добросовѣстно, при кликахъ торжества и съ распущенными знаменами надеждъ, до тѣхъ поръ, пока какой ни будь Седанъ, Херонея, Арбеллы, какой ни будь Аларихъ, Магометъ II, или зажженный петролеемъ Парижъ не откроетъ имъ глаза на настоящее положеніе дѣлъ. [14]

[14] Я предвижу еще одно возраженіе: я знаю, мнѣ могутъ сказать, что предъ кончиною культурной жизни и предъ политическимъ паденіемъ государствъ замѣтнѣе смѣшеніе, чѣмъ упрощеніе. И въ древности, и теперь. Но, во первыхъ, самое смѣшеніе есть уже своего рода упрощеніе картины, упрощеніе юридической ткани и бытовой узорности. Смѣшеніе всѣхъ цвѣтовъ ведетъ къ сѣрому, или бѣлому. А главное основаніе вотъ гдѣ. Я спрашиваю: просты ли нынѣшніе Копты, потомки Египтянъ, Арабы Сиріи? просты ли были paganі, сельскіе идолопоклонники, которые держались еще, послѣ паденія и исчезновенія, Еллины Римской религіозности и культуры въ высшихъ слояхъ общества? Просты ли были Христіане Греки подъ Турецкимъ игомъ до возстанія 20 годовъ? Просты ли Гебры, остатки огнепоклонниковъ культурнаго Персо-Мидійскаго міра?

Конечно, всѣ перечисленные люди, общины и народные остатки, несравненно проще, чѣмъ были люди, общины, націи, въ эпоху цвѣта Египта, Калифата, Греко-Римской цивилизаціи, чѣмъ Персы во времена Дарія Гистаспа, или Византійцы во времена Іоанна Златоуста. Люди проще лично, по мыслямъ вкусамъ, по несложности сознанія и потребностей; общины и цѣлые національные, или религіозные, остатки проще потому, что люди въ нихъ средѣ всѣ очень сходны и равны между собою. Итакъ прежде смѣшеніе и нѣкоторая степень вторичнаго упрощенія, потомъ смерть своеобразной культуры въ высшихъ слояхъ, или гибель государства, и наконецъ переживающая государственность, вторичная простота національныхъ и религіозныхъ остатковъ

ГЛАВА VIII

О долговѣчности государствъ.

Возвращусь теперь къ тому, о чемъ я говорилъ мимоходомъ въ 1-й главѣ о долговѣчности государствъ и культуръ.

Я сказалъ тогда, что наибольшая долговѣчность государственныхъ организмовъ, это 1000 или много 1200 съ небольшимъ лѣтъ.

Культуры же, соединенныя съ государствами, большею частію переживаютъ ихъ. Такъ, на пр., Еллинская образованность и Еллинская религія боролись съ Христіанствомъ еще долго при Византійскихъ Императорахъ, тогда какъ послѣдніе черты Еллинской государственности стерлись еще до Р. Х., отчасти во времена Римскаго Тріумвирата, отчасти еще прежде.

Религія Индусовъ и связанный съ нею бытъ живутъ давно безъ государства и въ наше время, не поддаваясь Англичанамъ.

Византіи, какъ государства, нѣтъ давно, а нѣкоторые Византійскіе уставы, понятія, вкусы и обычаи даже подъ Турецкимъ владычествомъ отстаиваютъ себя до сихъ поръ отъ натиска космополитическаго Европеизма. Въ семейной жизни, въ разговорахъ, въ литературѣ, въ постройкахъ, въ одеждахъ, во взглядахъ на приличія, на Востокѣ еще много Византійскаго. Уваженіе къ званію, къ должности, къ положенію, здѣсь гораздо замѣтнѣе, чѣмъ уваженіе къ роду, и у Турокъ, и у Грековъ, и у Славянъ, и у Армянъ, почти одинаково. Только у однихъ Албанцевъ феодальное чувство личности и рода чуть, чуть замѣтнѣе, чѣмъ у другихъ.

Въ самомъ церковномъ вопросѣ, если забыть объ интересахъ и увлеченіяхъ, а смотрѣть для ясности, на людей и націи, какъ на орудія идей и началъ, увидимъ, что Греки олицетворяютъ собою въ этой борьбѣ Византійское начало, Византійскія идеи, подчиненія народа въ церковныхъ дѣлахъ духовенству, а Болгары—ново-Европейское демократическое начало личныхъ и собирательныхъ правъ. Греки олицетворяютъ въ этой борьбѣ авторитетъ организованной, а не личной и своевольной, религіи, а Болгары суверенитетъ самоопредѣляющагося народа. (Я думаю, что ни другъ, ни врагъ Болгаръ, не можетъ оспаривать этого даннаго или, лучше сказать, этого объясненія)

Итакъ, дѣло теперь не о *культурахъ* вообще, а лишь о *государствахъ*, о долговѣчности юридическихъ *организмовъ*, *производящихъ*, *отдѣляющихъ* эти культуры, или отчасти производимыхъ ими.

Начнемъ съ древняго Юго-Востока, и мы найдемъ то, что намъ нужно, даже во всякомъ учебникѣ:

I. *Египетъ.*

а. *Государство Мемфиское*, 900 лѣтъ.

(Отъ 3000 до Р. Х. до 2100, т. е., отъ *Менеса* до вторженія *Гиксовъ*).

б. Государство *Гиксовъ*, 510 лѣтъ.

(Отъ 2100 до 1580, т. е., до изгнанія Гиксовъ *Тутмизисомъ*).

в. Государство Ѳивское, 900 лѣтъ.

(Отъ 1580 или отъ *Тутмизиса* до *Псамметиха*, т. е., до 670 года, при этомъ я не беру еще въ разсчетъ тѣхъ свидѣтельствъ, которыя имѣетъ исторія о временномъ подчиненіи Ѳивъ *Еѳіопіянамъ* (Царь *Тиррака* около 700 годовъ и т. п.), изгнаннымъ въ 600 годахъ *Додекархами*. При такомъ разсчетѣ долговѣчность Ѳивскаго Государства сокращается еще болѣе и доходитъ лишь до какихъ ни будь 8 вѣковъ).

г. Государство Саисское, *всего только* 145 лѣтъ.

(Отъ Псамметиха (670 г.) до покоренія Персами Египта, т. е. до 525 года). Всего 145 лѣтъ!!! Что же такое случилось? Вѣроятно, кончилось развитіе, *формація*, и начался *процессъ разложенія*. Мы это увидимъ позднѣе. [1]

[1] Древній Египетъ и Китай могутъ, *по видимому*, своимъ примѣромъ опровергать ту мысль, что Государство живетъ вообще не болѣе 12 вѣковъ. Египту иные писатели приписываютъ огромную долговѣчность, *около 40 вѣковъ*, на пр. У меня теперь подъ рукою статья *Бюрнуфа* (La science des religions) и еще книга Бюхнера: «L'homme selon la science,» въ которой тоже говорится о древности Египта и приводятся ссылки изъ многихъ ученыхъ. Бюрнуфъ говоритъ о Египтѣ вотъ что: «D'après des documens hiéroglyphiques, les croyances de l'Egypte ne semblent pas avoir été fixées et systematisées *avant la fin de la IV-e dynastie*; elles durèrent jusqu'à la conquete de ce pays par Cambyse et à partir de ce temps elles tombèrent dans une decadance rapide.» О 40 вѣкахъ *вѣроятныхъ* онъ говоритъ дальше. Но, во 1-хъ, я не знаю, на сколько эта продолжительность принята всѣми; во 2-хъ эти 4000 лѣтъ относятся къ *цѣлой религіозной культурѣ*, а не къ *государственнымъ отдѣльнымъ единицамъ*; въ 3-хъ, примѣръ Египетской государственности, принимая даже, что всѣ отдѣльныя, смѣнявшія другъ друга въ этой странѣ государства были *очень сходны* по строю, по *формѣ*, не можетъ служить опроверженіемъ тому что вообще государства живутъ не болѣе 12 вѣковъ. Мы увидимъ ниже, что это такъ и въ Римѣ, Греціи, Персіи и т. д. Египетъ древній долго былъ *одинокъ, въ сторонѣ*, онъ долго не имѣлъ *соперниковъ*. Его по этому трудно приравнивать по долговѣчности къ исторіи тѣхъ государствъ, которыя созидались позднѣе другъ за другомъ, и всѣ на тѣхъ же почти мѣстахъ, не на *дѣвственной* почвѣ, а на *развалинахъ предыдущей государственности*. Если бы наука доказала что при вовсе другихъ условіяхъ *доисторическіе*, *птеродактили мегалозавры*, жили очень долго, то изъ этого не слѣдуетъ еще, что *нынѣшній слонъ*, нынѣшній *левъ*, или быкъ, могутъ столько же прожить. О Китаѣ я скажу дальше. Онъ тоже ничего не опровергаетъ своимъ примѣромъ.

II. *Халдейскія и вообще Семитическія Государства.*

а. *Древній Вавилонъ вмѣстѣ съ Ассиріей*. Ибо исторія обыкновенно принимаетъ, что если полумиѳическій *Немвродъ* и существовалъ около 2100 до Р. Х., то все таки черезъ 100 лѣтъ послѣ него Нинъ (около 2000 лѣтъ до Р. Х.) соединилъ Ассирію и *Вавилонъ* въ одно Государство, которое существовало до смерти *Сарданапала* (т. е., до 606), 1394 года.

Разумѣется, не слѣдуетъ забывать, что лѣтосчисленіе это можетъ быть, по сравнительной бѣдности источниковъ, и неточно. Что значитъ, на пр., Нинъ около 2000 лѣтъ? Отнимите 190 лѣтъ, на пр., или 200, останется 1800 до Р. Х., и на долю этой первой Ассиро-Вавилонской государственности выпадетъ какъ разъ 12 вѣковъ, тѣ 12 вѣковъ, которые прожилъ *классическій* Римъ— вѣчный образецъ *государственности*.

б. *Новѣйшій* Вавилонъ всего 68 лѣтъ (отъ распаденія *Ниневійскаго* Царства въ 606 году до взятія Вавилона *Киромъ* въ 538 г. до Р. Х.).

в. Карѳагенъ, 734 года.

(Отъ *Дидоны* (880) до разрушенія города Римлянами, т. е., до 146 г. до Р. Х.).

г. *Еврейское* Государство.

Исходъ изъ Египта около 1500 лѣтъ до Р. Х.

Но я полагаю, что государственную жизнь Евреевъ надо

считать не съ номадной жизни временъ Авраама, и даже не со дня пришествія Евреевъ въ Палестину; ибо это состояніе ихъ соотвѣтствуетъ, мнѣ кажется, состоянію Германскихъ народовъ во время, такъ называемаго, переселенія, состоянію Еллиновъ въ эпоху Троянской войны, вторженія Гераклидовъ, Римской исторіи въ эпоху догосударственную. Разница въ томъ, что объ Евреяхъ, на пр., и Германцахъ у насъ есть источники болѣе достовѣрные, а объ Еллинскихъ, и еще болѣе о Римскихъ, первоначальныхъ движеніяхъ нѣтъ такихъ достовѣрныхъ источниковъ.

Итакъ, если считать начало Еврейской государственности со временъ Судей, то это приходится за 1300 лѣтъ до Р. Х.

Распаденіе царства на Израильское и Іудейское произошло за 980 лѣтъ до Р. Х.

Стало быть, отъ основанія до распаденія всего только 310 лѣтъ.

Отъ распаденія до перваго Ассирійскаго плѣненія (т. е., до паденія Израильскаго Царства) 260 лѣтъ.

Отъ распаденія до втораго или Вавилонскаго плѣненія (отъ 980 до 600 годовъ, послѣ битвы Навуходоносора съ Нехао, въ 404 году?) Іудеи прожили еще 376 лѣтъ.

Съ этой минуты Еврейское Государство утратило самостоятельность навсегда, и Палестина стала областью сперва Вавилона, потомъ Персіи, потомъ Греко-Македонскихъ Царствъ и наконецъ Римскаго Государства.

По этому, считая отъ Судей даже до конца болѣе долговѣчной Іудеи, мы получимъ отъ 1300 до 600 всего только 600 лѣтъ.

Ибо называть жизнь Евреевъ послѣ плѣненія жизнью государственной, это то же, если бы мы жизнь нынѣшней Грузіи, Польши, Чехіи, или Финляндіи, назвали такъ отъ того, что они еще имѣютъ свою физіономію, мѣстные, юридическіе и бытовые, оттѣнки.

Что касается до волненій времени Маккавеевъ, или до послѣдней борьбы Евреевъ противъ Римлянъ при Титѣ, то это были лишь возстанія подчиненныхъ, бунты, но государственности уже не было давно.

III. Персо-Мидяне

Отъ Деіока, освободившаго Мидійское племя отъ владычества Ассиро-Вавилонскаго, т. е., отъ 707 до Александра Македонскаго или до сраженія при Арбеллахъ (въ 331 г. до Р. Х.)

и того только 376 лѣтъ первой Персо-Мидійской государственности.

По-видимому однако Македонское завоеваніе было не очень глубоко, а религія Зороастра (Магизмъ) была еще достаточно крѣпка, ибо Персидское Государство возродилось въ послѣдствіи съ той религіей, при вліяніи свѣжаго и, вѣроятно, родственнаго племени, Парѳовъ, подъ династіями Арзасидовъ и Сассанидовъ, отъ 250 — 226 до Р. Х., до 636 по Р. Х., т. е., всего 886 лѣтъ.

Итакъ, если мы даже соединимъ всю Мидо-Персидскую и Парѳянскую государственность въ одно цѣлое, не смотря на перерывъ, то выйдетъ отъ Деіока (отъ 707 до Р. Х.) до Издегерда, при которомъ царство Сассанидовъ было разрушено Мусульманами (въ 636 году по Р. Х.), 1262 года.

IV. Греческія Республики, Греко-Македонскія Царства, Греко-Скиѳскія, Греко-Сирійскія, Греко-Египетскія и т. д.

а. Аѳины отъ Кодра до Филиппа Македонскаго (1068 до 338), 730 лѣтъ

б. Спарта отъ того же времени (ибо Кодръ былъ убитъ во время Дорическаго вторженія въ Аттику и Пелопоннисъ) до 188 г. или до сраженія при Мантинеѣ (208 г.), гдѣ Филопименъ, предводитель Ахейскаго Союза, побѣдилъ окончательно Спартанцевъ, или до (188 г.) уничтоженія узаконеній Ликурга, всего 880, или 860 лѣтъ

в. Ѳивы. Основаніе Ѳиванской Республики вѣроятно, около того же времени Дорійскихъ переселеній

Паденіе ея, т. е., разрушеніе Ѳивъ Александромъ Македонскимъ въ 336 году до Р. Х. Всего 732 года.

г. Сиракузы, основаны въ 735 году, постепенное паденіе въ борьбѣ съ Карѳагеномъ вѣка за 3 до Р. Х. Присоединеніе Сициліи къ Риму въ 241 году, послѣ очищенія Сициліи отъ Карѳагенянъ. Всего 494 года.

Если же взять исторію всѣхъ Греческихъ Республикъ, отъ временъ баснословныхъ до Александра Македонскаго, то есть, отъ 1000 или отъ 1200 лѣтъ до Р. Х. (что будетъ очень много) до 320 годовъ, то выйдетъ и на всю, такимъ образомъ принятую, ихъ государственную жизнь 870 лѣтъ (пусть будетъ 900 даже).

д. Царство Сирійскихъ Селевкидовъ.

Отъ 320 годовъ, т. е., отъ распаденія кратковременной монархіи Александра до 64 года (уничтоженіе царства Помпеемъ).

е. Пергамское Царство, отъ того же времени (отъ Александра) до 130 года, до присоединенія его къ Риму, подъ именемъ Азіи, около 200 или 130 лѣтъ, считая отъ смерти Александра, а отъ Эвмена I (263), гораздо менѣе—133 года.

ж. Египетское Царство Птоломеевъ, отъ того же времени (280) до присоединенія къ Риму въ 30 году. Итакъ менѣе 300 лѣтъ, около 250.

з. Македонское Царство, отъ самаго начала до распаденія Великой Александровой Монархіи, отъ основанія или отъ Александра I (498—454) до смерти Александра Великаго (до 323 года), 175 лѣтъ.

Отдѣльное же Македонское Царство, отъ распаденія до обращенія Метелломъ Македоніи въ Римскую провинцію, т. е., 148 года, только 185. И того 350 лѣтъ.

Теперь, если возьмемъ всю государственную жизнь Еллинскую и Македонскую вмѣстѣ, и будемъ считать ея долготу весьма произвольно, снисходительно, съ самыхъ баснословныхъ и даже почти вовсе неизвѣстныхъ временъ, т. е., за 1100—1200 лѣтъ до Р. Х. и до присоединенія къ Риму Египта, самаго послѣдняго и счастливаго въ этомъ отношеніи изъ всѣхъ тѣхъ Государствъ, гдѣ царила Еллино-Македонская образованность, то есть, до 30 г. передъ Р. Х., то у насъ получится опять классическая цифра около 1200 лѣтъ, около 12 вѣковъ.

V. Римъ. Въ этомъ Государствѣ расчетъ легче. Оно было безпрерывно одно, отъ начала до конца. Здѣсь не было ни раздробленія и разновременности, какъ у Греко Македонянъ, ни перерывовъ, какъ у Персо-Мидянъ.

Считая отъ полу-миѳическихъ временъ Ромула до Ромула-Августула и Одоакра, получаемъ:

отъ 753 г. до Р. Х.	}	1229 лѣтъ.
до 476 г. по Р. Х.		

Если же считать отъ временъ болѣе извѣстныхъ, то около 1000, не болѣе.

VI. Византія, отъ перенесенія столицы и торжества Христіанства до взятія Византіи Турками. Отъ 325 по Р. Х. до 1453—1128 лѣтъ.

Прежде чѣмъ обратиться къ вопросу о возрастѣ современныхъ Европейскихъ Государствъ, я нахожу необходимымъ сказать здѣсь нѣсколько словъ о Китаѣ.

Не знаю, имѣемъ ли мы право разсматривать исторію Китая, въ добавокъ, столь еще темную, какъ исторію одного Государства.

Китай справедливѣе, мнѣ кажется, разсматривать, какъ отдѣльный культурный міръ, вмѣстѣ съ Японіей и другими сосѣдними краями, какъ особый историческій міръ, стоявшій не на большой дорогѣ народовъ, подобно Государствамъ нашего Средиземнаго бассейна, и по тому, быть можетъ, долѣе сохранившемся въ своей отдѣльности и чистотѣ.

Къ тому же надо прибавить, что и въ немъ, по видимому, были смѣны государственныя, но эти смѣны или еще мало извѣстны и мало понятны намъ, или онѣ и въ самомъ дѣлѣ не представляютъ такихъ антитезъ и такого разнообразія, какія представляетъ преемственная картина Государствъ и цивилизацій вокругъ нашего Средиземнаго моря.

Тамъ, въ глубинѣ Восточной Азіи, жило и волновалось почти одно и то же племя долгіе вѣка; здѣсь, около насъ, сталкивалось множество народовъ, принадлежавшихъ къ нѣсколькимъ породамъ (рассамъ) и племенамъ: Арійскому, Семитическому, Еѳіопскому, Чудо-Тюркскому, Монгольскому и т. д.

Очень можетъ быть, повторяю, что и долголѣтнюю исторію Китайской гражданственности можно было бы, при болѣе точномъ изслѣдованіи, разложить на нѣсколько отдѣльныхъ государственныхъ періодовъ, по 1000, или 1200 лѣтъ.

Шесть тысячъ лѣтъ могутъ относиться къ общимъ племеннымъ воспоминаніямъ, а не къ той сформированной гражданственности, о которой здѣсь идетъ рѣчь.

Если же на такую сформированную гражданственность положить даже цѣлыхъ четыре тысячелѣтія, то эта цифра легко разложится на нѣсколько нормальныхъ государственныхъ періодовъ, по 1000 лѣтъ приблизительно каждый.

Объ Египтѣ я говорилъ уже прежде почти то же самое.

Я полагаю по этому, что ни Египетъ древній, ни современ-

ный Китай, не могутъ служить опроверженіемъ того, что въ нашихъ краяхъ по крайней мѣрѣ и съ тѣхъ поръ какъ у древняго Египта явились опредѣленные соперники въ видѣ Халдеевъ и Персо-Мидянъ, ни одно Государство больше 12 вѣковъ жить не можетъ.

Значительное же большинство Государствъ проживало гораздо меньше этого.

Демократическія Республики жили меньше аристократическихъ, Ѳивы меньше Спарты.

Болѣе сословныя Монархіи держались крѣпче менѣе сословныхъ и возрождались легко послѣ всякаго разгрома.

Такова была, по видимому, феодальная Персія Ахеменидовъ, возродившаяся послѣ погрома Македонскаго и пережившая своихъ минутныхъ побѣдителей на долгіе вѣка.

ГЛАВА IX.

О возрастѣ Европейскихъ Государствъ.

Съ какого вѣка мы будемъ считать образованіе Европейскихъ Государствъ?

Неужели считать исторію Франціи съ Хлодовига, т. е., съ V вѣка? Тогда Франція будетъ только одно изъ всѣхъ Европейскихъ Государствъ безпрерывно существующихъ до нынѣ съ того времени. Германія тогда была въ хаотическомъ состояніи и кой-какъ сколоченное Аріанское Царство Готовъ, разрушенное Хлодовигомъ, занимало значительную ея часть. Въ Англіи только въ IX вѣкѣ Эгбертъ принялъ названіе Короля Англіи. Въ Испаніи сначала долго господствовали Аравитяне, и будущіе Испанцы-Христіане не значили еще почти ничего.

Италія была въ совершенномъ разгромѣ. Въ ней Готовъ смѣняли Вандалы. Воцарялся Герулъ Одоакръ, Одоакра убивалъ Готъ Теодорихъ и т. д.

Слѣды Аттилы были вездѣ еще свѣжи. Римъ Западный палъ всего за нѣсколько лѣтъ до крещенія Хлодовига.

Хлодовигъ къ тому же былъ еще [illegible] Франкъ съ Галло-Римскими элементами [illegible] которыми началась исторія Франціи.

Предѣлы [illegible] клинахъ. Предѣлы, границы [illegible] что бы то ни было [illegible] то ни было [illegible] Естественность [illegible] въ томъ, что можно назвать наглядностью, художественнымъ такъ сказать тактомъ. Такъ дѣлаютъ и въ естественныхъ наукахъ.

На основаніи подобной-то наглядности я полагаю, что весь періодъ Европейской исторіи до Карла Великаго можно считать соотвѣтственнымъ: исторіи Греціи героическихъ временъ, Троянской войны, похода Аргонавтовъ; время Нибелунговъ соотвѣтствуетъ временамъ Гомера. Въ Римской исторіи этому періоду, мнѣ кажется, соотвѣтствуетъ время до основанія Рима, или если угодно, и весь приготовительный періодъ первыхъ Царей. Разница только въ степени достовѣрности событіи. Для исторіи смутнаго, приготовительнаго, времени Европы мы имѣемъ сравнительно много разнообразныхъ болѣе, или менѣе, достовѣрныхъ свидѣтельствъ.

Для исторіи приготовительнаго періода Еллады, у насъ есть только поэтическая истина Гомерическихъ стиховъ и т. п. Для первобытной исторіи Рима еще того меньше.

Простирая аналогію дальше, я думаю что періодъ Европейской исторіи отъ Моисея до Судей соотвѣтствуетъ опять тому же періоду странствій, вторженій приготовительной, догосударственной, борьбы. Здѣсь опять мы имѣемъ какъ для Европейской исторіи, свидѣтельства, которыя иные могутъ оспаривать но которыя, по крайней мѣрѣ, послѣдовательны и ясны.

Халдеи временъ Немврода, Иранцы до временъ Астіага и Кира—не то ли же самое?

Вся разница: во первыхъ, повторяю, въ степени достовѣрности свидѣтельствъ которыя мы имѣемъ объ этихъ приготовительныхъ эпохахъ, въ количествѣ и качествѣ подробностей, дошедшихъ до насъ, а во вторыхъ, въ тѣхъ наиболѣе существенныхъ прирожденныхъ свойствъ, которыя имѣли при началѣ своего пробужденія къ исторической жизни различные народы и племена. Такъ, на примѣръ, характеръ древнеегипетскій, теократическій

и вмѣстѣ родовой, преобладалъ у Евреевъ, муниципальный у Грековъ и Римлянъ (родственныхъ по происхожденію), сельско-аристократическій феодальный у Европейцевъ и, можетъ быть, у Иранцевъ.

Эти чуть брезжущіе, въ первобытной простотѣ и безцвѣтности, отличительные признаки опредѣлили въ послѣдствіи весь характеръ ихъ исторіи. Такъ у Римлянъ и Грековъ и религія, и аристократія, и монархическое начало получили всѣ муниципальный, градской, оттѣнокъ. Въ Европѣ и аристократія и монархія получили характеръ феодальный; и тамъ больше, гдѣ было слабѣе вліяніе муниципальныхъ преданій Рима—въ Германіи, въ Англіи.

Сама свѣтская власть Папы и его духовное могущество косвенно опредѣлилось вліяніемъ Германскаго феодализма.

Геніальный Гизо, въ своей «Исторіи Цивилизаціи,» и Пихлеръ, въ своей книгѣ: «Папство и Восточныя Церкви,» одинаково развиваютъ ту мысль, что на Востокѣ Императоръ былъ одинъ, аристократіи не было, централизація была сильна, и потому Церковь могла еще опираться на этого Императора. Но что было дѣлать Римскому Епископу среди множества Западныхъ Князей, полу-царей, полу-вельможъ, полу-разбойниковъ, какъ не увеличивать сперва свою политическую независимость, для безкорыстнаго служенія Церкви, а позднѣе и стремиться уже къ власти и преобладанію!

Именно усиленіе власти Папы, разрывъ съ Византійскимъ Востокомъ, принятіе Карломъ Великимъ Императорскаго титула и набѣги Норманновъ (послѣднее явленіе, такъ называемое, переселеніе народовъ, по крайней мѣрѣ, на Западѣ), вотъ эпоха, съ которой впервые начинается ясно выдѣляться физіономія Западной Европы, съ одной стороны изъ Германскаго, приготовительнаго, хаоса, съ другой изъ общей, всему первоначальному Христіанству, византійской окраски.

Создавъ себѣ своего Кесаря, въ подражаніе Византіи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, на зло ей, Европа, сама того не подозрѣвая, вступала на совершенно иной путь.

IX и X вѣкъ по этому, а никакъ не V, надобно считать началомъ собственно Европейской государственности, опредѣлившей постепенно и самый характеръ Западной культуры, этой новой всемірной цивилизаціи, замѣнившей и Еллино-Римскую и Византійскую и почти современную послѣдней неправильную цивилизацію Аравитянъ. [1]

Цивилизація Европейская сложилась изъ Византійскаго Христіанства, Германскаго рыцарства (феодализма), Еллинской эстетики и философіи, къ которымъ не разъ прибѣгала Европа для освѣженія, и изъ Римскихъ муниципальныхъ началъ.

Борьба всѣхъ этихъ четырехъ началъ продолжается и нынѣ на Западѣ. Муниципальное начало, городское (буржуазія), съ прошлаго вѣка побѣдило всѣ остальныя и исказило (или, если хотите, просто измѣнило) характеръ и Христіанства, и Германскаго индивидуализма и Кесаризма Римскаго, и Еллинскихъ, какъ художественныхъ, такъ и философскихъ, преданій.

Вмѣсто Христіанскихъ загробныхъ вѣрованій и аскетизма явился земной гуманный утилитаризмъ; вмѣсто мысли о любви къ Богу и о спасеніи души, о соединеніи съ Христомъ, заботы о всеобщемъ практическомъ благѣ. Христіанство же настоящее представляется уже не божественнымъ, въ одно и то же время и отраднымъ и страшнымъ, ученіемъ, а дѣтскимъ лепетомъ, аллегоріей, моральной басней, дѣльное истолкованіе которой есть економическій утилитаризмъ.

Аристократическія изящныя наслажденія мыслящихъ сладострастіемъ, безполезно-утонченной философіей и вредной изысканностью высокаго идеальнаго искусства, эти стороны Западной жизни, унаслѣдованныя ею или прямо отъ Еллады, или чрезъ посредство Рима временъ Лукулловъ и Горацієвъ, утратили также свой прежній барскій и царственный характеръ и пріобрѣли характеръ болѣе демократическій, болѣе доступный всякому, и потому неизбѣжно и болѣе пошлый, некрасивый, и болѣе разрушительный, вредный для стараго строя. Личныя права каждаго, благоденствіе всѣхъ (перерожденіе, демократизація Германскаго индивидуализма, и Христіанская личная доброта, обращенная въ предупредительный безличный сухой утилитаризмъ) и здѣсь играютъ свою роль. «И я имѣю тѣ же права!» говоритъ всякій и по вопросу о наслажденіяхъ.

[1] Гизо предпочитаетъ считать начало Французской государственности еще позднѣйшимъ, съ Гуго Капета (987—996). Во всякомъ случаѣ я сказалъ IX и X вѣка.

Монархическая власть на Западѣ, везде бывшая сочетаніемъ Германской феодальности съ Римскимъ Кесаризмомъ, повсюду ослаблена и ограничена силою муниципальной буржуазіи. Что касается до самого индивидуализма Германскаго, который дѣлалъ, что еще во времена Тацита Германцы предпочитали смерть тѣлесному наказанію, то это начало, служившее когда-то для дисциплины Европейской (ибо тогда оно было удѣломъ немногихъ, обуздывавшихъ всѣхъ остальныхъ), теперь стало достояніемъ каждаго, и всякій говоритъ: «Monsieur! Tous les hommes ont les mêmes droits!» (Вопросъ, что это: догматъ вѣры, или фактъ точной науки?)

Но, какъ бы то ни было, мы въ Исторіи Западной Европы видимъ вотъ что.

Начиная съ IX и приблизительно до XV, XVI и XVII и отчасти XVIII вѣковъ, она разнообразно и неравномѣрно развивается.

Со времени Карла Великаго, съ IX и X вѣка, объединившаго подъ своимъ скипетромъ, почти всю материковую Европу, за исключеніемъ самыхъ сѣверныхъ странъ и самыхъ южныхъ частей ея, опредѣляются приблизительнѣе прежняго будущія границы отдѣльныхъ Европейскихъ Государствъ. Католическая схизма выясняется рѣзче.

Вскорѣ по смерти Карла Великаго появились тѣ Норманы, которыхъ вмѣшательство въ Англіи, Италіи и Франціи, способствовало окончательному выясненію государственнаго строя, политическихъ формъ этихъ странъ. Норманы (именно тѣ Скандинавы Сѣвера), которыхъ недоставало Имперіи Карла, явились на югъ сами, чтобы выполнить этотъ недостатокъ, чтобы связать, своимъ вмѣшательствомъ, болѣе прежняго во едино по духу, всю Европу, отъ полярныхъ странъ до Средиземнаго моря.

Съ той поры частныя Европейскія Государства и общая Европейская цивилизація развиваются яснѣе, выразительнѣе.

Послѣ единой Персо-Мидійской цивилизаціи воцарилась въ мірѣ раздробленная Еллино-Македонская культура, эту смѣнила опять единая Римская; Византійская (Вселенская) была отчасти (въ восточной своей половинѣ) продолженіемъ единой Римской государственности, а отчасти на другой половинѣ таила въ нѣдрахъ своихъ новую, опять какъ Еллинская, но по своему раздробленную, Европейскую культуру.

Объединенная въ духѣ, въ идеалахъ собственно культурныхъ и бытовыхъ, но раздробленная въ интересахъ государственныхъ, Европа была тѣмъ разнообразнѣе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, гармоничнѣе, ибо гармонія не есть мирный униссонъ, а плодотворная, чреватая творчествомъ, борьба. Такова и гармонія самой внѣ-человѣческой природы, къ которой сами же реалисты стремятся свести и человѣческую жизнь.

Я не буду распространяться здѣсь объ юридическомъ, религіозномъ, областномъ, сословномъ, этнографическомъ, философскомъ и художественномъ разнообразіи Европы со времени возрожденія и до половины XVIII вѣка. Это извѣстно, и чтобы вспомнить это лучше достаточно раскрыть любое руководство, или сочиненіе, о всеобщей Европейской исторіи, на пр. Вебера, Прево-Парадоля и другихъ.

Въ этомъ разнообразіи всѣ историки согласны. объ этомъ богатствѣ содержанія, сдержаннаго деспотическими формами разнородной дисциплины, всѣ одинаково свидѣтельствуютъ. Многіе писатели видятъ въ этомъ лишь зло, ибо они стоятъ не на реальной почвѣ равнодушнаго изслѣдованія, а на предвзятой какой ни будь точкѣ зрѣнія, свободолюбія, благоденствія, [illegible], или [illegible]манности. Они относятся къ предмету ненаучно и [illegible] говоря: «что выйдетъ—не мое дѣло;» они судятъ все съ помощью конечной цѣли, конечной причины (запрещенной реалистамъ въ наукѣ), они имѣютъ направленіе, но факты остаются фактами, и каковы бы ни были пристрастія писателей, исторія даетъ у всѣхъ одно въ этомъ случаѣ явленіе развитія, процессъ постепеннаго осложненія картинъ, какъ обще-Европейской, такъ и частныхъ картинъ Франціи, Италіи, Англіи, Германіи и т. д.

Кого бы ни взяли протестанта и консерватора Гизо, прогрессиста Шлоссера, раціоналиста и либерала Бокля, вига и эстетика Маколея, относительно нашего предмета всѣ они окажутся согласными.

Тотъ же итогъ дадутъ намъ не только историки, но и романисты, и хорошіе и худые, и поэты и публицисты, и самые краткіе учебники, и самыя тяжелыя монографіи, и самые легкіе историческіе очерки. Тотъ же итогъ съ этой объективной реальной точки зрѣнія намъ дадутъ и Вальтеръ-Скоттъ, и Шекспиръ, и Александръ Дюма отецъ, и Гёте, и Дж. Ст.-Милль (см.

книгу его «Свобода»), и Прудонъ, и Вильгельмъ фонъ Гумбольдтъ, и тяжелая монографія Пихлера о раздѣленіи Церквей и любой хорошій учебникъ.

Отъ XIV и XV до конца XVII и кой-гдѣ до половины XVIII, а частію даже и въ началѣ нашего вѣка Европа все сложнѣетъ и сложнѣетъ, крѣпнетъ, расширяется на Америку, Австралію, Азію; потомъ расширеніе еще продолжается, но сложность выцвѣтаетъ, начинается смѣшеніе, сглаживаніе морфологическихъ рѣзкихъ контуровъ, религіозныя антитезы слабѣютъ, области и цѣлыя страны становятся сходнѣе, сословія падаютъ, разнообразіе положеній, воспитанія и характеровъ блѣднѣетъ, въ теоріяхъ провозглашаются сперва: «les droits de l'homme,» которыя прилагаются на практикѣ бурно во Франціи въ 89 и 93 годахъ XVIII вѣка, а потомъ мирно и постепенно вездѣ въ XIX. Потомъ въ теоріи же объявляется недостаточность этого политическаго равенства (упрощенія) и требуется равенство всякое, полное, економическое, умственное, половое; теоретическія требованія этого крайняго вторичнаго упрощенія разрѣшаются наконецъ въ двухъ идеалахъ: въ идеалѣ анархическаго государственно, но деспотическаго, семейно идеалѣ Прудона, и въ распущенно-половомъ, но деспотическомъ государственно идеалѣ Коммунистовъ (на пр., Кабе и др.).

Практику политическаго гражданскаго упрощенія Европа пережила; скоро можетъ быть увидимъ, какъ она перенесетъ попытки економическаго, умственнаго (воспитательнаго) и полового упрощенія.

Не мѣшаетъ, однако, замѣтить мимоходомъ, что безъ нѣкоторой формы (безъ деспотизма, то есть) не могли обойтись ни Прудонъ, ни Коммунисты: первый желалъ бы покрыть всю землю малыми семейными скитами, гдѣ старецъ мужъ, патріархъ, командовалъ бы послушниками—женой и дѣтьми, безъ всякаго государства. А Коммунисты желали бы распредѣлить все человѣчество по утилитарныхъ киновіямъ, въ которыхъ царствовалъ бы свободно свальный грѣхъ, подъ руководствомъ неограниченнаго ни чѣмъ и атеистическаго конвента.

И тутъ и тамъ возвратъ къ дисциплинѣ. Les extremes se touchent.

Итакъ вся Европа съ XVIII столѣтія уравнивается постепенно, упрощается вторично. Она была проста и смѣшен-

на до IX-го вѣка: она хочетъ быть опять проста и смѣшанна въ XIX. Она прожила 1000 лѣтъ! Она не хочетъ болѣе морфологіи!

Весьма сходные между собою вначалѣ Кельто-Романскіе, Кельто-Германскіе, Романо-Германскіе, зародыши стали давно разнообразными, развитыми организмами, и мечтаютъ теперь стать опять сходными скелетами. Дубъ, сосна, яблоня и тополь, недовольны тѣми отличіями, которыя создались у нихъ въ періодъ цвѣтущаго осложненія, и которыя придавали столько разнообразія общей картинѣ Западнаго пышнаго сада; они сообща рыдаютъ о томъ, что у нихъ есть еще какая-то сдерживающая кора, какіе-то остатки обременительныхъ листьевъ и вредныхъ цвѣтовъ: они жаждутъ слиться въ одно, въ смѣшанное и упрощенное средне-пропорціональное, дерево.

«Организація есть страданіе, стѣсненіе: мы не хотимъ болѣе стѣсненія, мы не хотимъ сложной организаціи!»

Вездѣ одни и тѣ же болѣе, или менѣе, демократизированныя конституціи. Вездѣ Германскій раціонализмъ, Псевдо-Британская свобода, Французское равенство, Итальянская распущенность, или Испанскій фанатизмъ обращенный на службу той же распущенности. Вездѣ гражданскій бракъ, преслѣдованія Католиковъ, вездѣ презрѣніе къ аскетизму, ненависть къ сословности и власти (не къ своей власти, а къ власти другихъ) вездѣ надежды слѣпыя на земное счастье и земное полное равенство.

Вездѣ ослѣпленіе фаталистическое, непонятное. Вездѣ реальная наука, и вездѣ не научная вѣра въ прогрессъ. Вмѣсто того, чтобы изъ примѣра 70 годовъ видѣть, что демократія вездѣ губительна, аристократическая и піэтическая Пруссія безумно расплывается въ либеральной, растерзанной рыхлой и невѣрующей Все-Германіи; она забываетъ, что если раздробленіе было иногда вредно единству порядка, то за то же было и несподручно для единства анархіи. Однородные темпераменты, сходные организмы, легче заражаются одинаковыми эпидеміями.

ГЛАВА X.

Продолженіе того же.

Одинъ изъ предразсудковъ, наиболѣе сильныхъ въ наше время, есть убѣжденіе, что централизація безусловно вредна сама по себѣ.

Обыкновенно нападаютъ на централизацію Франціи.

Но несчастіе вовсе не въ самой централизаціи власти: несчастіе въ упрощеніи жизни, въ равенствѣ правъ, въ однообразіи субъективнаго эвдемоническаго (эгоистическаго) идеала и въ болѣе свободномъ чрезъ это столкновеніи интересовъ.

Чѣмъ однороднѣе темпераментъ, тѣмъ заразы опаснѣе.

Если разсматривать дѣло не съ точки блага всеобщаго, а съ точки зрѣнія государственнаго охраненія или порядка, то мы видимъ, что ни давняя централизація Франціи, ни раздробленность Германіи, или Италіи, ни провинціальныя вольности прежней Испаніи, ни децентрализація Великобританской земли, ни разнородное горизонтальное расслоеніе всей прежней Европы, не помѣшали всѣмъ отдѣльнымъ Государствамъ Запада стоять долго неприкосновенными и сотворить многое множество великаго и безсмертнаго для всего человѣчества.

Не централизація власти гибельна для страны сама по себѣ, она спасительна, напротивъ, до тѣхъ поръ, пока почва подъ этой властью разнообразна, ибо безсознательное, или полусознательное: «Divide et impera», есть законъ природы, а не Езуитизмъ и вредная низость, какъ думаютъ очень многіе люди нашего времени.

Пока есть сословія, пока провинціи не сходны, пока воспитаніе различно въ разныхъ слояхъ общества, пока претензіи не одинаковы, пока племена и религіи не уравнены въ общемъ индифферентизмѣ, до тѣхъ поръ власть большая, или меньшая, централизированная есть необходимость. И тогда, когда всѣ эти краски начали блѣднѣть и мѣшаться, централизація власти остается опять таки единственнымъ спасеніемъ отъ дальнѣйшей демократизаціи жизни и ума.

Испанія никогда не была такъ сосредоточена, какъ Франція, а развѣ ея положеніе лучше?

Италія? Развѣ она крѣпка? Развѣ [illegible]

Развѣ не ясно, что [illegible] Пія IX и [illegible] которая пользуется [illegible] популярности [illegible] [illegible] роль?

Развѣ [illegible] духовное [illegible] Италіи [illegible] что ея [illegible] развитія [illegible] Италія [illegible] косвеннаго ослабленія Франціи и Австріи [illegible] глубокаго разстройства охранительныхъ силъ [illegible] ченія дальнѣйшаго хода ко всеобщему Западному уравненію и смѣшенію?

А Соціалисты? Развѣ ихъ нѣтъ въ Италіи? Если шумныи и мечтательныи періодъ Соціализма [illegible] онъ [illegible] глубже [illegible]

Ясно одно: Европа въ XIX вѣкѣ переступила за роковыя 1000 лѣтъ государственной жизни.

Что же случилось съ ней?

Повторяю, она вторично [illegible] своемъ, составныя части ея стали противъ прежняго гораздо сходнѣе, однообразнѣе.

Вмѣсто организованнаго разнообразія, больше и больше распространяется разложеніе въ простотѣ. Фактъ этотъ, кажется, несомнѣненъ; исходъ можетъ быть сомнителенъ, я не спорю, я говорю только о современномъ явленіи, и если я сравню эту картину съ картинами всѣхъ древнихъ Государствъ, передъ часомъ ихъ гибели, я найду и въ исторіи Аѳинъ, и въ исторіи Спарты, и всей Еллады и Египта и Византіи и Рима [illegible] общее, именно подъ конецъ: уравненіе, всеобщ[illegible] женіе, смѣшеніе, [illegible] [illegible] вмѣсто рѣзкихъ кристалловъ, дрова и сѣмена, годныя другимъ новымъ мірамъ для топки и для пищи, но не дающія уже прежнихъ листьевъ и цвѣта.

Нынѣшній прогрессъ не есть процессъ развитія: онъ есть процессъ вторичнаго упрощенія, процессъ разложенія, для тѣхъ Государствъ, конечно, изъ которыхъ онъ вышелъ, или которымъ крѣпко усвоился.

Что же сдѣлали надъ собою Европейскія Государства, переступая за роковое тысячелѣтіе?

Они всѣ и портили у себя болѣе или менѣе, въ частностяхъ ту государственную форму, которая выработалась у нихъ въ періодъ цвѣтущей сложности. Они всѣ постепенно измѣнили той системѣ отвлеченныхъ, внѣ личнаго субъективнаго удовольствія поставленныхъ, идей, которыя выработались у нихъ въ эпоху морфологическую, и вознеслись надъ ними, какъ знамя, великая руководящая тѣнь!

Съ конца XVIII вѣка и въ началѣ нашего, на материкъ Европы вторглись ложно понятыя тогда Англо-Саксонскія конституціонныя идеи.

Испанія была самодержавной, но децентрализованной, Монархіей. Ее попытались сдѣлать болѣе конституціонной, ограниченной, попытались ослабить власть и усилить, сосредоточить, представительство народа.

Приблизивъ Испанію болѣе къ этому лже-Британскому типу, упростили этимъ самымъ еще немного общую юридическую картину Европы.

И что же мы видимъ?

Франція? Но говорить ли о столь извѣстной исторіи Франціи, которая такъ ясна и поучительна! Ея форма была самодержавіе централизованное, аристократическое и Католическое.

Обманчивое, пламенное величіе 89 года измѣнило все это. Съ тѣхъ поръ Франція все больше и больше упрощалась и уравнивалась всячески, пока 71 годъ не обнаружилъ, что у нея много людей, но нѣтъ человѣка, вождя! Вождей создаетъ не парламентаризмъ, а реальная свобода, т. е., нѣкоторая свобода самоуправленія.

И замѣтьте, именно съ 60 годовъ, какъ только либеральная партія жалкихъ Жюль Фавровъ и К° начала брать верхъ, какъ только Наполеону III стали вязать руки, такъ и началась ошибка за ошибкой, несчастіе за несчастіемъ.

Не власть виновата, виновата непокорность!

Теперь Франція очень проста: она, подобно Испаніи, демократическая Республика. Прочна ли она?

Что дѣлаетъ Германія?

Во первыхъ, прежде всего напомнимъ, что политически умерли

уже всѣ Государства средней и южной Германіи, т. е. тѣ въ которыхъ особенно послѣ 48 года стало больше равенства и свободы, и больше раціонализма (Риль, въ «Land und Leute,» чрезвычайно художественно описываетъ это упрощеніе и смѣшеніе средней Германіи).

Только одна Католическая Баварія еще обнаруживаетъ признаки жизни, благодаря своему своеобразію, своей отсталости (то же у Риля въ той же книгѣ есть о Баварскихъ селянахъ прекрасныя мѣста).

Побѣдила всѣхъ и все Пруссія, у которой были:

1) Король набожный и почти всевластный; 2) Конституція плохая, т. е., дававшая возможность власти дѣлать дѣло; 3) Привилегированное и воинственное юнкерство. Итакъ, именно все то, чего не было, или чего было меньше, у средней Германіи въ 66 и у Франціи въ 70 годахъ.

Но... дальше что?

Ренанъ, который былъ либераломъ кажется только въ религіи (что, конечно, хуже всего), послѣ пораженія Французской демократіи, осрамившейся безъ Императора еще хуже, чѣмъ при немъ, Ренанъ въ отчаяніи воскликнулъ, что безъ аристократіи жить нельзя Государству, но такъ какъ назадъ не можетъ возвратиться никто, такъ пусть, говоритъ онъ, продолжается наше демократическое гніеніе! Мы постараемся отмстить нашимъ сосѣдямъ, заражая и ихъ тѣмъ же.

Вскорѣ послѣ этого газета Times напечатала слѣдующее «Мщеніе Франціи осуществляется — старая Пруссія демократизируется» и т. д.

И вотъ мы видимъ, что вліяніе аристократіи въ округахъ уничтожено, Католическая партія и Церковь преслѣдуются такъ, что само Протестантское духовенство смущено (этотъ безсильный Протестантизмъ!), вводится обязательный гражданскій бракъ (т. е., юридическій конкубинатъ).

Что касается до всеобщей грамотности, всеобщаго ополченія и всеобщаго единства, до желѣзныхъ дорогъ повсюду и т. п., то это все вещи обоюдуострыя, сегодня для порядка, а завтра для разрушенія удобныя. Это все служитъ тому же вторичному смѣшенію.

Внѣшняя политика скользка между Славизмомъ и Франціей.

Либералы сильны лишь оппозиціей и фразами въ мирное

время. У либераловъ XVIII вѣка были новыя идеи, старыя ненависти и матеріальные интересы на подачку простому народу. Есть ли все это у нынѣшнихъ либераловъ?

Австрія, побѣжденная подъ Садовой, вступила искренно впервые въ новую эру свободы и равенства, и—распалась на двое, опасаясь со дня на день распаденія на 5—6 частей.

Турція даже и та едва держится, и держится она, не сама, но лишь внѣшними обстоятельствами и внутренними раздорами Христіанъ. Съ какихъ это поръ? Съ тѣхъ поръ, какъ она болѣе прежняго упростилась, уровняла права и положеніе разновѣрныхъ, съ тѣхъ поръ, какъ демократизировалась по своему. Если бы дать ей еще Парламентъ, какъ хотѣли Англичане, чтобы парализовать вліяніе Россіи и Генерала Игнатьева на самодержавнаго Султана, то, прибавивъ либеральную неурядицу къ эгалитарной слабости, Турція не простояла бы и нѣсколькихъ лѣтъ.

Остается одна Англія. Здѣсь эгалитарный процессъ не такъ еще рѣзко выразился. Что касается до либерализма въ тѣсномъ, чисто конституціонномъ, или политическомъ, смыслѣ, то онъ уже былъ издавна присущъ естественной организаціи этой страны.

Если же расширить понятіе свободы, то она въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ непремѣнно совпадетъ съ равенствомъ. А такой свободы въ Англіи не было прежде.

Ни Диссидентовъ Англіи, ни Католиковъ вообще, ни Ирландцевъ, ни бѣдные классы, нельзя было назвать вполнѣ свободными даже и политически. Свободныя учрежденія Англіи были до новѣйшаго времени тѣсно связаны съ привилегіями Англиканской Церкви.

Равенства, въ широкомъ смыслѣ понятаго, въ Англіи было сначала, пожалуй, больше, чѣмъ, на пр., во Франціи, но потомъ, именно по мѣрѣ приближенія цвѣтущаго періода (Елисавета, Стюарты, Вильгельмъ Оранскій и Георги) и юридическаго и фактическаго равенства, стало все меньше и меньше. И Англія, какъ всякое другое Государство, какъ всякая нація, какъ всякій организмъ, даже болѣе, какъ все существующее и въ пространствѣ и въ сознаніи (какъ дерево, какъ человѣкъ, какъ философскія системы, какъ архитектурные стили), подчинилась всеобщему закону развитія, которое состоитъ въ постепенномъ осложненіи содержанія, сдерживаемаго до поры до времени деспотизмомъ формы: тому закону, по которому все сперва смѣшивается, т. е., стремится къ высшему единству въ высшемъ разнообразіи (къ оригинальности), а потомъ расплывается, смѣшивается, упрощается вторично и понижается, дробится и гибнетъ.

Съ перваго взгляда кажется, какъ будто Англіи посчастливилось больше другихъ странъ Европы. Но едва ли это такъ. Посмотримъ, однако, повнимательнѣе.

Конечно, Англіи посчастливилось сначала тѣмъ, что она долго сбывала свои упрощенія, горючіе матеріалы, въ обширныя колоніи. Англія демократизировалась на новой почвѣ, въ Соединенныхъ Штатахъ Америки.

Соединенные Штаты относятся къ Великобританіи въ пространствѣ точно также, какъ Франція XIX вѣка относится во времени къ Франціи XVII. Америка Вашингтона и Линкольна и Франція Наполеона I и Наполеона III, это одинаково демократически упрощенныя страны, вышедшія, посредствомъ процесса вторичнаго упрощенія, первая изъ Англіи Елисаветы, Вильгельма III и Питта, вторая изъ Франціи Франциска I, Ришелье и Людовика XVI.[19]

При процессѣ вторичнаго упрощенія, я кажется уже говорилъ: до полной первоначальной племенной простоты и бѣдности Государства и націи прежде своего окончательнаго разрушенія, или глубокаго завоеванія, никогда не доходятъ. Они всегда сохраняютъ до послѣдней минуты нѣкоторыя черты своего цвѣтущаго періода. Такъ Спарта кончила жизнь съ двумя Царями, Римъ съ своей законной диктатурой Императора и даже съ тѣнью Сената.

---

[19] Соединенные Штаты,—это Кареагенъ современности. Цивилизація очень старая, Халдейская въ упрощенномъ республиканскомъ видѣ на новой почвѣ въ дѣвственной землѣ.

Вообще Соединенные Штаты не могутъ служить никому примѣромъ. Они слишкомъ еще недолго жили: всего одинъ вѣкъ. Посмотримъ, что съ ними будетъ черезъ 10—20 лѣтъ. И у нихъ было прежде больше разнообразія, было рабство, а теперь упрощеніе и смѣшеніе. Если они расширятся, какъ Римъ, или Россія, на другія несходныя страны, на Канаду, Мексику, Антильскіе острова, и вознаградятъ себя этой новой пестротою за утраченную послѣдней борьбой внутреннюю сложность, не потребуется ли тогда имъ Монархія? Многіе, бывшіе въ Америкѣ, такъ думаютъ

Такъ Аѳины умирали съ фактическими излюбленными демагогами во главѣ, съ Димосѳенами и Фокіонами.

Византія пала съ Православнымъ Кесаремъ на стѣнахъ Новаго Рима и т. д.

И дабы еще разъ убѣдиться, что приведенные мною не разъ примѣры изъ жизни не политической, а изъ явленій природы и изъ исторіи духа человѣческаго, употреблены были мною не какъ риторическое уподобленіе, а въ видѣ попытки объяснить реалистическими всеобщими законами исторіи, развитія и паденія Государства, я упомяну здѣсь о томъ, что и во всемъ существующемъ мы встрѣчаемъ то же. Именно мы видимъ, что при процессѣ разложенія и смерти остаются до послѣдней минуты нѣкоторыя черты, выяснившіяся въ періодъ цвѣта или сложности.

Такъ, зародыши всѣхъ животныхъ очень схожи между собой, очень просты и однообразны; плоды утробные всѣхъ млекопитающихъ крайне однородны и схожи въ началѣ; но остатки разныхъ животныхъ довольно еще различны, пока не распадутся въ прахъ (на примѣръ, внутренній скелетъ позвоночныхъ, наружные покровы умершихъ суставчатыхъ, раковины безъ моллюсковъ и т. д.). Такъ деревья высохшія и лишенныя листьевъ хранятъ еще слѣды своей прежней организаціи: они проще, однообразнѣе, малосложнѣе прежняго, но опытный внимательный глазъ по рисункамъ коры, по общимъ контурамъ ствола и вѣтвей, по росту, различаетъ, который дубъ, которая яблонь, который тополь, или маслина.

Такъ Протестантизмъ, который былъ сначала не что иное, какъ вторичное упрощеніе Католицизма, сохранилъ въ себѣ, однако, нѣкоторыя черты Римской Церкви.

Кончивъ это необходимое замѣчаніе, я обращусь опять къ Англо Саксонской исторіи.

Итакъ Великобританія сначала упростилась за океаномъ, и тѣмъ спасла себя отъ внутренняго взрыва и отъ насильственной демократизаціи дома.

Но она не спасла себя все таки отъ частнаго разложенія. Насильственное отпаденіе упрощенной заатлантической Англіи произошло почти въ одно время съ насильственнымъ внутреннимъ упрощеніемъ Франціи. И то и другое событіе относятся ко 2-й половинѣ прошлаго вѣка.

Обладая Индіей, Австраліей и другими колоніями, завоевывая то Канаду, то Гибралтаръ, присоединяя то Мальту, то Іоническіе острова, Великобританія вознаграждала, правда, себя за эту потерю посторонними новымъ разнообразіемъ внѣ своихъ предѣловъ, подобно древнему Риму, который, упрощаясь внутренно, вмѣстѣ съ тѣмъ, присоединяя своеобразныя и неравноправныя съ собою страны, поддерживалъ долго свое существованіе.

Законъ разнообразія способствующаго единству, и тутъ остается въ полной силѣ.

Завоеванія оригинальныхъ странъ—единственное спасеніе при начавшемся процессѣ вторичнаго упрощенія.

Однако съ 20-хъ—30-хъ годовъ и въ нѣдрахъ самой Англіи начался прогрессъ демократическій.

И у нея явились радикалы. И эти радикалы, какъ бы именно для того, чтобы сблизить государственный типъ Великобританіи съ типами материка Европы, чтобы упростить и уравнять картину всего Запада, нерѣдко бываютъ централистами. Таковъ, на пр., во многихъ случаяхъ и самъ Джонъ Стюартъ Милль.

Разнородныя и странныя особенности Англійской организаціи по немногу сглаживаются, оригинальные обычаи сохнутъ, бытъ разныхъ провинцій становится болѣе однороднымъ. Права Католиковъ уравнены, однообразія воспитанія и классовъ гораздо больше прежняго. Лорды уже не брезгаютъ поступать директорами банковъ. Средній классъ, какъ и въ другихъ странахъ Европы, преобладаетъ давно. Господство средняго класса есть то же упрощеніе и смѣшеніе; ибо онъ, по существу своему, стремится все свести къ общему типу, такъ называемаго, буржуа.

По этому и Прудонъ, этотъ упроститель par excellence, съ жаромъ увѣряетъ, что цѣль всей исторіи состоитъ въ томъ, чтобы обратить всѣхъ людей въ скромныхъ однороднаго ума и счастливыхъ, не слишкомъ много работающихъ, буржуа. «Будемъ крайни теперь въ нашихъ порывахъ!» восклицаетъ онъ, чтобы дойти скорѣе до этого средняго человѣка, котораго прежде всего выработалъ tiers-etat Франціи!»

Хорошъ идеалъ! Однако, во всѣхъ странахъ идутъ люди по слѣдамъ Франціи. Недавнія извѣстія изъ Англіи говорятъ, что

Г. Брайтъ, на пр., въ рѣчахъ своихъ выражаетъ нетерпѣніе, «когда же Англія станетъ настоящей свободной страной? Идутъ рѣчи и о нарушеніи правъ первородства...

Любопытно сравнить съ подобными рѣчами передовыхъ Англичанъ вопли раскаянія многихъ несомнѣнно умныхъ Французовъ, на пр., Ренана!

Жаль будетъ видѣть, если Англичанамъ придется брать уроки поздней мудрости у безумныхъ Французовъ. Дай Богъ намъ ошибиться въ нашемъ пессимизмѣ!

Мирный постепенный ходъ эгалитарнаго прогресса, вѣроятно, долженъ имѣть на ближайшее будущее націи дѣйствіе иное, чѣмъ имѣютъ на это ближайшее будущее перевороты бурные, совершающіеся съ цѣлью того же эгалитарнаго процесса. Но на будущее болѣе отдаленное, я полагаю, дѣйствіе бываетъ сходное. Мирное упрощеніе и смѣшеніе прежде, разстройство дисциплины и необузданность послѣ.

Однообразіе правъ и большее противу прежняго сходство воспитанія и положенія, антагонизма интересовъ не уничтожаетъ, быть можетъ, усиливаетъ.

Къ тому же замѣчается, что вездѣ подъ конецъ государственности усиливается неравенство економическое паралельно и одновременно съ усиленіемъ равенства политическаго и гражданскаго.

Страданій не меньше прежняго; ибо они другого рода, новыя страданія, которыя чувствуются глубже, по мѣрѣ того вторичнаго уравненія въ понятіяхъ, во вкусахъ, въ потребностяхъ, которое настаетъ по окончаніи сложнаго цвѣтущаго періода общественной жизни.

Гипотеза вторичнаго упрощенія и смѣшенія, которую я пытаюсь предложить, имѣетъ, конечно, значеніе болѣе семіологическое, чѣмъ причинное (чѣмъ этіологическое).

Вторичное упрощеніе и вторичное смѣшеніе, суть признаки, а не причина, государственнаго разложенія.

Причину же основную надо, вѣроятнѣе всего, искать въ психологіи человѣческой. Человѣкъ ненасытенъ, если ему дать свободу. Голова человѣка не имѣетъ формы навѣснаго шишака, плоскую сзади, въ сторонѣ чувствъ и страстей, высокую, развитую спереди, въ сторонѣ разсудка. И, благодаря этому раз-

витію заднихъ частей нашего мозга, развитіе раціонализма въ массахъ общественныхъ (другими словами, распространеніе большихъ противу прежняго претензій на пониманіе) приводитъ лишь къ возбужденію разрушительныхъ страстей, вмѣсто ихъ обузданія авторитетами. Такъ что наивный и покорный авторитетамъ человѣкъ оказывается, при строгой повѣркѣ, ближе къ истинѣ, чѣмъ самоувѣренный и заносчивый гражданинъ уравненнаго и либерально-развинченнаго общества. Русскій безграмотный, но богомольный и послушный, крестьянинъ эмпирически, такъ сказать, ближе къ реальной правдѣ житейской, чѣмъ всякій раціональный либералъ, глупо вѣрующій, что всѣ люди будутъ когда-то счастливы, когда-то высоки, когда-то одинаково умны и разумны.

Развѣ реалисты не стали бы смѣяться надъ тѣмъ, кто сказалъ бы, что прямые углы были равны только по ошибкѣ нашихъ отцовъ, а отнынѣ и впредь будетъ все иначе на этой бѣдной землѣ?

«Лукавые происки властителей и преобладающихъ классовъ сдѣлали то, что земля обращалась около солнца. Это невыгодно для большинства. Мы сдѣлаемъ то, что земля будетъ обращаться отнынѣ около Сиріуса! Прогрессъ нарушитъ всѣ основные законы природы... Животные будутъ мыслить печенью, варить пищу легкими, ходить на головѣ!.. Всѣ ячейки, всѣ ткани будутъ однородны, всѣ органы будутъ совершать одинаковыя отправленія и въ полной гармоніи (не антитезъ, а согласія!).»

Если и въ Англіи уже довольно ясно выразился процессъ демократическаго упрощенія, то можно желать отъ всего сердца, чтобы дальнѣйшій ходъ этого процесса совершался въ ней какъ можно медленнѣе, чтобы она какъ можно дольше оставалась поучительнымъ примѣромъ сложности и охраненія. Но можно ли увѣрять себя, что Англія Гладстоновъ и Брайтовъ то же самое, что Великая Британія Питтовъ и даже Роб. Пиля?

Р. Пиль былъ великій государственный мужъ; онъ крайне неохотно уступалъ прогрессу смѣшенія и уравненія. Онъ не увлекался имъ. Онъ говорилъ: «Я не нахожу болѣе возможнымъ продолжать борьбу.»

Повторяю еще разъ: всѣ Государства Запада сначала были схожи, потомъ стали очень различны другъ отъ друга и внутренно сложны, а теперь они опять всѣ стремятся слиться на

послѣ эгалитарной равномѣрности, серединный составъ психическій характеръ націи не поможетъ тутъ ничего.

Твердыя и тяжелыя вещества, сталкиваясь въ безпорядкѣ, дѣйствуютъ другъ на друга еще разрушительнѣе мягкихъ, или жидкихъ.

Все сливается и все расторгается!

ГЛАВА XI.

Сравненіе Европы съ древними государствами.

Зданіе Европейской культуры было гораздо обширнѣе и богаче всѣхъ предыдущихъ цивилизацій.

Въ жизни Европейской было больше разнообразія, больше лиризма, больше сознательности, больше разума и больше страсти, чѣмъ въ жизни другихъ прежде погибшихъ историческихъ міровъ. Количество первоклассныхъ архитектурныхъ памятниковъ, знаменитыхъ людей, священниковъ, монарховъ, воиновъ, правителей, художниковъ, поэтовъ, было больше, войны громаднѣе, философія глубже, богаче, религія безпримѣрно пламеннѣе, на пр., Еллино-Римской, аристократія рѣзче Римской, монархія въ отдѣльныхъ Государствахъ опредѣленнѣе (наслѣдственнѣе) Римской; вообще самые принципы, которые легли въ основаніе Европейской государственности, были гораздо многосложнѣе древнихъ.

Чтобы потрясти такое сложное по плану (см. объ этомъ предметѣ у Гизо, въ «Исторіи цивилизаціи») и величественное, небывалое зданіе, нужны были и болѣе сильныя средства, чѣмъ въ древности. Древнія Государства упрощались почти нечаянно, эмпирически, такъ сказать.

Европейскія Государства упрощаются самосознательно, раціонально, систематически.

Древнія Государства не проповѣдывали сознательно религіи прогресса; они эманципировали лица, классы и народы отъ старыхъ узъ цвѣтущаго періода и, отчасти вопреки себѣ вопреки

своему идеалу, который въ принципѣ былъ вообще консервативенъ.

Европа, чтобы растерять скорѣе свою благородную исполинскую грудь, повѣрила въ прогрессъ демократическій не только какъ во временный переходъ къ новой исторической метампсихозѣ, не только какъ въ ступень къ новому неравенству, новой организаціи, новому спасительному деспотизму формы, нѣтъ! Она повѣрила въ демократизацію, въ смѣшеніе, въ уравненіе, какъ въ идеалъ самаго Государства!

Она приняла жаръ изнурительной лихорадки за прорѣзованіе младенческихъ зубовъ, за государственное возрожденіе, изъ собственныхъ нѣдръ своихъ, безъ помощи чуждаго притока! Древность по этому не можетъ представить той картины систематическаго, раціональнаго, смѣшенія, того, такъ сказать, научно предпринятаго вторичнаго упрощенія, какое представляютъ намъ Государства Европы съ XVIII вѣка.

У древности это движеніе менѣе ясно, менѣе рѣзко, менѣе окончено; но можно убѣдиться, что и во всѣхъ древнихъ Государствахъ вторичное упрощеніе картины, ослабленіе, подвижность власти, расшатываніе кастъ, и по этому неорганическое отношеніе людей, племенъ, религій, болѣе однообразное противу прежняго устройство областей, предшествовали паденію и гибели.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ прошедшее служитъ примѣромъ и объясненіемъ настоящему; въ другихъ настоящее, своей ясностью и рѣзкостью, раскрываетъ намъ глаза на что либо болѣе смутное и темное въ прошедшемъ.

Сущность явленія таже; сила, выразительность его могла быть разная, при разныхъ условіяхъ времени и мѣста.

Припомнимъ кратко, какъ кончали свою жизнь различныя Государства древности.

Отдѣльное Аѳинское Государство было погублено демагогами. Это до того уже извѣстно, что ученику Гимназіи который не зналъ бы о роли Клеона, о консервативномъ, или реакціонномъ, духѣ комедій Аристофана, о напрасныхъ попыткахъ Спартанцевъ, Критія, 30 Тирановъ, Лисандра и др., возстановить аристократическое правленіе въ анархическомъ городѣ, такому ученику поставили бы на испытаніи единицу.

Устройство Аѳинъ уже со временъ Солона не слишкомъ аристократическое, послѣ Перикла приняло вполнѣ эгалитарный и либеральный характеръ.

Что касается до Спарты, она шла другимъ путемъ, была бѣднѣе и крѣпче духомъ, но и съ ней случилось подъ конецъ то же, что съ нынѣшней Пруссіей: Государство бѣдное, болѣе суровое и болѣе аристократическое, побѣдило другое Государство болѣе торговое, болѣе богатое и болѣе демократическое, но немедленно же заразилось всѣми его недостатками.

Спарта подъ конецъ своего существованія измѣнила только одну существенную черту своего быта: она освободилась отъ стѣснительной формы своего аристократическаго сословнаго коммунизма, по которому всѣ члены неравныхъ горизонтальныхъ слоевъ были внутри этихъ слоевъ равны между собою.

Въ ней стало больше политическаго равенства, но меньше економическаго.

Около 400 — 450 до Р. Х. общественныя имущества были объявлены частными (какъ и въ другихъ мѣстахъ), и всякій сталъ воленъ располагать ими, какъ хотѣлъ, всякій получилъ равное право богатѣть и бѣднѣть по волѣ.

Организація Спарты, Дорійская форма, испортилась и стала приближаться постепенно къ тому общему среднему типу, къ которому стремилась тогда Еллада безсознательно.

Реакція Царей Агиса и Клеомена въ пользу Ликурговыхъ законовъ также мало удалась, какъ и реакція Аѳинскихъ Олигарховъ.

Что касается до общей исторіи Еллинскаго паденія, то самое лучшее привести здѣсь нѣсколько словъ изъ руководства Вебера. Для такихъ широкихъ вопросовъ хорошіе учебники самая вѣрная опора. Въ нихъ обыкновенно допускается лишь то, что признано всѣми, всей наукой:

«Мы видѣли, говоритъ Веберъ, что Греческій геній уничтожилъ и разбилъ мало по малу строгія формы и узкіе предѣлы Восточной (я бы сказалъ не Восточной, а просто первоначальной) организаціи, распространилъ личную свободу и равенство правъ для всѣхъ гражданъ до крайнихъ предѣловъ, и наконецъ, въ своей борьбѣ противъ всякаго ограниченія личной свободы, чѣмъ бы то ни было, традиціями и правами, закономъ, или усло-

віями, потерялся во всеобщей нестройности и непрочности.» Далѣе я не выписываю (см. «Всеобщая исторія,» Вебера, заключеніе Греческаго міра, послѣднія страницы).

Я привелъ отрывокъ изъ общепринятаго Нѣмецкаго руководства.

Но можно найти почти то же въ сочиненіи Гервинуса, «Исторія XIX вѣка.»

Гервинусъ начинаетъ свою книгу съ того, что находитъ большое сходство между послѣдними временами павшей Еллады и современностью торжествующей Европы.

Еллада разрушилась. Но для современности общіе законы видно не писаны.

И Гервинусъ вѣритъ въ будущее: «Историческія размышленія избавили меня отъ пламенныхъ ожиданій, волнующихъ другихъ, и тѣмъ предохранили отъ многихъ заблужденій, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, эти размышленія никогда не отказывали мнѣ въ утѣшеніи и поддержкѣ.» Таковы слова знаменитаго ученаго. Онъ не говоритъ, однако, на какія именно утѣшенія онъ расчитываетъ, на всеобщее благо, хотя бы купленное цѣною паденія современныхъ Государствъ, или на долгую государственную жизнь современной демократіи? А различить это было бы очень важно. Вѣрнѣе, что онъ думаетъ о послѣднемъ.

Гервинусъ находитъ и въ исторіи Еллинизма и въ современности слѣдующія сходныя явленія:

«Вездѣ, говоритъ онъ, мы замѣчаемъ правильный прогрессъ свободы духовной и гражданской, которая сначала принадлежитъ только нѣсколькимъ личностямъ, потомъ расспространяется на большее число ихъ, и наконецъ достается многимъ. Но потомъ, когда Государство совершитъ свой жизненный путь, мы снова видимъ, что отъ высшей точки этой восходящей лѣстницы развитія (я бы сказалъ разлитія!) начинается обратное движеніе просвѣщенія, [**] свободы и власти, которыя отъ многихъ переходятъ къ немногимъ, и наконецъ къ нѣсколькимъ.»

«Въ Елладѣ воцарилась передъ паденіемъ Тиранія; въ Европѣ теперь (говоритъ онъ въ изданіи 1852 г.) абсолютизмъ.»

[**] Развѣ въ Александрійскомъ періодѣ количественное разлитіе просвѣщенія не было гораздо сильнѣе, чѣмъ въ эпоху творчества?

Видимо, онъ находился подъ впечатлѣніемъ воцаренія Наполеона III и реакціи въ Германіи.

Но послѣдствія доказали, что Наполеонъ III еще больше демократизировалъ Францію, а реакція монархическая Германіи, рядомъ антитезъ политическихъ, привела эту страну точно также къ современному ея смѣсительному упрощенію.

Къ тому же я не вижу, чтобы тиранія единоличная была въ Елладѣ вездѣ въ эпоху паденія. Главные два представителя Еллинизма, Аѳины и Спарта, пали въ республиканской формѣ.

Если же считать и монархическій Македонскій періодъ за продолженіе Еллинской государственности (хотя это будетъ не совсѣмъ строго), то надо будетъ заключить вотъ что: Абсолютизмъ, на почвѣ уже вторично смѣшанной и уравненной, конечно, есть единственный якорь спасенія; но дѣйствительность его не слишкомъ прочна безъ притока новаго дисциплинирующаго разнообразія.

Греко-Македонскія Монархіи простояли очень недолго. Наполеонъ III палъ, и будущее объединенной и смѣшанной Германіи, по аналогіи, должно быть сомнительнымъ, по крайней мѣрѣ.

Ясно, что и Гервинусъ не свободенъ отъ религіи «des grands principes de 89.»

Причины паденія древняго Египта также хорошо извѣстны, какъ и причины паденія Еллинскихъ Государствъ, хотя и въ болѣе общихъ чертахъ, съ менѣе осязательными подробностями.

И здѣсь мы увидимъ то же, что и вездѣ. Въ цвѣтущемъ періодѣ сложность и единство, сословность, деспотизмъ формы; потомъ еще большее, но мгновенное, увеличеніе разнообразія посредствомъ небывалаго дотолѣ допущенія иностранцевъ (Грековъ и Финикіянъ при Псамметихѣ и Нехао, 200,000 воиновъ выселились при видѣ такого прогресса), возрастаніе богатства, торговли и промышленности, по этому большая подвижность классовъ и всей жизни, потомъ, незамѣтное сразу, уравненіе, смѣшеніе, слитіе и... наконецъ, почти всегда неожиданное, внезапное, паденіе.

Говорить ли о Римѣ?

Его постепенная демократизація слишкомъ извѣстна.

Смѣшивался и уравнивался онъ не разъ. Первый разъ Патриціи смѣшались, уравнялись постепенно съ плебеями въ маленькомъ, первоначальномъ Римѣ. Это придало Риму, какъ всегда бываетъ, мгновенную силу, и онъ воспользовался этой силой для завоеваній въ Италіи. Эти завоеванія, при которыхъ наставшее внутреннее упрощеніе восполнялось новымъ разнообразіемъ, какъ быта присоединяемыхъ областей, такъ и неравномѣрными правами, даруемыми имъ.

Потомъ почти вся Италія упростилась, сравнялась въ правахъ и, вѣроятно, въ духѣ и бытѣ. Начались завоеванія на югѣ и западѣ, на сѣверѣ и востокѣ, весьма разнообразныхъ племенъ и Государствъ.

Всѣ простыя аристократическія реакціи Коріолановъ, Суллъ, Помпеевъ, Брутовъ и здѣсь не удались на долго, хотя, конечно и сдѣлали свою долю пользы въ смыслѣ какой ни будь еще не понятной намъ пондераціи реальныхъ силъ общества.

Цезарь и Августъ еще болѣе демократизировали Государство: они были вынуждены, ходомъ развитія, сдѣлать это, и осуждать ихъ за это нельзя.

Время отъ Пуническихъ войнъ приблизительно до Антониновъ есть время цвѣтущей сложности Рима. Упрощаясь въ одномъ, развязывая себѣ руки, онъ еще болѣе разнообразился, выростая до тѣхъ поръ, пока силы, смѣшивающія и упрощающія все существующее, не взяли и въ немъ верхъ надъ силами осложняющими и объединяющими, надъ силами организующими.

Каракалла (въ III вѣкѣ по Р. Х.) уравнялъ права всѣхъ гражданъ, рожденныхъ не отъ рабовъ, по всей Имперіи.

При Діоклетіанѣ (который былъ самъ сынъ раба) мы стоимъ уже у воротъ Византіи. Не находя около себя сословныхъ началъ, онъ ввелъ сложное чиновничество (вѣроятно, по образцамъ Древне-Восточнымъ, Персо-Халдейскимъ; ибо все возвращается, хотя и нѣсколько въ новомъ видѣ). Послѣ него Константинъ принялъ Христіанство. Вмѣсто политеистическаго, муниципально аристократическаго, конституціоннаго, Рима, явилась Христіанская, бюрократическая, но все таки муниципальная, Кесарская Византія.

Старая Еллино-Римская муниципальность, старый Римскій Кесаризмъ, новое Христіанство и новое чиновничество на образецъ Азіатскій, вотъ съ чѣмъ Византія начала свою 1000-лѣтнюю новую жизнь.

Какъ Государство, Византія провела, однако, всю жизнь лишь въ оборонительномъ положеніи. Какъ цивилизація, какъ религіозная культура, она царила долго повсюду и пріобрѣтала цѣлые новые міры, Россію и другихъ Славянъ.

Какъ Государство, Византія была немолода. Она жила вторую жизнь—доживала жизнь Рима.

Она была молода и сильна религіей. И разнообразіе ея было именно на религіозной почвѣ. Замѣчательно, что къ X вѣку были почти уничтожены, или усмирены, всѣ ереси, придававшія столько жизни и движенія Византійскому міру.

Торжество простого консерватизма оказалось для Государства также вредно, какъ и слишкомъ упрощающій прогрессъ. Весь Западъ отложился отъ Церкви и Православные (уравненные) Болгаре, которые съ Симеона оказались опаснѣе Болгаръ-язычниковъ Крума. Имперія едва, едва справилась съ ними. Церковь, пріостанавливаясь, была права для себя; она выработала главныя черты догмата, обряда и канона, предоставляя подробности разнообразію времени и мѣста.

Нравственная жизнь Церкви не ослабѣла. Святые отшельники продолжали на Востокѣ дѣйствовать своимъ возбуждающимъ примѣромъ на паству, были и мученики; въ дальней Россіи Православіе росло подъ Византійскимъ вліяніемъ. Ему предстоялъ еще безконечный путь. Но подъ этой осмысленно пріостановившейся философіей Церкви, продолжало скуднѣе прежняго существовать слишкомъ подвижное, смѣшанное въ частяхъ своихъ, Государство. Права были до того уравнены, что простые мясники, торговцы, воины всякихъ племенъ, могли становиться не только сановниками, но даже Императорами.

Съ IX—X вѣка зрѣлище Византіи становится все проще, все суше, все однообразнѣе въ своей подвижности. Это процессъ какого-то одичанія, въ родѣ упрощенія разнообразныхъ садовыхъ яблокъ, которыя постепенно всѣ становятся одинаково дикими и простыми, если ихъ перестать прививать. Этотъ родъ вторичнаго упрощенія, паденія, господствовалъ также въ Италіи послѣ блестящей эпохи возрожденія; въ Испаніи онъ насталъ послѣ Филиппа II; онъ грозилъ бы, вѣроятно, и Франціи послѣ Людовика XV, если бы не произошла вспышка 89 года, замѣнившая простоту застоя простотой прогресса. Необходимы новые элементы, но элементы, почерпнутые изъ силъ своего только народа, или близкаго намъ племени, страдающаго, подобно намъ, простотою; они, конечно, предотвращаютъ паденіе на нѣсколько времени и даютъ всегда періодъ шумной славы, но не надолго. Упрощающій прогрессъ есть уже не одичаніе упрощающаго односторонняго охраненія, а послѣднее плодоношеніе и быстрое гніеніе. Блеска много, прочности никакой. Примѣры Франціи временъ Республики и 1-й Имперіи, Италіи 59—60 годовъ и, вѣроятно (для меня, сознаюсь, и несомнѣнно даже), Германіи завтрашняго дня, на глазахъ.

Разъ упростившись политически, сословно-неизбѣжнымъ ходомъ дѣлъ, Государству остается одно: или разлагаться, или сближаться съ новыми чуждыми, несхожими, элементами, присоединять, завоевывать, новыя страны, носящія въ себѣ условія дисциплины, и не спѣшить глубокимъ внутреннимъ единеніемъ всего, не становиться слишкомъ однообразнымъ, простымъ по плану, или узору. Что скажетъ намъ, наконецъ, великая Персія Кира и возрожденная держава Сассанидовъ?

Разумѣется, не смотря на всѣ усилія науки, не смотря на клинообразныя надписи и на многія другія археологическія открытія послѣдняго времени, подробности Персидской исторіи менѣе для насъ осязательны, чѣмъ подробности исторіи Эллиновъ, Римлянъ и Византійцевъ, дошедшія до насъ во стольких письменныхъ документахъ. Однако индуктивно, исходя изъ другихъ примѣровъ, мы можемъ и въ этомъ Государствѣ предполагать движенія, сходныя съ нынѣшнимъ въ общихъ чертахъ.

Начало до Кира: простота бытовая, простая религія огня, простые феодальные вожди. Однообразіе зеленыхъ яблокъ.

Потомъ завоеваніе Мидійскихъ и Халдейскихъ странъ.

Присоединеніе Лидіи, Грековъ, Египтянъ, Евреевъ, чрезвычайная пестрота и могучее Царское единство.

Можно себѣ, безъ особеннаго труда и ошибки, вообразить, какъ велико должно было быть разнообразіе быта, религіи, языковъ, разнородность правъ и привилегій, въ этой обширной Имперіи послѣ Камбиза и до Дарія Кодомана. Все объединялось въ лицѣ Великаго Царя, который былъ олицетвореніемъ Бога на землѣ. Сатрапы, управлявшіе довольно независимо разнообразными областями, были, вѣроятно, большею частію сначала Иранскаго, феодальнаго, происхожденія. Но дворъ Царя, для объединенія, долженъ былъ, конечно, опираться не на однихъ природныхъ феода-

ловъ Иранцевъ, а для равновѣсія, и на разныя другія, болѣе смѣшанныя, демократизированныя, протестующія, силы другихъ народностей. Дворъ Великаго Царя, бывшій центромъ сложнаго цвѣтенія, долженъ былъ стать постепенно и исходной точкой постепеннаго смѣшенія и сравнительнаго уравненія людей, племенъ, религій. Мы видѣли, что всякаго рода люди проникали ко двору: Халдеи, Греки, Евреи. Исторія Еврея Мардохея и Амана одна уже доказываетъ это.

Демократическое разстройство Имперіи, однако, было, вѣроятно, еще не глубоко въ эпоху Дарія Кодомана и Александра Великаго.

Не смотря на кажущуюся побѣду Греко-Македонянъ, побѣдила въ сущности Персія. Ибо послѣ смерти Александра и Греціи собственно, объ Елладѣ республиканской и помина уже нѣтъ; а Македонскія Царства всѣ кончили свою жизнь черезъ 2, или 3, столѣтія, всѣ погибли подъ ударами Рима еще до Р. Х. Къ тому же видно по всему, что Греки ни вліяли гораздо меньше на учениковъ ихъ, Римлянъ. До столкновенія съ Персами Греки были своеобразнѣе, чѣмъ стали послѣ этого соприкосновенія, и государственный духъ Персидскаго Царизма повліялъ не только на нихъ, но гораздо позднѣе и на Римлянъ, и еще болѣе на переработанныхъ Востокомъ Византійцевъ.

Греко-Македонская государственность немедленно послѣ смерти Александра была отодвинута къ сѣвернымъ и западнымъ окраинамъ Персіи, и вскорѣ послѣ этого мы видимъ въ восточной части прежней Имперіи свѣжій притокъ Парѳянъ, снова простыхъ, снова феодальныхъ, воинственныхъ и родственныхъ по племени древнимъ Иранцамъ.

Римъ не можетъ побѣдить ихъ.

Подъ ихъ вліяніемъ воздвигается новое Царство огнепоклонниковъ съ той же религіей, съ тѣми же (вѣроятно, въ главныхъ чертахъ) государственными принципами, и проживаетъ до XII вѣка по Р. Х.

Въ этомъ вѣкѣ древнее Государство гибнетъ отъ руки Мусульманъ, и самая религія Зороастра исчезаетъ почти вовсе изъ исторіи. Не знаю, существуютъ ли подробные ученые труды о Царствѣ Сассанидовъ. Мнѣ они не извѣстны. Но, продолжая надѣяться на аналогію, я думаю, что тѣ смѣшивающія и уравнивающія причины, которыя дѣйствовали при послѣднихъ Ахе-